

ВОЛУЙКА: КРЕПОСТЬ НА ЮЖНОРУССКОЙ ОКРАИНЕ (СУДЬБЫ СЛУЖИЛЫХ И ЖИЛЕЦКИХ ЛЮДЕЙ XVII ВЕКА)

ГЛАВА 1. В НАЧАЛЕ РАТНЫХ ДЕЛ

Крепость «на Поле»

В конце XVI в. частые и опустошительные набеги «воинских людей» — «воровских черкас», крымских и ногайских татар, побудили государя Российского царства начать строительство городов-крепостей на южном «порубежье». К последнему относились территории, географически находящиеся между Днепром и Доном (современное Центральное Черноземье), граничащие с северскими, рязанскими и мордовскими землями на севере. На карте 1613–1614 гг. (Рис. 1) эта область обозначена «Crimea, Sev Tartaria», а на карте, изданной в Европе в середине XVII в. (Рис. 2), она показана в составе Московии под названием «Oscraina Dikoia Pole». На юге область соседствовала с приазовскими степями Крымского ханства, на юго-востоке — с землями донской казачей вольницы, на западе — с украинскими владениями Речи Посполитой. Благодаря иностранным путешественникам и картографам, географическое название данного региона «Дикое Поле» вошло в обиход. В российских же документах «диким полем» называлась ничейная запустелая, целинная, нераспаханная земля, где бы она ни находилась. В официальных бумагах конца XVI — первой половины XVII вв. прочно закрепилось иное название — «Польская Украина» или просто «Поле». К «польским» городам, то есть городам на Поле, относились: Белгород, Борисов (до 1612 г.), Волуйка, Воронеж, Елец, Курск, Лебедянь, Ливны, Оскол. После возведения в 1658 г. Белгородской защитной черты эти и другие города до 1708 г. входили в состав особой военно-административной единицы Великой России — Белгородского разряда.

«Волуйка» или «Волуйский город» — так в большинстве русских письменных источников XVII в. назывался город, о котором пойдет далее речь, — современные Валуйки Белгородской области Российской Федерации. Хронологические рамки нашей работы охватывают период с 1599 г. до начала XVIII в., поэтому в качестве основного выбрано историческое название города «Волуйка». Впрочем, в некоторых документах встречается также «Валуйка» — возможно, что появление «а» связано с особенностями южнорусского диалекта, для которого характерно неразличение безударных «о» и «а» в первом предударном слоге. В отдельных грамотах можно увидеть одновременно варианты написания через «о» и через «а», что говорит о неустойчивости и, в какой-то мере, равнозначности именовании. Очевидно, название города происходит от более древнего гидронима «Волуй» или «Волуика». Этимологический словарь русского языка Фасмера объясняет значение слова «волуй» как «волобий, коровий пастух». В словаре также указывается, что «волуи», от основы «вол», является древнерусским словом и изначально употреблялось как имя прилагательное «волобий, бычий». Вол и бык на юге одно и то же — самец крупного рогатого скота.

Первые русские города-крепости на Поле ставились в местах, из которых было особенно удобно наблюдать за движением воинских людей по «сакмам» или «шляхам» — путям, которыми они следовали вглубь страны для разорения и грабежа мирного населения. Восточнее Волуйки проходила Кальмиусская («Кальмиуская») сакма, западнее — Изюмская сакма. Эти большие татарские сакмы, в свою очередь, имели массу ответвлений, мелких дорог. Стороны света, с которых враг приходил к городу, назывались «Крымской» — запад и юго-запад, правобережье рек Оскол и Волуй, «Ногайской» — восток и юго-восток, левобережья тех же рек.

Волуйка в XVII в. являлась стратегически важным военным укрепленным пунктом с долговременными оборонительными сооружениями. Смелые и энергичные защитники крепости, сочетали полную опасностей и риска государеву службу с хозяйственной деятельностью. Настоящие герои,

превозмогая нужду, тяготы и лишения, осваивали пустынные пространства юга России и создавали для потомков славную историю города.

Wolluck / Волуйка

Рис.1. Фрагмент карты России 1613-1614 гг.¹

Wolouca / Волуйка

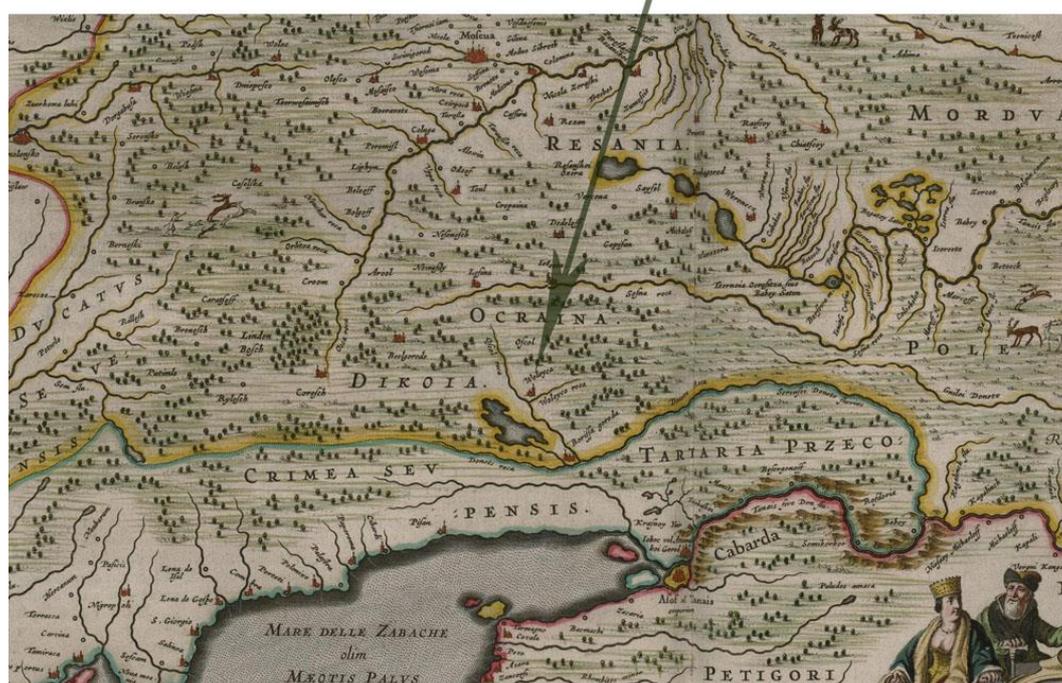

Рис.2. Фрагмент карты Юга России сер. XVII в.²

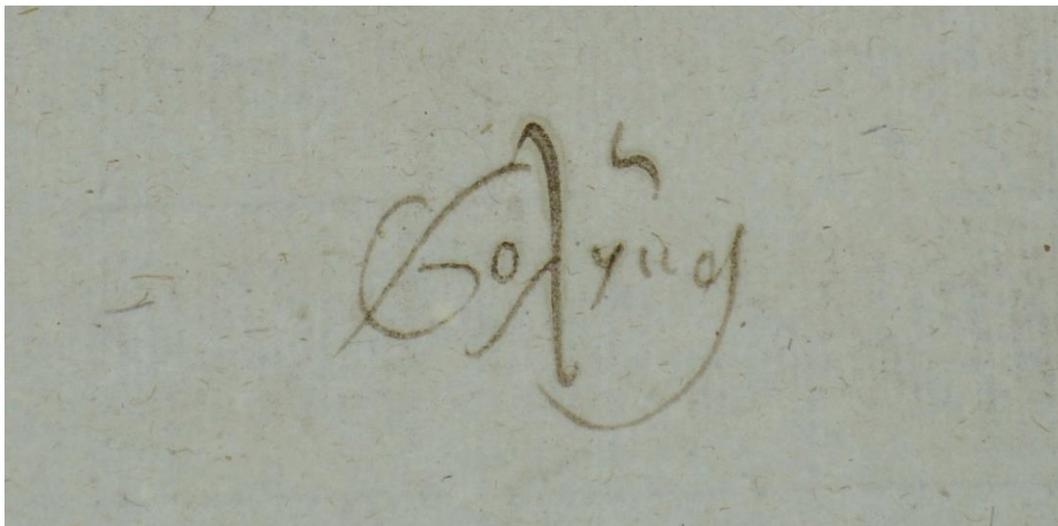

Рис. 3. Написание названия города Волуйки в документе 1632 г. Фрагмент листа (РГАДА)³

К вопросу о дате основания города

Во фрагменте «Пискаревского летописца», повествующем о событиях 7092 (1584) года, находим следующее упоминание: «(л. 586 об.) <...> Того же году великий государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии великим хотением и желанием разпростирает Рускую землю, аки древний сродник его великий князь Владимир, крестившу Рускую землю святым крещением: приказывает боярину своему и слуге и конюшему Борису Федоровичю Годунову да дьяку ближнему своему Андрею Щелкалову города (л. 587) ставити на поле и в Сивере, и к Астарахани, которыя за много лет запустевша от безбожных агарян и от междуусобных брани: елецких князей вотчина Ливна, Койса, Оскол, **Волуйка** (выделено нами. — А.Ч.), Белгория, Самара, Кромы, Манастырев и инья многия польския и сиверския»⁴. Получается, что решение царя о строительстве Волуйки относится к 1584 году. Но в документе нет ясности о его исполнении. Судя по названным городам, на это потребовался не один год.

В статье «О поставлении украинных городов» «Нового летописца» говорится: «Того же году (7101/1593. — А.Ч.) царь Федор Иванович виде от Крымских людей своему государству войны многие и помысля поставити по сакмам Татарским города и посла воевод своих со многими ратными людми.

Они же, шедше, поставиша на степи города: Белгород, Оскол, **Волуйку** (выделено нами. — А.Ч.) и иные города; а до тех городов поставиша на Украине города: Воронеж, Ливну, Куреск, Кромы. И насади ратными людьми, казаками и стрелцами и жилецкими людьми; те же города ево праведною молитвою укрепишася и ныне стоят»⁵. «Новый летописец» был создан около 1630 г. и его сведения о южных городах восходят к документам Разрядного приказа. Разрядные книги, в свою очередь, также составлялись в разное время, зачастую не на основе подлинных документов, а по более ранним редакциям книг и разрядных записей. Таким образом, в любой из Разрядных книг могут содержаться неполнота, неточности и ошибки составителей и переписчиков.

В Разрядной книге 1475–1605 гг. указана иная дата основания Волуйки, чем в «Новом летописце». В июле 7107 (1599) г. царь Борис Федорович прислал в Новосиль князю Владимиру Васильевичу Кольцову-Мосальскому грамоту: «А велено итти на поле князю Володимеру Мосальскому усть реки Волуйки города ставить; а с людьми велено збиратися на Осколе князю Володимеру Мосальскому⁶, а срок на Семен день 108 (1599)-го году. А со князь Володимером товарищ город ставил голова Судок Мясной, а люди с ним по росписи. А пришли на усть Волуйки сентября в 13 день, и место заняли, и острог поставили, и на весну город и всякие городовые крепости поделали, и государеву пашню завели, и жилецких людей дворами и пашнею устроили»⁷.

Разрядная книга 1598–1638 гг. тоже говорит о наличии такого указа и его исполнении: «30 июня 107 (1599) государь ... Борис Федорович всеа Русии указал поставить новой город Борисов на Донце на Северском у Бахтина колодезя... На Волуйке указал государь поставить новой Волуйской город воеводе князю Володимеру Колцову-Мосалскому да голове Судоку Мясному. И по государеву... указу те новые города поставлены тое ж осени»⁸.

1599 годом датируется строительство города и в подробном сводном документе об этом мероприятии, составленном спустя 25 лет: «В 107 (1599) году августа в 8 день царь Борис указал поставить город Вилуйку на Поле на Осколе усть-реки Вилуйки воеводе князю Володимеру Васильеву сыну

Кольцову Мосальскому да голове Судоку Мяснову»⁹. На строительство города направили 100 детей боярских из Новосия, 150 конных стрельцов, «литву», «немцев» («немцами» на Руси называли всех иностранцев, от слова «немой», то есть не говорящий по-русски) и черкас из Дедилова, 50 конных казаков из Оскола, 50 конных стрельцов из разных украинских городов, 12 пушкарей, 20 плотников, кузнеца, 2 попа, дьяка и дьячка, пономаря, проскурницу. В документе расписаны сборы, сколько и на какой срок нужно взять продовольствия, пушечных запасов, церковной утвари. Дается наставление, чтобы служилые люди сделали город за 3 месяца. Зимовать в «Вилуйке» велено остаться 20 детям боярским из Новосия, 100 казакам из Дедилова, 50 стрельцам из разных городов, 12 пушкарям, плотникам, кузнецу и попам. Город и река в этом тексте наименованы «Вилуйка», от глагола «вилять». Такого варианта больше нигде не встречается и вполне может быть, что это элементарная ошибка писаря.

Назначения волуйских воевод и голов зафиксированы в Разрядных книгах начиная с 1600 г., до этого никаких записей ни о городе, ни о его воеводах в Разрядах не встречается: «Того же году (7108/1600. — А.Ч.) в польских украинских городех были воеводы: <...> На Волуйке воевода князь Володимир Колцов Мосалской да голова Судок Мясной»¹⁰.

Весной 7109 (1601) г. князя Кольцова Мосальского и голову Мясного сменили воевода Матвей Васильевич Бутурлин и головы Максим Денисов сын Ивашкин, Третьяк Якушкин Иванов сын, казачий голова Семен Иванов сын Образцов.

В 1601 г. (не позднее 9 октября) воеводой в Волуйке был князь Федор Андреевич Звенигородской, головами — Александр Хрущов, Михаил Зыбин.

7110 (1602) г. — князь Савва Дмитриевич Щербатой, Владимир Игнатьев сын Вешняков.

7111 (1603) г. — князь Савва Дмитриевич Щербатой и Владимир Игнатьев сын Вешняков, голова Федор Васильев сын Кологривов.

7112 (1604) г. — князь Дмитрий Васильев сын Туренин, головы Иван Давыдов сын Лодыженской, Борис Казаринов сын Хрущов. Ивана Лодыженского вернули в Москву, Борис Хрущов послан в Белгород, «...а на Волуйке велено быть голове Андрею Поводову»¹¹.

В начале 1605 г. польские, украинные и северские города признали Лжедмитрия I. В Путивль доставили пленных воевод из пяти крепостей, сдавшихся «Дмитрию» — Оскола, Валук, Воронежа, Борисовграда и Белгорода. Из Валук были князь Д.В. Туренин вместе с головой А. Поводовым¹². Самозванец послал в города присягнувших ему бояр и воевод, в Волуйку — Михаила Оксакова, голов Андрея Ржевского Вязметина и Сарыча Линева¹³.

После Лжедмитрия в 1606 г. на престол в Московском государстве избрали Василия Шуйского. Люди южнорусских городов не признали нового царя, «...смутились и заворовали, креста царю Василью не целовали». Но несмотря на отказ присягать, Шуйский в ряде городов оставил прежних воевод. Далее Россию ждали новые испытания — движение Болотникова, Лжедмитрий II («Тушинский вор») и польская интервенция. О жизни Волуйки в годы смуты и междоусобия никаких сведений в архивных документах обнаружить не удалось. Город оставался вне контроля Москвы и волуйчане, вероятно, 5–6 лет существовали на положении вольных казаков и никакие службы не несли.

После окончания Смутного времени и воцарения в 1613 г. Михаила Фёдоровича Романова в Волуйку вновь посылаются воеводы. Первый из них, Григорий Челюсткин, в 7122 (1613–1614) году пересмотрел службы и наделил служилых людей поместной землей. В последующие годы смена воевод и голов происходила регулярно, что должным образом отражалось в Разрядных книгах.

Между тем, само назначение воеводы означало подтверждение официального статуса города, но первоначально гарнизонами небольших сторожевых острогов могли командовать головы, имена которых не всегда попадали в Разрядные книги. Таким образом, с 1599–1600 гг. город Волуйка становится полноправной административно-хозяйственной единицей

Московского государства и активно функционирует. Но это вовсе не исключает возможности существования на реке Волуе более раннего укрепленного поселения, о котором писал в своих трудах краевед П.А. Сопин¹⁴. Согласно его находкам Валуйская крепость постройки 1593 г. погибла до 1599 г. по неизвестным обстоятельствам. Эту дату основания косвенно подтвердил в 1634 г. строитель Пристанского монастыря Кирилл, который говорил в Разряде, что «блаженные памяти, при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси Валуйской город поставлен, и монастырь Николы Чудотворца устроен на реке на Осколе, усть реки Валуя, на пристани»¹⁵. Царь же Фёдор Иванович умер в 1598 году. В настоящее время официальной датой основания Валуек принято считать 1593 год. Выяснение точной даты не является целью нашего исследования, и мы будем говорить о городе, который ведёт отсчёт своей истории с 13 (23) сентября 1599 г., то есть с момента прибытия на реку Волуи князя Мосальского с отрядом и начала строительства.

Первый документ о Волуйском городе

Третьим по счету воеводой в Волуйке стал князь Фёдор Звенигородский («Звенигородской»). Посланная ему осенью 1601 г. грамота из Разряда является самым древним сохранившимся документом, адресованным непосредственно в город. К сожалению, местонахождение оригинала неизвестно, существует только публикация¹⁶. Причиной появления этого послания была одна из пограничных историй. 29 апреля 109¹⁷ (1601) г. в Волуйку вернулся полоняник Ерошка, брат жилецкого казака Омельки Демидова. Воеводе Матвею Бутурлину и голове Максиму Ивашкину он рассказал, что был на своей пашне, на речке Первом Сазоне, там же и заночевал, «со многими людьми». На рассвете на Сазон пришли татары и взяли в полон сонных пахарей. С добычей татары отправились к верховьям рек Ураевой и Уразовой. На третий день Ерошке удалось сбежать. Из отписки воеводы в Разряде узнали о приключениях волуйчанина, и казалось, что дело было закрыто. Но «злые языки» на «торгу» (рынке) оговорили Ерошку, будто бы он подводил татар под

Волуйский город, когда взяли в полон людей на пашне. Воевода сыскал Ерошку и допросил. На этот раз его показания отличались от первых. Ерошка рассказывал, что пошёл искать в поле своих лошадей и вернулся к острогу поздно, ворота оказались уже «замкнуты». Он отправился за реку Волуйку пониже моста, за казачьи огороды, и заночевал на стане вместе со знакомым рыболовом. Ночью на костёр вышли татары и Ерошку с рыболовом взяли в полон. То есть теперь ни о пашне на Сазоне, ни о плененных «многих людях» речи не было. Значит, выдумал? На время следствия подозреваемого посадили в тюрьму. 2 сентября и повторно 9 октября из Разряда послали в Волуйку грамоты по этому делу. Воеводе князю Звенигородскому было велено сыскать рыболова, если он не остался у татар, поставить его с Ерошкой «с очей на очи» и допросить: как их взяли в полон и «каким обычаем ис полону он у татар утек». Также следовало разузнать у жителей, кто на самом деле провёл татар на пашенные поля? Подозреваемого Ерошку и других воров (этот термин на Руси применялся к любым преступникам или злоумышленникам), которые оказали услугу татарам, буде обнаружатся, приказано сковать и с приставом прислать в Москву. А дорогой вести «бережно», чтобы они не сбежали и над собой «дурна не учинили». Татарские набеги, в результате которых оказывались в неволе волуйчане, отгонялись конские табуны и стада домашнего скота, всегда потом тщательно расследовались на предмет возможной измены и просчётов в системе полевого охранения.

Капитальный ремонт крепости в 1621 году

Сохранилось крайне мало документов, рассказывающих о первых годах жизни Волуйки. Их неполнота во многом объясняется уничтожением приказного делопроизводства во время московского пожара в 1626 году. Так, нет ни одной грамоты с описанием облика Волуйской крепости 1599–1600 гг., чертежа или рисунка. Не уцелели архивы и в самом городе — волуйские воеводы в росписных книгах отмечали, что документов о строительстве города в приказной избе нет, уничтожены в «Литовское разоренье» 1633 г.

Таким образом, обнаруженный нами архивный источник, рассказывающий о смене воеводы Михаила Лодыженского¹⁸ и починке городских укреплений в 1621 г.¹⁹, относится к одним из самых ранних, но вместе с тем наиболее содержательных о Волуйке. В столбец включены следующие документы: на листах 47–70 и 86–107 наказ воеводе о службе (черновой и чистой), на прочих листах — росписи «крепких и худых мест» в городе и остроге по дозору окольного Семёна Васильевича Головина и дьяка Ивана Михайлова. Высокопоставленные царские чиновники провели в Волуйке ревизию крепостных сооружений и распределили между служилыми и жилацкими людьми ремонтно-строительные работы. Воспользовавшись перемирием с Речью Посполитой и временным затишьем в татарских набегах, российское правительство «латало дыры» и наводило порядок в городах Польской украины. Очевидно, укрепление города было также связано с организацией в нём посольских размен.

Столбец начинается с «росписи» города и острога, которую сделали окольный и дьяк в начале своего визита в Волуйку, то есть до капитального ремонта. Едва ли во время Смуты и в первые годы после её окончания изрядно ослабленное и обедневшее государство проводило крупные строительные работы в окраинных крепостях, в том числе и в Волуйке. Отсюда можно заключить, что на первых листах содержится описание крепости, облик которой в немалой степени сохранился с 1599–1600 гг. К сожалению, они сильно повреждены, оборваны и размыты. При проведении реставрационных работ в архиве сохранившиеся клочки бумаги закрепили на подложке и проявили чернила. С огромным трудом, буква за буквой, удалось разобрать большую часть текста. Утраченное пришлось реконструировать по аналогии и по смыслу.

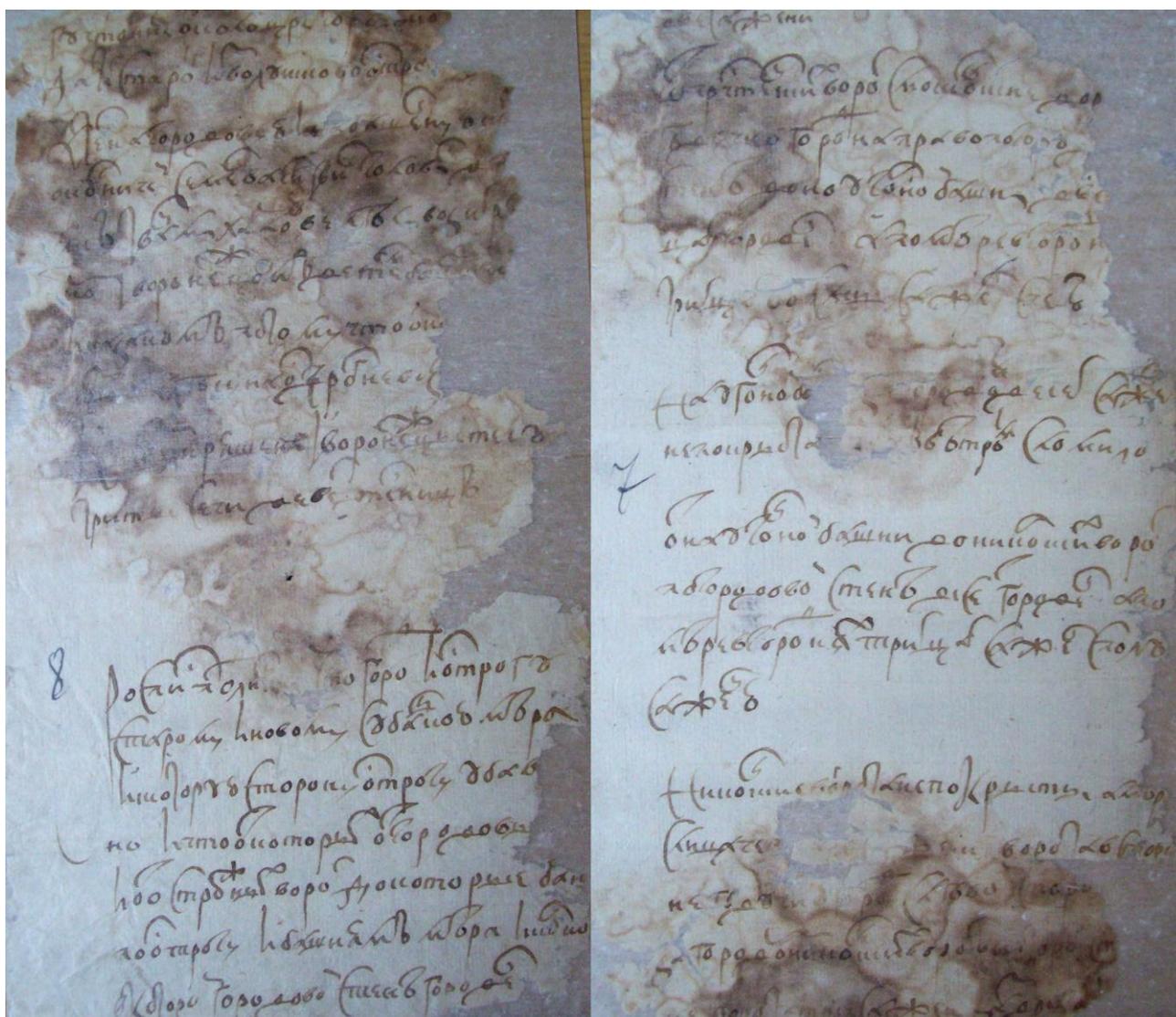

Рис.4. Фрагменты росписи города Волуйки 1621 г., скоропись (РГАДА)

«//Л. 8// <...> Роспись подлинная, что городу и острогу старому и новому с убавкою мера, и с которую сторону острогу убав[ле]но, и что от которых от городовы[x] и от острожных ворот до которые ба[шни] по острогу, и башням мера, и колько в которой городской стене городен.

//Л. 7// [Пречистенские ворота] две сажени. От Пречистенских ворот с Московские доро[га], едучи в город направо по горо[довой] стене до ноугольной башни дв[енат]цать городен, а по мере в городне тритцать восемь сажень с четью. Наугольной башни за городом десеть сажень, не покрыта [и верх] ветром сломило. От наугольной башни до Никольских ворот по

городовой стене десеть городен, а по мере в городнях тритцать сажень с полусаженью. Никольские ворота не покрыты, а мер[а] с лица че[тыре] сажени, ворота в стороне, едучи в город с левой сторо[ны]. За городом Никольских ворот к второй ст[е]не ворота три сажени, а з др[угой] //Л. 6// стороны две сажени. От Никольских ворот до ноугольной башни, стоит на углу от реки от Волюя, по городской стене десеть городен, а по мере в городнях три[тцать] сажень с полусаженью. Наугольной башни за городом десеть сажень, не покрыта и верх ветром слом[ило]. От ноугольной башни по реке по [Волюю] вверх по городов[ой стене до Троетцких] ворот двенат[цать] городен, а по мере] в городнях тритцать семь сажень с полусаженью. Троетцкие ворота не покрыты и верх ветром сломило, мера с лица от реки от Волюя по стене три сажени, а к городу две сажени, ворота с левой же ст[о]роны. От Троетцких ворот до ноугольной башни по Волюю вверх к меловому кургану по городской стене тринацать городен, а по мере в городнях сорок сажень. [Наугольной башни за городом] де[сять са]жень, не покрыта [и верх ветром сломило]. //Л. 4// От наугольной башни поворотит в бок в но[вой] острог до другой наугольной башни, что к Пречистенским воротам. По городской стене тринацать гор[оден], а по мере в городнях сорок са[жень]. Наугольные башня десять сажень, не покрыта и верх ветром сломило. От наугольной башни к Пречистенским воротом по городской стене двенатцать городен, а по мере в городнях тритцать восемь сажень.

И всего трое ворота да четыре башни, восьмьдесет две городни. А мере около города и башен триста осмнатцать сажень без чети. А длина городу от Никольских ворот мимо Соборную церковь через воиводцкой двор до гл[у]хой стены семьдесет семь сажень с полусаженью, //Л. 5// а поперег города от Пречистенских ворот до Троетцких ворот сорок восемь сажень.

От города от Волюисково, от наугольной башни, что от реки от Волюя меж Никольских и Троетцких ворот, по острогу до Банных до волуйских ворот пятьдесят семь сажень. //Л. 3// Банные ворота три сажени. От Банных ворот до ноугольной башни, [от Ем]ской слободы, семьдесет три сажени, башни

ноугольной в городе сажень без чети. От наугольной башни, что к Емской слоб[оде], до другой башни к Стрелетцким воротам семьдесят пять саж[ень], башне мера три сажени. От средней башни по острогу до Стрелецких ворот семьдесят четыре сажени. //Л. 2// Стрелетцкие ворота две сажени, а башни нет. От Стрелецких ворот по острогу до средней башни, что к казачьим Рясским воротам, семьдесят семь сажень, башни мера три сажени. От средней башни до казачьих до Рясских ворот семьдесят семь сажень без чети, казачьи ворота мера три сажени. От казачьих от Рясских ворот до наугольной до Овциной башни семьдесят шесть сажень с полусаженью. //Л. 1// Башни Овциной в острог с сажень. От наугольной Овциной башни до средней башни, что к Курганской башне, восьмьдесят три сажени, средней башни три сажени. От средней башни к глухой к Курганской башне сорок девять сажень, Курганской башни меры три сажени. //Л. 9// От Курганской башни [до Кропиве]нских ворот сорок пять сажень с четью, а Кропивенских ворот башня по мере три сажени. От Кропивенских ворот до Донковских до нижних ворот семьдесят [три?] сажени. Донковских ворот башни по мере три сажени. От Донковских ворот до реки до Волуя десеть сажень. По реке по Волую до маленьких до Водяных ворот, что ходят в Царегородцкую слободу, пятьдесят одна сажень. От Водяных от маленьких ворот на низ по Волую к наугольной к городской башне, что от Никольских ворот к Волую и от Банных от острожных ворот нового острогу к старому приткнуто тридцать семь сажень, да старого [острогу оставлено] сто шесть сажень. //Л. 10// Что старой острог добре и вперед ему быть мочно, лише на тот острог зд[елать] обламы да зарубить тарасы. И всего старого острогу, как был без убавки, мера дев[ет]сот девеносто четыре сажени с полусаженью.

А ныне новому острогу быть от Рясских от казачьих ворот прямо по Кропивенской улице поперек старого острогу к Водяным к малым воротам, что ходят в Царегородцкую слободу. А по мере тою улицею до малых ворот нового острогу будет сто восьмьдесят пять сажень. А что были в старом остроге казачьи Рясские ворота, и те ныне в новом остроге, воротам не быть, ворота перенести и поставить в Стрелетцких воротах для того, что в Стрелетцких воротех башни

нет. А в Рясских казачьих воротех ныне поставить глухая Овдыная башня. //Л. 11// А от Овцыной от наугольной башни [поставить] другая глухая башня, перенести из старого острогу в новой острог, что стояла от Овцыной башни х Курганской к глухой башне, или Курганская башня перенести. А от тое, от глухой башни, поставить Кропивенские ворота по-прежнему. А от Кропивенских ворот поставить Донковски[е] ворота по-прежнему. А меры промеж ворот и промеж башен будет по пятьдесят по пяти сажень с третью. Да от Донковских ворот по реке по Волую до угла оставив по-прежнему [десеть] сажень. А Водяным малым ворота быть по-прежнему для воды. А по реке по Волую [по берегу в] старом остроге башен подле острогу, рва и частику не было. Да ныне //Л. 12// рва копать и частик ставить от реки немочно потому, что острог поставлен по берегу и будет от воды с сажень. А по мере того острогу, как ему ныне быть подле реки, где башен нет, сто сорок три сажени с четью. И вперед о том как (ПТ) укажет, быть ли по той стене башнем или не быть? [Веле]но башням быть, и башни схожие есть: одна глухая башня в сходе будет в убавке старого острогу, //Л. 13// да две башни, что были ворота - одна ис того острогу, что ныне около Царегородцкой слободы, а другая башня, что были ворота в малом острожку, что ставил для черкасского приходу около города Офонасей Тургенев, а тому острогу впредь быть не пригодитца потому, что тот малой строжок весь в нынешнем в новом остроге и блиско города, от города только четырнатцать сажень. И всего ныне нового острогу поставлено шестьсот шестьдесят деветь сажень с полусаженью. А не делано нового острогу сто шесть сажень без чети потому, что на том месте старой острог крепок. И обоего ныне Волуйской острог добре семьсот семьдесят сажень с четью. А из острогу четыре ворота большие з башнями да пять ... для воды маленьки без башни. Да старого острогу убавлено двесте д[евятнатцать] сажень с четью. Да ворота да башни //Л. 14// за острогом. За Банными ворота Ямская слобода. Вперед только государь укажет Ямской слободе для приходу воинских людей быть немочно потому, что блиско острогу, от острога в дальнем месте деветь сажень, а инде по осьми и по семи сажень. И только государь укажет, Ямской

слободе вперед на том месте не быть, а перенести ее на иное место. И Ямской слободе доведетца быть на порозжем месте на выгонной земле от города с четверть версты подле болота, блиско [их же ямских] гумен»²⁰.

Итак, в 1621 г. внутренняя часть Волуйки, наиболее укрепленная, называлась «город», или «рубленный город». Он размещался на высоком обрывистом правом берегу реки Волуй, в 3 верстах от места впадения в Оскол. Деревянная ограда «города» была составлена из 82 «городней» и по форме напоминала неправильный четырёхугольник. Городня представляла собой часть, звено стены, продолговатый прямоугольный сруб, для увеличения устойчивости часто заполненный внутри землёй и камнями. Иногда в городнях устраивались складские помещения, амбары и даже тюрьма. Например, в 1622 г. воевода М. Лодыженский заключил под стражу в одну из городен изменника, бежавшего с соляного промысла на Торе в Литву²¹. Городни стояли на возвышении, образовавшемся из земли, вынудившей когда копали защитный ров. Этот ров с «тыном» — деревянным сплошным забором из врытых столбов, окружал город с трёх сторон, около рва стоял ещё «частик» — частокол. Четвёртую сторону защищал крутой берег реки. По верху городен лежал «мост» — перекрытие, пол, а от дождя и снега его прикрывала кровля. По углам стены стояли выступающие наружу 4 башни. В город вели трое ворот: Пречистинские (с Московской дороги), Троицкие (от реки Волуя) и Никольские. Длина города от Никольских ворот до противоположной глухой стены составляла 77,5 сажень (167 м)²², ширина от Троицких до Пречистинских ворот — 48 сажень (104 м). Общий периметр рубленого города с башнями равнялся 318 сажень (686 м). Однако в росписи, на листах 15 и 37, отмечено, что длина городской стены без учёта башен 228 сажень (492 м). Сомнительно, что 90 сажень ушли на башни и ворота, мы склонны видеть здесь писарскую ошибку. К тому же, на листе 109 чистовой росписи указана длина города по стене без учёта башен 268 сажень без чети (579 м), что больше похоже на истину. При начальном осмотре крепости царские чиновники отметили крепкое состояние башен и моста, но

неудовлетворительное кровли, которая во многих местах сгнила и обвалилась. Все башни не были покрыты, «...верхи худы, а попортило ветром». Из города к реке Волую вёл «тайник» длиной 29 сажени (62,6 м). Тайником в старину называли скрытый ход к реке, в месте по возможности не видном с противоположного берега, где жители и гарнизон осажденного города брали воду для ежедневного употребления. К этому месту прорыли ров и обложили срубом, сверху засыпали землей. Тайник ко времени обследования чиновниками находился в хорошем состоянии, «...цел и крепок, весь в остроге». Внутри города размещались Соборная церковь, двор воеводы, казённый погреб и 33 амбара с добром волуйчан.

По росписи окольного и дьяка на «городовую поделку» вывезли 200 брёвен длиной 3 сажени. На кровлю башен требовалось 840 тесниц (досок), для ремонта ворот и города 4920 тесниц, длиной 2 сажени. Волуйчане, числом 609 чел., заготовили 3009 тесниц, осталось вывезти 1751. Им же было велено покрыть башни, ворота и укрепить город. На пустых местах в городе чиновники распорядились поселить дворами 100 волуйских пеших стрельцов. На хату каждому отводился земельный участок длиной 4,5 сажени (10 м) и шириной 3 сажени (6,5 м). Предполагалось от Никольских ворот к Соборной церкви, к воеводскому двору и к «торгу» (рынку), сделать улицу шириной 3 сажени. Вторую большую улицу проложить от Пречистинских ворот к Соборной церкви, на Никольскую улицу и к воеводскому двору. В переулке следовало ставить по 10 дворов, между дворами оставлять по 1 сажени.

Внешние укрепления Волуйки именовались «острог». Этот термин (от «острогать», «остроганный») в старину употребляли в двух значениях: 1) тип оборонительного сооружения, укрепления в пограничной полосе; 2) крепостная стена из вертикальных плотно вкопанных брёвен. Острожная стена выполняла не только защитные функции, но зачастую определяла и границы жилой части населенного пункта. Периметр старого Волуйского острога составлял 994,5 сажени (2148 м). В стенах были расставлены 11 башен, 5 из которых с проезжими, сквозными воротами. Ещё одни ворота, Стрелецкие, башни не

имели. «Донковские ворота», «Кропивенские ворота», «Рязские казачьи ворота» могли получить свои названия по происхождению присланных на временную службу в Волуйку служилых людей из Данкова, Крапивны, Рязска. Возможно, они эти башни и строили. Окольничий и дьяк отметили, что «...башни старые добры и вперед им быть мочно, а острог старой весь худ и ров осыпался и крепостя около острогу нет никаких». Требовался капитальный ремонт острога. На острожное дело служилые люди из Воронежа и Рязска, которые были в то время на посольском размене, вывезли 5711 брёвен, еще 3360 брёвен заготовили волуйчане, а всего 9071 бревно. Волуйские и царегородские служилые люди поставили нового острога 669,5 сажений и положили по острогу желоба. Крепкий участок старой стены в 106 сажений без чети (229 м) вдоль реки, на расстоянии одной сажени до воды, остался нетронутым и вошёл в новый острог. В результате переделки длина острога уменьшилась на 219 сажений с четью (473 м) и составила 775 сажений с четью (1674 м). При толщине бревна 5-6 вершков (22-25 см) на строительство ушёл почти весь заготовленный лес. Новый острог начинался «...от Рязских от казачьих ворот прямо по Кропивенской улице поперег к Водяным к Малым воротам, что ходят в Царегородцкую слободу». Длина по этой линии составила 185 сажений (399 м). Далее в росписи окольничий и дьяк перечислили, какие работы по острогу нужно завершить в ближайшее время: соорудить обламы и мосты для верхнего боя, «зарубить тарасы» из острога Царегородской слободы и из старого острога.

Что представлял собой острог Царегородской слободы, к сожалению, не ясно, никаких сведений о нём найти не удалось. Вообще, тараса, тарасы – это система крепостных деревянных стен, где две параллельные стены через некоторые промежутки соединялись врубленными в них поперечными стенками, а образовавшиеся таким образом клетки заполнялись землей и камнями. По распоряжению С.В. Головина и И. Михайлова следовало также прокопать ров с трёх сторон острога, длиной 632 сажени с четью, кроме речной стороны, в ров поставить тын, а около рва — частич. Башню Рязских ворот

велено было перенести на место ворот Стрелецких, так как там башни прежде не было. Её же место должна была занять угловая глухая Овчинная башня, которая заменялась другой глухой башней, за которой находились Крапивенские и Данковские ворота. Расстояние между этими тремя последними башнями предписывалось сделать по 55 саженой с третью, а от Данковских ворот до реки оставить как прежде, 10 саженой. На участке острога вдоль реки было указано поставить две башни, одну высвободившуюся в старом остроге, другую из малого острожка. Этот последний был построен Афанасием Тургеневым для защиты от черкасских нападений в 1619 г. и теперь оказался в черте нового острога. Длина трёх сторон острожка составляла 250 саженой (540 м), он отстоял от городской стены на 8-14 саженой (17-30 м). Теперь, за ветхостью и ненужностью, острожек ликвидировали. На освободившейся территории окольный С.В. Головин и дьяк И. Михайлов распорядились выделить землю под две церкви, которые планировалось перенести из Царегородской слободы, и жилые дворы для церковного причета. Там же следовало разместить 66 служилых людей. При этом под один двор отводилась площадь 8 на 3 сажени (17 x 6,5 м). Всего в городе и на месте бывшего малого острожка намечалось поселить 173 человека.

Остальным волуйским и царегородским служилым людям (436 чел.) выделялись дворовые места в остроге, по 6 x 4,5 сажени (13 x 10 м) на человека. Селиться указали не смешанно, а слободами. Однако, Стрелецкая слобода к 1621 г. в остроге вокруг Никольской церкви уже сформировалась. Казаки обосновались в противоположной, северо-восточной части острога и под горой. Этот район, оказавшийся за пределами нового острога, стал впоследствии называться «Казачья слобода». По просьбе видного русского дипломата окольного князя Григория Константиновича Волконского, с именем которого связаны организация и проведение первых русско-крымских переговоров в Волуйке, выше по реке, под горой, чиновники указали поставить Посольский двор. Торговые лавки было велено устроить напротив церкви Николы Чудотворца. С этого высокого места открывался красивый вид на поля и

пастбища за рекой Волуем, так что окольный с дьяком не забывали и об эстетической стороне дела. Но главной заботой была, конечно, обороноспособность — требовалось добавить колодцев в остроге, чтобы в осадное время не испытывать нехватки воды. Ямскую слободу, находившуюся за острожными Банными воротами, решено отнести дальше, на четверть версты вниз по Волую, или в другое свободное место. При этом, однако, ставить дома следовало не близко к лесу, чтобы черкасы или иные воинские люди не смогли скрытно к ней подойти. Жителям же Царегородской слободы указали селиться в остроге. Тамошние стрельцы и казаки «били челом» государю в том, что в остроге большая теснота, для сена и скота остается мало места. Они просили, чтобы бывшие их дворовые места в слободе оставить под огороды и гумна. Головин и Михайлов согласились, разрешив царегородцам сделать на дворовых местах «овины» и «пуни» — сараи для сушки сена, хлебной молотбы, хранения кормов для скота и других хозяйственных надобностей. Держать запасы соломы и сена все волуйчане обязаны были на гумнах, а в город привозить понемногу, чтобы не увеличивать пожарной опасности. Строительные работы по городу и острогу предписывалось производить Михаилу Лодыженскому и последующим воеводам, «чтоб город и острог был вперед вечен и надолго без поделки, и как в городе и в остроге в приход воинских людей и в приступное время сидеть безстрашно и надежно». Возведенные укрепления и строения следовало переписать в книги, один экземпляр прислать в Разряд, а другой держать в съезжей избе.

Окольный С.В. Головин и дьяк И. Михайлов произвели также перепись населения. В Волуйке на 1621 г. проживали: 185 конных казаков, 97 конных стрельцов, 26 пушкарей, 45 затинщиков, вож, кузнец, плотник казённый, 9 попов, дьякон, 2 дьячка, 3 пономаря, всего 462 человека. Людей Царегородской слободы посчитали отдельно: 68 конных казаков, 60 конных стрельцов, 12 пушкарей, 2 попа, 2 дьячка, 2 просвирницы, 2 пономаря, всего 148 человек. В сумме по двум спискам — 610 человек. Население слободы составляло четвертую часть города.

Окольничий и дьяк просили государя за рытьё 632 сажений рва дать волуйчанам и царегородцам жалованье 157 рублей 31 алтын 4 деньги. Кроме того, местным жителям полагалось жалование по их окладам: 253 казакам по 6 рублей, 156 конным стрельцам по 4 рубля, 88 пешим стрельцам по 2,5 рубля, 83 пушкарям и затынщикам по 2 рубля, возу 4 рубля, кузнецу и плотнику по 2 рубля; попам по 8 рублей, дьякону 6 рублей, просвирницам по 3 рубля, пономарям по 2 рубля, всего 2601 рубль. Предполагая, что всю сумму могут не выделить, чиновники предлагали другие варианты: выдать хотя бы половину — 1300 рублей, или треть — 867 рублей; пожаловать на «селитьбу» (поселение, строительство дома) по рублю на человека — всего 610 рублей, или выплатить 411 конным людям по 1,5 рубля, а 199 пешим по рублю — всего 815,5 рублей.

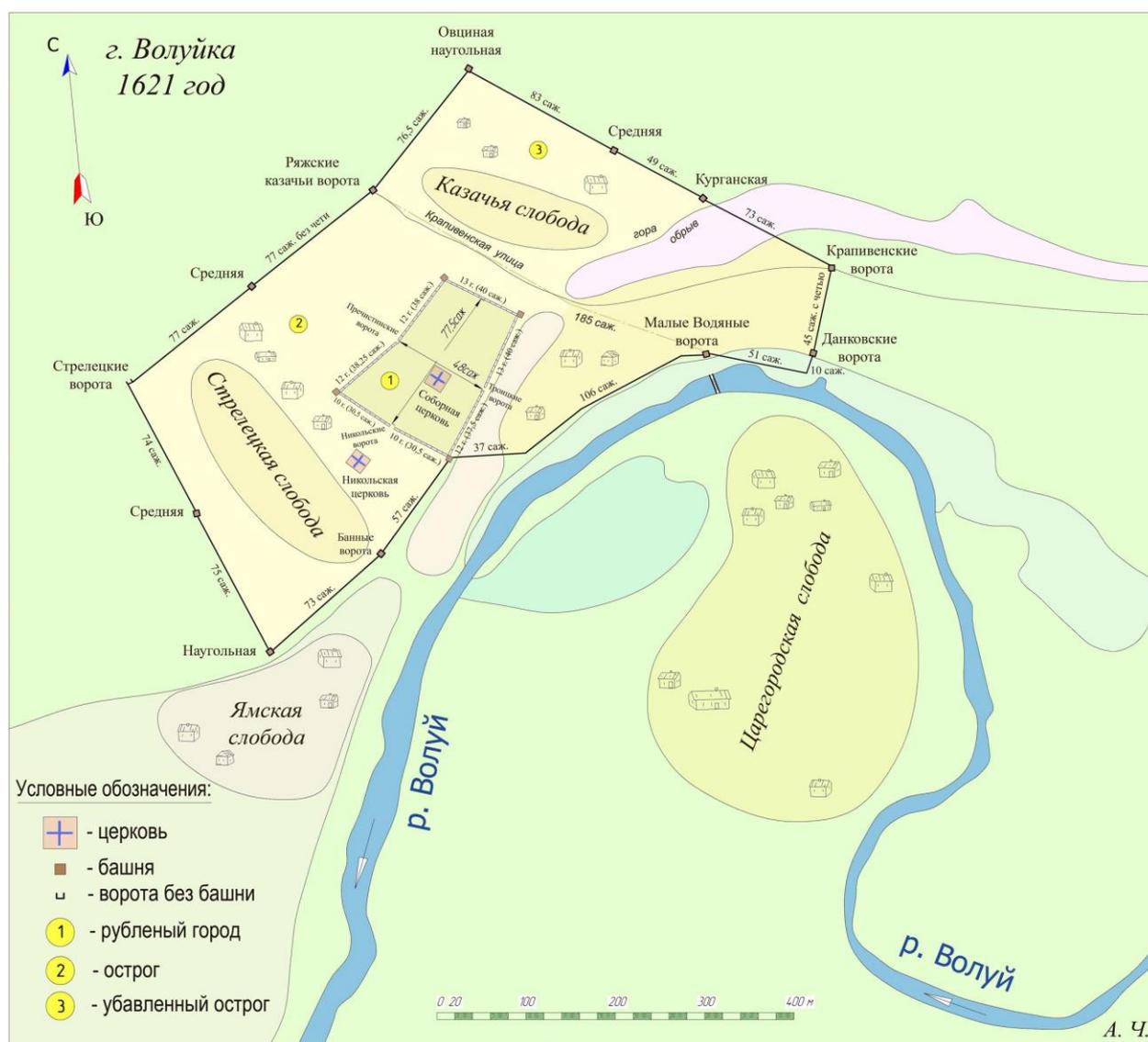

Рис. 5. План Волуйской крепости 1621 года. Реконструкция автора

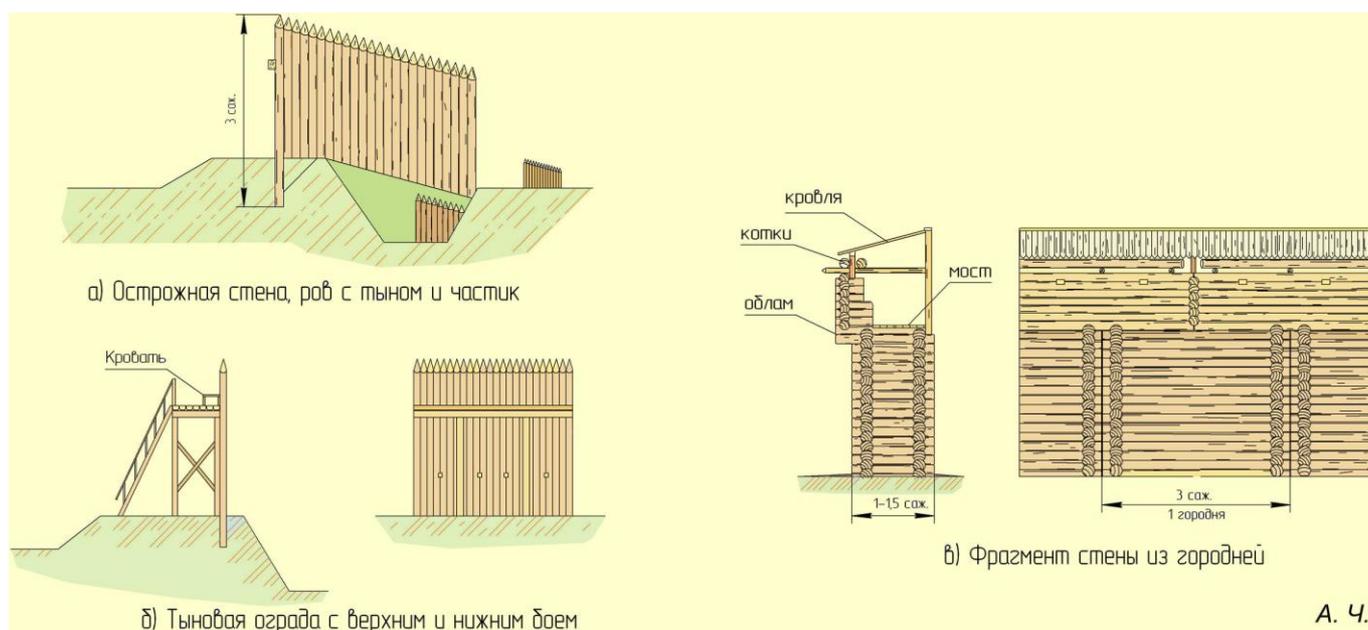

Рис. 6. Варианты деревянных оград крепости. Графическая реконструкция автора

Всё ли в крепости было сделано по приказам Головина и Михайлова в последующие годы? На 1629 г. острог имел 12 башен и 5 ворот²³, что соответствует плану строительства окольного и дьяка. Когда в 1631 г. у Никиты Чоглокова город принимал Иван Колтовский, то по результатам осмотра города и острога новый воевода отписал в Москву, что на городских стенах и на башнях кровлю «ветром взломало», а наугольную башню от реки Волуя подмыло водой. Не в лучшем состоянии находился и большой острог: башни и многие острожины подгнили, обломов и катков нет, ров весь осыпался, едва узнать. Воевода опасался, что в приход воинских людей сидеть в остроге нельзя, «отовселе приступные места». Старые надолбы на Белом Сазоне от Горного леса до Оскола и за рекой Волуем вокруг полей все подгнили и повалились. В ответ на отписку воевода получил грамоту от государя: «...У города и у острога, которые самые худые места, а которые без поделки пробывать не мочно ... поделати ... против прежних указов волуйскими [людьми]»²⁴.

Царёв-Борисов

Ближайшими к Волуйке оставались польские города — Воронеж (200 верст, служилых, посадских и крестьян 1219 человек), Оскол (150 верст, служилых 639 человек), Белгород (120 верст, «всяких» 782 человека). В один год вместе с Волуйкой на Поле ставился ещё один город — Новый Борисов, или Царёв-Борисов (современное село Красный Оскол Изюмского района Харьковской области Украины). Будет нелишне рассказать об этом самом южном русском форпосте, глубоко выдвинутом в сторону Крыма. Как и другие украинные крепости, он выполнял роль заслона на пути татар и являлся опорным пунктом в борьбе с воровскими черкасами. Правда, царь Борис сообщал крымскому хану для успокоения, что крепость Борисов поставлена исключительно для обуздания донских казаков. Несомненно, основание Волуйки и Борисова являлось частью планомерно проводимой государственной политики по освоению и защите приграничных южных территорий Российского царства. Подходы в строительстве и организация службы в обоих польских городах во многом, надо полагать, были схожие.

В 1625 г. в Разряде составлялось описание Царёва-Борисова по чертежу, который прислали Богдан Бельский и Семен Алферьев после завершения строительства в 7107 (1599) г.²⁵ Возобновление интереса к городу исходило из планов русского правительства по восстановлению Царёва-Борисова, уничтоженного в 1612 г. большим пожаром. Крепостная стена города состояла из 127 городен, имела 3 башни с воротами и 6 глухих. Длина стены без учета башен и ворот составляла 379 сажень (818, 64 м).

Дополняли эти сведения бывшие жители Борисова, волуйчане Фрол Савин и Пимин Котельников, со слов которых: «Борисов город стоял на самом на угожем месте, и только ныне укажет государь поставить Борисов город по-прежнему, и царегородские жильцы, которые ныне на Волуйке, на житье пойдут тотчас, потому что в реках в Донце и в Осколе и в озерах рыбы и зверя водяново всякого много и добыча бывает немалая». В 12 верстах от Борисова на Донце находился Святогорский монастырь, до Тора было 30 вёрст и столько

же до соляных озёр. На соляные озёра ездили варить соль «охочие» люди из Белгорода, Волуйки, Оскола, Ельца, Курска, Ливен, Воронежа. Понимая от соляного промысла большую выгоду государству, волуйчане Фрол и Пимин предлагали: «А только у тех озер велит государь устроить свои государевы варницы, и велит зделать острожок, и ратным людем велит государь для береженья в том острожке быти, и государеве казне будет прибыль немалая потому, что к варницам учнут приезжать для соляные покупки изо всей украины и з северы торговые люди. А которые охочие люди у тех варниц учнут про себя соль варить, и те охочие люди за береженье ратных людей учнут государю давать с своих промыслов тамгу – 10 пуд»²⁶. Для защиты от татар поблизости от Соляных озёр в 1645 г. была построена крепость «Соляной на Торе» (в настоящее время это город Славянск Харьковской области Украины). О строениях Борисова волуйчане добавили, что в крепости стояли 8-стенные башни, стена была рублена в 2 стены высотой 4 сажени. Город окружал насыпной вал высотой 2 сажени, в его основании была конструкция из брёвен и досок. Сверху вал обложили нарезанным на лугах дёрном, склоны дополнительно укрепили плетнями, кольями и дубовыми подпорами. На валу и в башнях находились «бои» — бойницы. Вокруг вала шёл ров глубиной 3 сажени и шириной 4 сажени, за которым стояли стрелецкая, казачья и пушкарская слободы. По периметру их защищал стоячий острог длиной 2 версты, с двух сторон примыкающий к реке Осколу. Из реки по искусственному каналу в острог поступала вода, образуя озеро, откуда наполняла Бахтин колодезь. Таким образом, для осадного времени город был обеспечен водой сполна. Вокруг него, в радиусе до 7 вёрст, для защиты пашен и пастбищ стояли надолбы «в три кобылины». По словам Савина и Котельникова, острог имел такие большие размеры, потому что на годовой службе в Борисове находилось много ратных людей, которые ставили себе дворы, а когда приходила перемена, то продавали эти дворы тем, кто заступали служить на их места.

Кто же нёс службу в крепости? В 7108 (1599–1600) г. с Б. Бельским и С. Алферьевым в Борисове находились 46 выборных дворян, дети боярские из Каширы, Тулы, Рязани и Белева (всего 214 чел.), стрельцы из Тулы, немцы (иноземцы), черкасы и днепровские казаки с пищалями (всего 500 чел.), из Михайлова 400 казаков, 100 конных стрельцов и 100 черкас, из Пронска 100 казаков, из Крапивны 200 казаков. Из Оскола на судах приплыли пешие стрельцы: из Тулы (30 чел.), из Михайлова (70 чел.), из Дедилова (40 чел.), из Переяславля (105 чел.), из Крапивны (60 чел.), из Лихвина (30 чел.) с нарядом и запасами. На службу в Борисов направили также 63 пушкаря, 24 плотника и 5 кузнецов. Всего в городе Борисове на Донце «всяких людей» насчитывалось 2953 человека. Зимовать оставили 100 пеших стрельцов с сотником из украинских городов, 18 московских пушкарей и жилецких 300 конных казаков и 200 конных стрельцов с пищалями. В следующий 1601 г. в Борисов вновь посылались служилые люди из многих русских городов, всего 2292 человека. Из города Оскол по реке на судах в Борисов поступали продовольствие и разные запасы. Одной группе ратников, доставившей грузы, предписывалось «из Борисова города ехать им в судех на Волуйку и быти им на государеве службе в новом Волуйском городе на году: воронажских с сотником – 100 ч. стрельцов пеших с пищалями, ливенских стрельцов – 50 ч. пеших с пищалями, и всего – 150 ч.»²⁷.

Как видим, для усиления малочисленных гарнизонов вновь построенных городов-крепостей или при их отсутствии организовывалась временная служба. Из центральных и северных районов посылались служилые люди, их ещё называли «годовальщиками». По мере увеличения постоянного населения города направление людей годовой службы отменялась. Сохранялась лишь разовая целенаправленная посылка «прибавочных» людей, например, на какое-то крупное строительство. В гарнизонах также несли службу «жилецкие» или «жилые» казаки и стрельцы. В низовьях реки Оскола, в среднем течении Северского Донца, на Дону находились юрты вольных степных казаков. По приглашению государя, а также в трудные голодные годы, казаки шли на житьё

в южнорусские города и нанимались на службу. Не надо путать термин «жилецкие казаки» с «жилецкими людьми», которые являлись противоположностью «служилым людям». «Жилецкими людьми» называли жителей городов и селений, занимающихся торговлей, ремеслами, земледелием и плативших прямую подать.

После большого пожара 1612 г. и отказа правительства восстанавливать город жители Царёва-Борисова перебрались в Белгород и Волуйку. Основание за рекой Волуем Царегородской слободы связано именно с этими переселенцами.

Наказ воеводе о службе

Воеводы в русские города назначались Разрядным приказом. Срок службы воеводы на одном месте составлял от 1 до 4 лет. За это они получали поместный и денежный оклад. Воеводская канцелярия размещалась в съезжей (приказной) избе. После назначения в город воевода получал из Разряда наказ о службе, который представлял собой царское поручение о порядке осуществления воеводой военных, административных и полицейских функций на месте. В Волуйском наказе 1621 г.²⁸ отсутствует имя нового воеводы, наставления адресованы «ему» и Михаилу Лодыженскому. Известно, что последний воеводствовал в Волуйке в 1620—1622 годах.

Статьи наказа

О приёме города. После приезда в Волуйку новому воеводе надлежало принять город у Михаила Лодыженского, а именно: городовые и острожные ключи, наряд (артиллерию), зелье (порох) и всякие пушечные запасы, денежные доходы с кабака и таможи, книги приходные и расходные по деньгам и хлебу, списки голов и сотников, волуйских и царегородских служилых и жилецких людей. По спискам пересмотреть всех людей на лицо и велеть им быть на государевой службе вместе с собой. Осмотр города и острога производить по росписи окольного Головина и дьяка Михайлова, в

соответствии с ней же выполнять незавершённые ремонтно-строительные работы. На Оскол, в Воронеж, Белгород и другие города к воеводам, на Дон к атаманам и казакам, к старцам на Святую гору на Северском Донце отписать, чтобы они сообщали в Волуйку вести о выходцах, полоняниках, про Турецкого султана и Крымского царя, про ногайских людей.

О службах. Важнейшими из задач воеводы на месте оставались организация и контроль служб, укрепление обороноспособности города. Воевода должен был посылать к урочищам станичников и караульщиков на отъезжие сторожи, чтобы черкасы, крымские и ногайские люди к Волуйке и к украинным городам скрытно не приходили. Расписать конных казаков и стрельцов в сотни, а пеших стрельцов по воротам, башням и стенам города и острога. Расставить артиллерийское вооружение и приставить к нему пушкарей. В случае угрозы нападения неприятеля, всем служилым и жилацким людям надлежало собираться в городе и занимать «указные» места.

О ключах. На ночь город и острог закрывались, ключи от того и другого хранились у воеводы. Стада и табуны предписывалось выпускать из острога на пастбища после предварительной разведки, что в округе нет угрозы нападения.

О вестях. В Белгород, Оскол, Воронеж и в другие города воеводе велено было посылать стрельцов и казаков за вестями (известиями, сведениями, сообщениями) о воинских людях. Если в Волуйку приедут выходцы из Крыма, Ногаев или от черкас, с Дона атаманы, казаки или полоняники, то следовало расспрашивать их и незамедлительно писать к государю. Выходцев же с важными сведениями отправлять в Москву на подводах, снабдив провизией.

О боях. Если татары или черкасы придут под Волуйку, пойдут мимо к украинным городам, или пойдут обратно с войны к себе в улусы, то надлежало посылать в поход за ними вооружённых ратных людей и «вести промысел», то есть преследовать и вступать в бой. При необходимости воеводе разрешалось писать в польские города и просить, чтобы они шли на выручку. Волуйке также предписывалось оказывать военную помощь соседям.

О свободе перемещения. Всем волуйским и царегородским служилым людям надлежало жить в городе и остроге. На безопасном расстоянии от последнего, чтобы никакой «порухи не учинилось» (пожара), позволялось держать огороды, овины и гумна. Ездить на пашню и во всякие угодыя можно было только на непродолжительное время, наездами и «немалыми людьми». Приезжим жить у кого-либо без ведома воеводы запрещалось. Если кто из волуйчан или иногородний пойдёт на Поле для промыслов — охоты, рыбалки, солеварения, то предписывалось брать с них письменные обещания с поручительствами, что они вернутся в оговоренный срок, к ворам и черкасам не перейдут.

О наборе в службу. Вместо погибших от татар служилых и жилецких людей разрешалось писать в службу их детей, братьев и племянников, которые «поспели», то есть подходят по возрасту. Если у погибшего ратника родственников не осталось, то на его место «прибирали» из вольных людей.

О беглых и ворах. Людей, следующих через Волуйку на Поле, без проезжих грамот пропускать запрещалось. Беглых, воров и разбойников, которые объявятся в городе, следовало хватать и сажать в тюрьму до государева указа.

О ружьях. Всем волуйским и царегородским стрельцам и казакам надлежало иметь пищали и уметь из них стрелять.

О дисциплине. Воеводе предписывалось следить, чтобы служилые люди никаким воровством не занимались, никого не били и не грабили, корчмы и «блядни» не держали. Вообще, самым распространенным видом политических преступлений были «непристойные речи». За оскорбительные выражения и брань по адресу царя наказывали кнутом, урезали язык, сажали в тюрьму или отправляли в ссылку. На допросах под пытками обвиняемый обычно пытался оправдаться тем, что эти непригожие слова были сказаны в результате неосторожной шутки, во время дружеской беседы или пьяной ссоры. К государственным преступлениям относились также похвальные слова про глав недружественных государств, неуместная ошибка в написании или

произношении царского титула, лжесвидетельство, лжеприсяга, должностные преступления, предательство.

О корчемном питье. Корчемное питьё — не оплаченные пошлиной, тайно продаваемые алкогольные напитки надо было у людей отбирать и отдавать на продажу в кабаки. У кого конфискуют спиртное в первый раз, с тех брать штраф 2 рубля 4 алтына 1,5 деньги (1 руб. = 33 алтына и 2 деньги, или 1 руб = 200 денег), во второй раз — 5 рублей, в третий раз — 10 рублей и бить кнутом, а имущество отписывать государю. С людей, которые пьют корчемное питьё, в первый раз брать штраф по 0,25 рубля, во второй — по 0,5 рубля, в третий — по 0,75 рубля (25 алтын), бить батогами и сажать в тюрьму. После тюрьмы пьяниц отдавали на крепкие поручи.

О судебных делах. «Судные дела» возбуждались согласно подаваемым людьми челобитным, по которым проводились сыск и суд. За челобитные взимались пошлины.

О пожарной безопасности. В летние жаркие дни избы и мыльни (бани) топить возбранялось. Для выпечки хлеба и приготовления пищи печи надлежало делать в огородах, подальше от домов.

Общие указы. Воеводе следовало жить в Волуйке «с великим береженьем и государеву делу искать прибыль». За недобросовестное выполнение своих служебных обязанностей его ждала «опала» — гнев и немилость государя.

Волуйская писцовая книга 1626 года

«Книги Волуйские письма и меры и розделу Мирона Тимофеивича Хлопова да подьячего Левонтья Недовескова 134-го году»²⁹ (далее — писцовая книга), не единожды становилась объектом внимания учёных. В конце XIX в. она была опубликована во втором томе «Материалов для истории Воронежской и соседних губерний»³⁰. Примерно в то же время анализ писцовой книги сделал И.Н. Миклашевский³¹. Основное внимание он уделил хозяйственной части

содержания, подробно изучив процессы раздела земли по группам служилых людей.

Появление писцовой книги связано с образованием в Волуйке в 1625 г. новой городской службы — станичной. В станичники набрали не воронежских, как планировали поначалу, а волуйских «всяких людей», «из служивых и из гулящих». Служба состояла из 24 станиц, в каждой по атаману и 5 ездоков, всего 144 человека. В качестве вознаграждения, для получения средств к содержанию и снаряжению себя, в России служилым людям с конца XV до начала XVIII вв. давалась в личное пользование казённая земля. Служилые люди владели землей «по месту» службы, как и служили «по месту», где владели землей, — так можно понимать слово «поместье». По окладу атаманам и ездокам полагался больший земельный надел, чем тот, каким они владели в других службах до перевода в станичники. Кроме того, требовалось распределить их по дворовым местам. Между тем, в остроге «порозжих» мест не осталось, пашенные земли под городом все были заняты и поделены между старыми службами. Атаманы и ездоки обратились к царю для разрешения вопроса. По их челобитью 16 марта 7132 (1626) г. писцам Мирону Тимофеевичу Хлопову и подьячему Левонтию Недовескову государевым указом велено было описать и измерить дворовые усадьбы, огородные места, паханную и переложную пашню, луга и всякие уголья в пригородных и дальних местах всех служилых людей города Волуйки и произвести полный передел земель в соответствии с их окладами. Первым делом писцы описали и измерили жилые дворы в городе, остроге и в слободах.

Таблица 1. Результаты подворной переписи 1626 г.

Наименование группы жителей	Число дворов в Волуйке									
	Острог	Город	Царегородская слобода	Черная слобода	Посад	Церковные земли	Ямская слобода	Итого дворов/людей	Дети и родств.	Не хватает дворов
Атаманы	16		8					24/24	27	
Ездоки	56		14		17			87/87	17	33
Конные казаки	157		61		4			222/223	69	
Конные стрельцы	91		49					140/140		
Пешие стрельцы	11	7	39	7	4			68/68		
Пушкари	16		16	1			2	35/35		4
Затинщики	8		8	1		7		24/24		
Казенный кузнец	1							1/1		
Плотник	1							1/1		
Ямские охотники							20	20/20		
Гулящие люди			3	23		10				
Вдовы	2		7	2		2		13/13		
Пустые дворы								26		
Всего	359	7	205	34	25	19	22	661/660	113	37

Перед началом передела земли М. Хлопов и Л. Недовесков изучили старые документы о служилых людях Волуйки. Начали они с выписи из книг Григория Челюскина 7122 (1613–1614) года. По конным стрельцам были привлечены дополнительные документы — государева грамота 133 (1624–1625) г. и выпись Василия Сараева, присланные к воеводе Никите Панину. Стрельцы жили в Волуйке и до 133 года, так что, по-видимому, В. Сараев производил обычную перепись земли, которой стрельцы уже владели. Правда, год этой переписи неизвестен. Хлопов и Недовесков произвели измерение всей фактически обрабатываемой земли, находящейся во владении каждой из групп, и сопоставили с данными старых документов.

Таблица 2. Количество обрабатываемой земли.

Наименование группы служилых людей	По документам		Измерено в 1626 г.
	Кол-во чел.	Кол-во земли (четь)	Кол-во земли (четь)
Атаманы	24		
Ездоки	120		
Конные казаки	270	3041,33 х3 ³²	5190,5 х3
Конные стрельцы	154	2212 х3	3702,83 х3
Пешие стрельцы	100	601,665 х3	471,83 х3
Пушкари	50	266,665 х3	600 х3
Затинщики	50	220 х3	404,83 х3
Ямщики	20	274 х3	270 х3
Каз. кузнец и плотник	2	9,5 х3	10 х3
Всего		6625,165 х3	10776,83 х3

Система хлебопашества на Руси была, преимущественно, трехпольная: одна часть земли отводилась под озимые, другая под яровые, а третья под пар. Это трехполье обозначалось выражением «в поле, а в дву потому ж». Запись «50 чети в поле, а в дву потому ж» означала, что в каждом из трех полей было по 50 четей, а всей земли, соответственно, 150 четей. Площадь измеряли в десятинах, а затем при записи в книги «перекладывали» в чети. Десятина — 80 саженой в длину и 30 саженой в ширину (1 дес.=2 чети=2400 кв. саж.=1,093 Га). Обозначения целого числа в виде дроби не существовало: половину чети называли «осминою», третья часть чети именовалась «третником», половина осьмины — «полосмины», половина третника — «полтретника». «Четверик» равнялся $\frac{1}{4}$ осмины или $\frac{1}{8}$ чети. Площадь сенокосов измерялась числом копён накошенного сена, или же 1 копну условно принимали равной 0,1 десятины. Леса измеряли верстами. Вначале принято было отмерять пашню, потом сенокосы, огороды, место под гумно и усадьбу.

Любопытно описывались в документах границы земельных владений. Совершенных способов вычисления площади геометрических фигур в то время не существовало либо они были ошибочны, пользоваться компасом и величиной угла при измерениях землемеры не умели. Писцам предписывалось межевать земли и отделять их друг от друга естественными урочищами, природными ориентирами — оврагами, реками, ручьями, дорогами, лесами, горами и курганами, колодцами, зарослями кустарника. По плодородности земли подразделяли на «добрые», «средние» и «худые». Отдельно описывали пашню, заросшую лесом и «перелогии» — после снятия нескольких урожаев землю оставляли без обработки на 8-15 лет для восстановления плодородия почвы. Участки пашни разделялись межей, то есть полосой вспаханной земли, указывались имена владельцев земли по обе стороны от межи. Начиналась она с «починного» (начального) столба, на котором тесалась грань с указанием направления межи. Далее по ходу ставились другие столбы с указателями вперед и назад. Рядом со столбом под каждой из граней вырывалась яма, на дно

которой клались угли. Иногда вместо столбов использовали приметные отдельно стоящие деревья, тогда грани делались на них.

Пустой неучтенной земли вокруг Волуйки имелось достаточно, поэтому люди самовольно захватывали и распахивали свободные участки. Хлопов и Недовесков переписали землю, которую «пахали всякие люди наездом без дач из пчельников», которой нашлось 512 (х3) четей. Всей земли в итоге получилось 11288 четей с осьминою и с полутретником «в поле, а в дву потому ж». Можно сказать, на этом предварительные действия чиновников закончились. На руках у писцов был наказ из Разряда, составленный по росписи 7133 (1624–1625) г., который определял, сколько человек в каждой из служб в Волуйке должно быть, и какой им положен земельный оклад. Сведя все земли в общий массив, они приступили к новому разделу. Земля выделялась отдельно на каждую группу служилых, а затем люди сами делили её между собой на наделы. Реально выделенная площадь земли в пересчёте на одного человека отличалась от установленного оклада.

Таблица 3. Раздача земли и сенокосов М. Хлопова и Л. Недовескова.

Наименование группы служилых людей	Кол-во чел.	Оклад (четь)	Роздано всем земли (четь)	Одному земли	Роздано всем сена	Одному сена
Атаманы	24	100	1032 х3	43 х3	2400	100
Ездоки	120	50	2160 х3	18 х3	6000	50
Конные казаки	285	50	4450 х3	15,7 х3 ³³	9000	31,6
Конные стрельцы	151	30	1736,3 х3	11,5 х3	4000	26,5
Пушкари	50	25	500 х3	10х3	* ³⁴	
Затинщики	50	-	993 х3	8,2 х3 ³⁵	3660	30
Пешие стрельцы	72	15				
Ямские охотники	20	20	270 х3	13,5 х3	500	25
Кузнец и плотник	2	15	10 х3	5 х3	30	15
Всего	774					

Определить в настоящее время точные границы участков волуйских служилых людей можно лишь приблизительно: межевые столбы давным-давно сгнили, от деревьев, на которых были насечены грани, не осталось даже пней, курганы и поляны распаханы. Некоторые из местных топонимов в последующие десятилетия сменили названия, другие вышли из употребления и постепенно забылись. Топонимы из писцовой книги: поляны — Городищева,

Козина, Ореховая, Храпова, Княжий затон, овраги — Проломный и Сотников, Долгий липяг, Лысые горы, Осколецкое плёсо, Праворотье, Изрог³⁶, реки — Первый, Другой Берёзовый, Третий Сазоны³⁷, Волуй, Мосей, Полатовая, Сенная.

Обратимся к ещё одной немаловажной составляющей писцовой книги — спискам волуичан. За исключением ямщиков (20 человек) взрослое мужское население города представлено в книге полностью. Этих людей, несомненно, можно отнести к одним из первых постоянных жителей Волуйки. Несмотря на то, что книга написана относительно чётким, разборчивым почерком, расшифровка фамилий оказалась непростой из-за множества трудночитаемых букв. Буквы «н», «к», «п», «и» в начертании малоразличимы. Так же сильно схожи «т» и «г». «Рогульки» надстрочных «н» и «л» абсолютно идентичны. У буквы «я» — несколько вариантов написания. Всё вместе это означает, что фамилию можно прочесть неоднозначно, например, Бондырев — Болдырев. Пришлось почти каждую сравнивать со списками последующих лет. Оказалось, что не все люди нашлись в переписях уже через 10-15 лет: один умер бездетным, другой попал в плен, третий погиб, а кто-то ушёл жить в другие места, или, как тогда писали, «сбежал».

Обращает внимание количество не повторяющихся личных имён — 150. И это на 774 человека! Подавляющее большинство имён церковные, канонические (125), распространены — Сенька, Стенька, Ивашко, Родька, Васька, Федька, Янко; редкие — Анцыфорко, Агапко, Мосей, Симанко, Таланка. Можно уверенно утверждать, что моды на конкретные имена в старину не существовало. Хорошо работала система выбора имён по святцам. В отдельных семьях можно встретить сыновей с одинаковыми именами: Ивашка большой, Ивашка меньшей, даже Ивашка средний. Видимо, дни рождения братьев приходились на «Иванов день», которых в году было несколько. Древнерусские, мирские имена: Безсонко, Богдашка, Дружинко, Худячко,

Любимко, Первушко, Познячко, Орех, Смирка, Нежданко, Неупокон, Беляй, Щербачко, Шибанок, Докучка и другие. Форма записи имени определялась соответствующим социальным статусом: у станичных атаманов — Петр, Иван, у рядовых служилых людей с уничижительным суффиксом «-ка/-ко» — Петрушка, Ивашко. Отчества писали со словом «сын», они есть далеко не у всех. Видимо, писцам не ставилась задача фиксировать всех «с имени-отчества». Отличия в написании одного и того же человека говорит о неустойчивости фамилий. Так, Варлама Серебряника в другой раз записали Варламом Золоторевым; Смурого — Смурьгой, Кургановского — Курганским, Бороду — Бородкой. Фамилии у людей только-только появлялись, кому-то они давались впервые. Образование фамилий, как правило, происходило добавлением к прозвищу или отчеству суффикса «-ов/-ев» или «-ин»: Болдырь — Болдырев, Лихвинец — Лихвенцов, Гуляк — Гуляков, Колодезной — Колодезнев, Старокожий — Старокожев, Сухорукой — Сухоруков, Одоивец — Одоивцов, Посоха — Посохов. Интересны прозвищные фамилии-прилагательные, отвечающие на вопрос «какой»: Кривой, Лютой, Мяжкой, Наугольной, Носатой, Осиновой, Паленой, Прибылой, Рыжой, Скоробогатой. Представителя следующего поколения подобной фамилии, на вопрос «чей сын?», так и звали — Максим Немого. Сохранились и очень своеобразные прозвища, например, Караська Чаловый. Любопытно, за что так прозвали человека? Встречаются равнозначные двойные семейные именованья: Татарченков–Толстой, Мухин–Гуляков тож. Видимо, человек унаследовал прозвище отца и деда и ещё не определился, какое из них оставить.

Надо сказать, что по способу образования фамилии волуйчан были весьма разнообразны: «защитные», по времени рождения, от названий животных,

птиц, растений, по степени родства, от названий профессий (Болдырев, Винокуров, Дехтерев, Игумнов, Кузнец), по физическим отличительным особенностям человека (Сухоруков, Старокожев, Трегубов, Чорной, Шевелюха), по национальному признаку (Хохлов, Татарин), от названий предметов быта (Гребенкин, Щеткин). «Географические» фамилии указывали на происхождение предков носителя: Дедилов, Донецкой, Москвитинов, Ржевской, Сибирцов, Шацкой. Вызывают улыбку и заставляют задуматься оригинальные фамилии: Арцыбесов, Голозубов, Голыгин, Горемыкин, Девочкин, Деревягин, Жерноклев, Кошкоданов, Кровопусков, Мерин, Немытой, Пердунов, Песяуков, Подерегин, Роскопила, Старобаб. Известно, что образование таких фамилий было особенно характерно для среды казачества. Казаки любили подшучивать друг над другом и давать яркие, выразительные прозвища. Встречаются фамилии на «ской»: Алтобаевской, Богословской, Лихвинской, Масловской, Салковской и другие. Патронимический суффикс «-ской» отмечен в фамилиях знати, шляхты, казаков и представителей духовенства. Такие фамилии, чаще всего, возникали от названий местностей, распространены у поляков, белорусов, украинцев, русских, евреев.

Судя по упоминаниям фамилий в документах, потомки волуйчан 1626 г. многие десятилетия жили и служили в городе: Агеев, Басовский, Безгодков, Белоглазов, Бобыревы, Богословский, Ветчинин, Гридин, Дробышев, Елшин, Жерлицин, Зиборов, Колесников, Копылов, Корякин, Курганский, Луковников, Насонов, Некрылов, Подерегин, Посохов, Путилин, Рыскольцов, Рысухин, Санеев, Чоботов, Шумилин, Шушпанов и другие.³⁸

Рис. 7. Чертеж земель по реке Осколу с городом Волуйка, 1687 г. (РГАДА)³⁹

Надписи на чертеже:

1. город Волуика⁴⁰ - в плане города 11 башен, из них 2 «проезжие». В городе: Никольская церковь, церковь Соборная, бозар, приказ, житни[цы], воевоцкий двор.
2. Егорьевская, Пятницкая церкви.
3. Козачья слобода, церковь Рождественская.
4. Покровская Черкаская слобода, церковь Покрова, надолбы.
5. Ямская слобода, кузни
6. Атоманская ездочья слобода с церковью, конных стрельцов дворы.
7. Пристонской Успенской монастырь
8. речка Волуй
9. речка Другой Созон
10. надолбы, башня с короулом, Горная башня с короулом
11. речка Первой Созон
12. лес Горний Большой
13. Московская Большая дорога к Москве лежит.
14. крутой боярак суходол
15. Монастырская Яблонова деревенька
16. Емская деревенька Симонова
17. Пристонское чесовня
18. Изрог, Посольская дорога, башня с короулом, надолбы.
19. Проломная башня
20. Белогороцкая дорога
21. Сухая речка Козинка в Мокрою упала
22. Сотников враг с лесом
23. надолбы, башня с короулом (Праворотье).
24. Храпова поляна
25. Козина поляна, дорога большая, едучи к речке Козинке
26. Козинка Мокроя
27. Кромзная поляна
28. Никольского попа Ивана дворы
29. Муратов лог суходол
30. Рохин лог
31. Огибная еруга с водой
32. конных стрельцов гумны
33. р. Оскол

На чертеже также показаны: Оскольская дорога, дорога от Монастырского рубежа к дикому полю, мосты через реки Оскол, Волуй, Козинку, большой и малый курганы по Козинке, два кургана между Созонами, Есеновая ерушка, Зиборовы ерушки, Кочергина ерушка, Долгая еруга, Филатова ерушка с водою, Сенная ерушка, Остренная ерушка, Круглая ерушка, Избной липег с водою, Круглой липег, Долгой липег, Сенной липег, сосенник по Сухой Козинке, Черный лес, редкодубец, пчельник Дробышева, сенные покосы и поместные дачи с меженными гранями стрельцов, пушкарей, ямщиков, атаманов и ездоков, межа казеннова целовальника Алексея Торопова с подьячим Астафием Елдиным, спорная земля ямщиков с пушкарями.

Тюремный сиделец атаман Максим Немой

Тюрьма в Волуйке не пустовала никогда. Кто же оказывался в числе тюремных сидельцев? У кого-то не было проезжей грамоты, кто-то ослушался государева указа, были беглецы из других городов, воры и конокрады, даже сами караульщики, упустившие заключенных. Сохранилось немало архивных документов, рассказывающих о тюремных сидельцах и их побегах, которые совершались всегда одним классическим способом — через подкоп под стену.

Не оставляет равнодушным история тюремного сидельца станичного атамана Максима Немого, обвиненного в подводе татар под Волуйку. Начиналась она так: 3 мая 1627 г. прибежал в город с заставы на Осколе пеший стрелец Иван Бочарников с сообщением для воеводы, что пришли с Крымской стороны по Белгородской дороге на реку Оскол татары и отогнали лошадей у волуйских людей.

На следующий день в Волуйку пришёл вышеупомянутый атаман, которого ранее послали со станицей к Савинскому перевозу. Тогда по дороге на станичников напали черкасы, и они, спасаясь от погони, устремились обратно к Волуйке. Дорогой повстречали отряд татар, в завязавшемся бою троих станичников убили, а раненого в плечо Максима и его товарища Василия Звягина взяли в плен, откуда атаману вскоре удалось бежать.

В то же время и у тех же татар оказался в плену волуйчанин Афанасий Федоров (Стрельцов), которого взяли на рыбной ловле на Осколе. Возвратившись в августе 1627 г. из плена, Афонька поведал о предательстве атамана. С его слов, именно Максимка подводил татар под Волуйку для кражи лошадей, за что они его отпустили. Волуйский воевода Никита Аладьин тотчас посадил Немого в тюрьму и пытал. Обвиняемый, однако, не стал себя оговаривать и в предательстве не признался. Некоторое время спустя повторный сыск с пыткой провёл следующий воевода Никита Чоглоков. Максим и во второй раз утверждал, что татар под город не подводил, из плена его не отпускали, а бежал он с Ольшанского перевоза сам. Афанасий же оговорил его по недружбе.

Воевода подробнее расспросил про это обстоятельство. Максим пояснил, что во время правления Тушинского вора (Лжедмитрий II) они с братом получили участок реки Оскол с угодьями, которые потом отдали в пользование отцу Стрельцова, а тот рекой и угодьями пользовался, но долю Максиму с братом не давал. С самим Афанасием тоже вышла ссора — он единолично завладел бортью, хотя пчёл в лесу нашли они вместе с Максимом. Естественно, что Стрельцов дал совершенно противоположные показания. Он утверждал, что реку братья отдали Степану Курашихину, а отец Афанасия просто состоял в доле со Степаном. Подати они братьям платили исправно, борть поделили с Максимом поровну, да и вообще ссоры никакой между ними не бывало.

В таком непростом деле были нужны свидетели, чтобы выявить, кто говорит правду, а кто лжёт. Нашёл их только Максим: ездок Афанасий Богословской и пасынок казака Лариона Щетинина Сережка подтвердили, что у атамана Максима Немого с Афоней и его отцом действительно была «недружба» по поводу пчёл и рыбной ловли⁴¹.

Станичный атаман подал в Разряд челобитную, в которой написал про оговор, прося избавить его от новой пытки и тюремного заключения. К этому обращению отнеслись благосклонно. В декабре 1629 г. в Волуйку воеводе Н.А. Чоглокову пришла государева грамота, по которой тюремного сидельца атамана Максима Немого велено было освободить и отдать на крепкие поруки. За Немого поручились Борис Антонов и Алексей Луковников: «Чтобы жить ему за нашею порукою на Волуйском городе с женою и детьми и со всеми животы, и государю не изменить, в Крым, и в Литву, и в Нагай, и в иные ни в которыхы государства к государеву недругу не отъехать, и под Волуйский город воинских людей не подвезть, и живучи на Волуйском городе, никаким воровством не воровать, не красть, не розбивать, и татиною и разбойною рухлядью не промышлять»⁴².

Пока Максим находился под следствием, из атаманов его не исключили. Но и денежного жалованья на 1628 г. не дали⁴³. Последняя запись об атамане Максиме Немом встречается в документе 1633 г., он опрашивался как один из

свидетелей о воровстве государевой соли в Литовское разорение⁴⁴. Афанасия же Стрельцова убили в 1635 г., во время татарского прихода под город.

Волуйка кабацкая

В XVII веке в Волуйке работали таможня и кабак (или «кружечный двор», питейный дом). Для сбора таможенных пошлин и продажи вина, пива и меда в кабаке из служилых людей выбирали достойного голову, а в помощники ему целовальников. При народе в церкви их приводили к присяге с целованием креста (отсюда название), чтобы кабацкие и таможенные доходы собирать «вправду с великим раденьем, и самим нашими зборными деньгами, и питьем, и кабатцкими никакими запасы не корыстоватца, и не красть, и не поступатца никому, и нашей казне во всем чинить прибыль безо всякие хитрости, и от денежново збору никуда не отъезжати»⁴⁵. Для ведения письменного учета в кабак назначали дьячка. Одним из основных наказов голове и целовальникам было требование собрать в новом году денег не меньше, чем в предыдущем. Время их службы как раз и составлял один год. Если голова и целовальники не добирали денег, то недостачу взыскивали с воеводы, стрельцов, казаков, пушкарей и затинщиков, то есть со всех поручителей. Сменившегося с должности голову, с деньгами и с записными книгами, в сопровождении охраны из 10–20 казаков и стрельцов, воевода отправлял в Москву в Разряд. Голове и провожатым давался крепкий наказ, чтобы с деньгами они ехали бережно и «усторожливо», на стоянки останавливались в «крепких» и жилых местах. Для примера, в 1626–1627 гг. в Волуйке собрали кабацких доходов 438 руб. 22 алтына 3 деньги, а с 1 ноября 1627 г. по 1 ноября 1628 г. — 438 руб. 27 алтын 1 деньга⁴⁶.

Между тем, в Волуйке выбирались новые должностные лица. К кандидатам предъявлялись требования согласно государевой грамоте: «сколько человек пригож, изо всяких людей самых добрых, которые б душою прямы, и животом прожиточны, и не воры, и не бражники, и кому б в нашей казне мочно

верить»⁴⁷. В выборах обычно участвовал весь город. Новый голова принимал у прежнего кабацкие «суды», или посуду: напол (кадка, чан) большой дубовой, бочку и ведро медвяные, крюк двугривенный и гривенный, чарки, братины), а также контарь (весы), кабацкую избу, таможенную избушку, ледник, воскобойню и приступал к исполнению обязанностей⁴⁸.

Большая ответственность лежала на воеводе. Ему вменялось в обязанность «надсматривать» за головой и целовальниками, защищать от лихих людей, принимать помесечно деньги и хранить их в казне — приходу и расходу таможенных и кружечных денег вёлся строгий учет. В отдельных случаях по грамотам из Разряда часть таможенных и кабацких денег шла на целевые выплаты и займы. Некоторое время практиковался своеобразный обмен кадрами: на кружечном дворе в Волуйке служили чугуевские, а в Чугуеве — волуйские голова и целовальники, наверное, чтобы меньше воровали. Воевода также взыскивал пошрины с неплательщиков — торговых людей, приезжающих в Волуйку с товарами или следующих из Волуйки, присматривал за кабаком, чтобы люди в нём пили тихо-смирно, «бережно», без распутства и душегубства.

Делать собственное вино для продажи людям в уезде строго запрещалось, законы были суровы, не в пример нынешним. У кого находили корчемное вино в первый раз, конфисковали и брали со двора 4 алтына 1,5 деньги. Во второй раз штраф составлял 5 руб. и сопровождался битьём батогами. В третий раз отбирали вино и посуду для его приготовления, взыскивали 10 руб., били кнутом и сажали на 5–6 дней в тюрьму, а по освобождении отдавали на поруки. Конфискованное вино и посуда пускались в свободную продажу, деньги поступали в казну. Однако к праздникам, дням рождения и крестинам людям разрешалось варить пиво, уплатив предварительно пошлину.

История о воре Проньке Брыкайке

Эта история произошла в 1631 г. Воеводе И. Колтовскому от волуйских служилых и жилецких людей стало известно, что из Литвы под Волуйку частенько приходит «переезжей воришка Пронька прозвища Брыкайка с воры с черкасы, лошади крадет и людей побивает». При этом он посещал свою мать и зятей, бывал у казака Артемия Берескина и монастырских бобылей Алексея Мерина и Антипа Омельянова. Воевода начал с того, что посадил в тюрьму мать и родственников Проньки с семьями. Началось расследование. Обвинения подтвердились и Колтовский даже написал государю, что «от тово воришкава племяни вперед чаеть великово дурно и всяково лихова умышленья»⁴⁹.

Всех задержанных воеводе было приказано выслать с приставом в Москву, «а дорогою велел их вести с великом береженьем, чтоб они з дороги не ушли и дурна какова над собою не учинили»⁵⁰. Узники отправлялись в столицу хоть и не по своей воле, но за свой счет. По челобитью казака и бобылей воевода разрешил им продать несколько овец и купить одежду для жен и детей, чтобы не замерзнуть от стужи в дороге. В городе остались на сохранении до указа корова казака и три коровы от бобылей. На своих лошадях мать и зятья Проньки Брыкайки в конце ноября 1632 г. прибыли в Москву, откуда по государеву указу волуйчан послали дальше, на житьё в Сибирь, а в дороге, и пока они не устроятся, «велеть указать им и матерем, их женам и детем корм давать, чем сытым быть»⁵¹. Так начиналось принудительное переселение людей на восток. В 1634–1635 гг. в Енисейск отправились в ссылку 70 человек, среди которых были яицкие казаки, путивльские черкасы, волуйчане и другие. 30 человек из них поверстали в службу, других «в пашню»⁵².

Посольские размены

Татары, причинявшие столько беспокойства нашим предкам, на самом деле не стремились к истреблению людей. Они избегали прямых столкновений, не хотели кровопролития. Главной целью татарских набегов был захват полона (пленных), отгон табунов и стад скота. Большую часть русского полона татары продавали восточным купцам в Крыму и на заморских рынках.

В Ливнах и в Крыму ежегодно устраивались так называемые «посольские размены» — официальные встречи, где происходили переговоры, подношения подарков, обмен и выкуп пленяников. Цены на них зависели от «качества» — возраста, пола, социального положения, а также спроса и предложения. Низкой ценой считалась сумма в 10–20 рублей, средней — 50–100 рублей, высокой — 150–200 рублей. Для сравнения, годовое жалованье станичного атамана составляло 10 рублей, ездока — 6 рублей, хороший конь стоил от 10 до 20 рублей. На освобождение российских подданных из басурманского рабства государство тратило немалые деньги. Некоторых пленников выкупали родственники, христиане из других стран. Случалось, что и самому пленянику удавалось накопить денег и выкупиться у хозяина, получив от него «вольный лист».

В 1616 г. в Волуйке впервые состоялась передача подарков крымским князьям и мурзам, после чего татары пожелали перенести посольские размены в именно в этот город, поближе к Крыму. Организация и проведение первых русско-крымских переговоров в Волуйке тесно связана с именем видного дипломата, окольного князя Г.К. Волконского. По его сказке в 1621 г. в остроге поставили Посольский двор. Окольный неоднократно бывал в городе и организовывал размены, последний раз в 1632 году. В конце 1620-х гг. в устье реки Ураевой основали Разменный городок — резиденцию посольств, устраиваемую на время переговоров. В заранее назначенное время из Москвы на размен приезжал окольный с казной в сопровождении дьяка, дворян и служилых людей из разных городов. В городке ставился «великого государя шатер». Упоминание о чемодане с суконным шатром, хранящемся в казенном

погребё, сохранились в волуйских воеводских книгах. Перед началом размены в Волуйку присылалась государева грамота, по которой воеводе надлежало отобрать для несения службы при посольстве волуйских служилых людей, человек 100 и более. Все они должны были быть «конны, и цветны, и оружны»⁵³. Волуйчане и жители украинских городов поставляли хлеб, вино, мёд для крымских и русских людей на размене, сено для их лошадей. Посольские размены приносили немало хлопот и убытков.

Весной 1627 г. волуйские атаманы и ездоки, стрельцы, казаки, пушкари, затинчики, ямской слободы охотники и чернослободцы жаловались в челобитной государю Михаилу Фёдоровичу о притеснении их служилыми людьми, приехавшими «на посольскую размену». Челобитные в государственные учреждения – приказы, писали на имя государя, хотя это конечно не значит, что царь читал и рассматривал их лично. Аналогично грамоты из приказов всегда посылались адресату от государева имени. Итак, волуйчане писали, что дворяне и дети боярские из Рязани, Коломны, Тулы, Каширы и Мещеры причиняют им обиды и «насильства», жён и дочерей позорят, хоромы и изгороди поджигают. Список претензий был длинный: хлеб в поле «толочат» (топчут) и «травят», сено воруют, коров, овец, свиней и кур поели, людей грабят, на рынке мясо и рыбу отбирают, а кто попросит заплатить, того бьют. При том дворяне с гневом угрожали волуйчанам: «Тако-де вам, мужикам, с нашим человеком противица, и вас–де за нашево одново велит государь десеть человек повесить»⁵⁴. Словом, при прежних окольных таких унижений, брани и воровства не бывало, так что наступили в городе разорение и голод.

Случались и совсем вопиющие безобразия. Каширянин С. Писарев и тулянин М. Мясоедов пришли в мужскую баню, оттуда перебрались в женскую, выгнали голых женщин на площадь и гоняли их «слопами» (дубинами, жердями). За женщин вступился банщик Федька Чернеев, просил дворян остановиться, прекратить позорить их жён и дочерей. Дебоширы избили его до полусмерти, а весь банный сбор отняли. Воевода М.В. Аладьин послал

казацкого пятидесятника Савву Григорьева с «пятиной» в сотню на сторожу. Пьяные каширяне со своими людьми приехали в сотню, пятидесятника с казаками и стрельцами побили и гоняли с саблями. Волуйчане ходили жаловаться к окольному А.И. Лодыженскому, однако тот «лаял» (ругал) и бил их, защищая своих людей.

Волуйчане просили государя об указе, чтобы им от разоренья и с голода от московских ратных людей «в конец не погибнуть и не разбрестись розно»⁵⁵. В Волуйку окольному Л.И. Карпову и дьяку И. Михайлову, занявшим к тому времени должности в городе, была прислана грамота: «А будет, которые наши ратные люди учнут волуйским людем какое насильство чинить, и вы б тем людем в обидах и в насильствах управ давали, и вперед никаких обид волуйским людем делать не велели»⁵⁶.

В 1680-х годах Разменный городок и надолбы в устье реки Ураевой сгорели от пожара в степи.

Поимка вора Недосеки

Жизнь людей Польской украины протекала в обстановке постоянной опасности. Неожиданно налетевшие татары или «лихие люди» могли любого убить или взять в полон. Весной 1632 г. до воеводы Колтовского дошел слух, что воры разорили Саввинский монастырь на Северском Донце, убили черного старца Леонтия, забрали книги и оклады с образов (икон), «побивали до смерти» казаков в юртах по Донцу и Осколу. Воевода послал на Донец 60 волуйских стрельцов и казаков под командованием Тараса Колесникова. Вскоре в Волуйку привели пойманного вора Митьку Берникова по прозвищу Недосека. На допросе Митька рассказал, что с ним разбойничали 8 человек. Четверо из них ушли на Дон, где казаки, узнав про воровство, их повесили. Двое других скрывались в Оскольском и Ливенском уездах. Воевода написал в украинные города письма воеводам и послал туда казаков. Недосеку Колтовский намеревался поставить со своими дружками «с очей на очи» и

пытать с палачом. Но палача в Волуйке не оказалось, да и дружков не поймали. В ноябре того же года воевода отослал Митьку Недосеку в Москву⁵⁷.

В начале августа 1632 г. станица Артема Чурсина повстречалась у Волчьих Вод на Изюмской сакме с татарами, которые возвращались из набега на Русь. Волуйских станичников татары «разогнали врозь». Эти же или другие татары вскоре объявились под Волуйкой на Белом Сазоне, со сторожи их заметил полковой казак Ломака Филипов. На Первом Сазоне по Московской дороге стояли в сотне 50 казаков и стрельцов с пятидесятником Афанасием Чоботовым, с посада и пашен к сотне подоспела подмога. Завязался бой, двух конных казаков и нескольких пахарей татарам удалось взять в полон. 13 августа Иван Колтовский послал в поход вниз по Осколу голову Юрия Чуфаровского со стрельцами, казаками и многими охочими людьми «промышлять над татарами на Осколе по перелазом, сколько милосердый Бог помочи подаст». Но подробности похода остались неизвестными. В отписке в Разряд воевода Колтовский сообщал, что татары ходят в Русь мимо Волуйки по 500, 700 и более человек. Между тем, волуйские атаманы и ездоки, ямские охотники, стрельцы и казаки, гулящие люди, их братья, дети и племянники рано утром самовольно, украдкой уезжают из слобод на пашни, гумна, в лес и там ночуют. Воевода опасался, что непослушных волуйских жителей татары ночью возьмут в полон⁵⁸.

Беглянка Нелидка

В апреле 1625 г. с Изюмского шляха на белгородскую сторожу у реки Нежеголи вышла полонянка. Станичный ездок Пронька Олымов доставил её в Белгород. Воеводе Абросиму Лодыженскому она назвалась Нелидкой, крестьянкой Семена Чертовищева из деревни Поддумчина Крапивенского уезда. Пришедшие в деревню татары взяли её и двух мужиков с женами и детьми в полон. Семь дней они скакали с добычей без отдыха, пока не остановились в поле на дневку и ночевку. Затем татары отправились обратно на Русь, оставив со связанными пленниками одного охранника. Как и в каком

месте Нелидка сбежала от татар, она точно не помнила. Однако приехавший из Волуйки белгородский пушкарь Осип Павлищев сообщил воеводе, что видел эту самую Нелидку, когда она шла в Белгород и в плену вовсе не была. Воевода допросил Нелидку, та отпиралась, утверждая, что не знает никакой Волуйки и никогда там не бывала. Тогда воевода начал «стращать побоями», после чего она повинилась и во всём призналась. Нелидка оказалась женой волуйского стрельца Савки Биршина, татар не видела, в полон её не брали, а всю историю придумала чтобы не вернули обратно к мужу, от которого сбежала, не выдержав «великих побоев».

Из Белгорода известие про беглянку Нелидку пошло в Оскол, потом в Елец и дальше в Тулу. В Крапивну из Разряда послали грамоту, чтобы сыскали сына боярского Семена Чертовищева и расспросили. Крапивенские воеводы Алексей Приимков-Ростовский и Владимир Ляпунов в отписке отчитались, что в деревню Поддумчина и иные деревни Саловского уезда татары не приходили и никого в полон не брали, никакого Семена Чертовищева в уезде не было, и нет.

В мае белгородский воевода Лодыженский получил грамоту из Разряда, где ему было велено беглянку Нелидку за воровство, что затеяла, бить кнутом, а после наказания отослать домой к мужу в Волуйку⁵⁹.

Городские церкви и Пристанский монастырь

При постройке новых городов правительство заботилось о духовных нуждах новопоселенцев. В сентябре 1599 г. из Оскола в устье Волуйки с князем В. Кольцовым-Мосальским и головой С. Мясным были посланы церковный приют и церковные принадлежности, необходимые для устройства церкви. В опись «церковного строения» внесены: «Образ Преч. Богородицы Владимирской месной, после того образ великих страстотерпцев Христовых Бориса и Глеба втуж меру на золоте, Деисус стоячей, Крест запрестольной, образ Преч. Богородицы запрестольной, двери царския с столбцы и с сеньми, 30 образов Господских праздников и Пресв. Богородицы и Николы Чудотворца

и иных великих избранных святых мученицы на золоте,...»⁶⁰. Из перечня видно, что первые городские храмы должны были быть построены в честь привезённых икон.

При основании Волуйского города в 1599–1600 гг. строители поставили два храма: в городе соборную церковь «Стретения иконы Пречистыя Богородицы Владимирския» с пределом страстотерпцев Бориса и Глеба и пределом Фёдора Стратилата, за городом в Стрелецкой слободе — церковь «Николы Чудотворца». Чуть позже в Казацкой слободе построили церковь «страстотерпца Егорья» и церковь «святой мученицы Пятницы». Богомольцы государевы — попы и церковный причет, получали из Разряда «ругу», то есть годовое содержание, денежное и хлебное жалованье. В собор и два предела давали: трем попам по 8 руб., 11 четей ржи и 11 четей овса (1 четверть зерна = ¼ кади, кадь — старинная мера сыпучих тел, обычно равнялась 4 пудам или 65,6 кг), дьякону 6 руб., двум дьячкам и просвирнице по 3 руб., пономарю 2 руб. и каждому по 6 четей ржи и овса. В церковь «Николы Чудотворца» на всех давали 16 руб., 32 чети ржи и столько же овса. Служители Егорьевской и Пятницкой церквей получали такой же оклад. Руга высылалась ежегодно, до прихода к власти Лжедмитрия I. По окончании Смутного времени попы много раз «били челом» о возобновлении руги, но им отказывали из-за отсутствия средств. После пожара 1612 г. в Царёве-Борисове попов и церковный причет перевели отсюда в Волуйку. Вместе с прихожанами они воздвигли в Царегородской слободе две церкви — во имя Рождества Господа Бога и Спаса Иисуса Христа (поп Юрий), во имя Покрова Пречистой Богородицы (поп Созонтий), а в Ездочной слободе — церковь во имя Архангела Михаила (поп Афанасий). С 1629 г. выдача руги всем священнослужителям была возобновлена⁶¹.

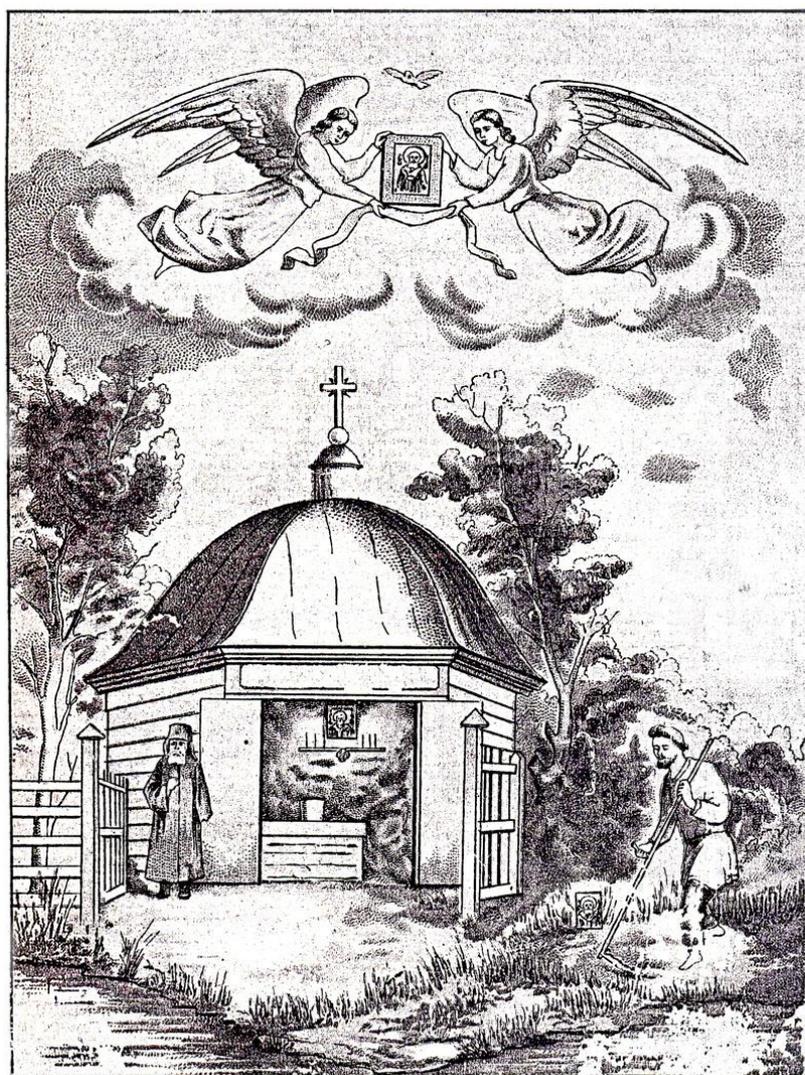
Случались в Волуйке и чудеса. На пойменном лугу у слияния рек Оскол и Волуй один горожанин во время сенокоса нашёл икону святителя Николая. По преданию, икона была явлена на второй день Троицы — Духов день. Икону отнесли в город, в храм Владимирской иконы Божией Матери, но наутро икона

исчезла из церкви и вновь была обретена на прежнем месте. Там построили часовню имени святителя Николая, ставшую, по-видимому, началом монастыря. Икона была размером 7х6 вершков, то есть около 33 см по длинной стороне. Святитель изображен с закрытым Евангелием в левой руке и благословляющей десницей, без митры, по сторонам — изображения Спасителя и Богородицы на облаках. Недалеко от часовни, на месте нынешнего монастыря, поселился престарелый отставной служилый человек Корнилий с тремя монахами. Икону, первоначально помещенную в часовне, перенесли в монастырский храм, а в часовне осталась ее копия.

В старинном монастырском реестре 7121 (1613) года упоминается настоятель монастыря игумен Иона. Этот год связан с началом династии Романовых и традиционно считается официальным годом основания обители⁶². В XVII в. монастырь именовался «Николы Чюдотворца Пристанский монастырь» или «Волуйского города Успения Пресвятыя Богородицы и Чудотворца Николы Пристанский монастырь». Название «Пристанский» происходит от расположения — близ монастыря при стечении рек Оскол и Волуй была пристань, «Успенский» — связано с главным храмом монастыря, а «Николы» — с известной чудотворной иконой. Уже в начале XVII в. она была покрыта серебряным окладом с драгоценными привесками — монетами и крестами. Это значит, что Святой Николай особенно почитался богомольцами монастыря, выражавшими свою благодарность за исцеление или иную благодатную помощь путем привешивания «прикладных денег».

На протяжении трёх столетий монастырь оставался одним из посещаемых и почитаемых мест для всех жителей Валуйской земли и Белгородья. В 1913 г. к 300-летию династии Романовых на народные средства на территории монастыря был возведён Свято-Николаевский собор. В 1924 г. при советской власти монастырь закрыли, начались долгие годы забвения. С 1935 г. по 2011 гг., с перерывом на время эвакуации в войну, в помещениях монастыря размещалась детская исправительная колония. В настоящее время — это вновь созданное учреждение, колония общего режима для отбывания наказания в

виде лишения свободы осужденными женщинами. В 2011 г. началось возрождение утраченных святынь. Обрёл своё второе рождение восстановленный из руин Свято-Николаевский собор. Вот так и стоят сегодня рядом — величественный белоснежный собор и огороженная колючей проволокой и караульными вышками колония. Хочется верить, что в недалёком будущем мы сможем увидеть и посетить и сам Успенский Николаевский мужской монастырь.

*Въ благословеніе отъ Валуйскаго Успенскаго Николаевскаго монастыря
къ 500-лѣтнему юбилейному торжеству, съ основанія обители,
что будетъ 1913 г.
(Въ пользу новаго Николаевскаго храма).*

Дозволено цензурою. Москва, 28 марта 1905 г. Цензоръ протоіерей А. Гиліровскій.

Рис. 8. Открытка с Пристанской часовней, 1913 г.⁶³

В окладной книге церковей Волуйки и уезда 1653 г. находим записи о священнослужителях, размерах дани в патриаршую казну, церковном землевладении и приходах. Городская соборная церковь «Пречистая Богородица Стретение иконы Владимирския» владела 50х3 четями земли. Рядом с церковью находились двор попов, воеводский двор, 14 дворов бобылей и 4 двора вдов. В патриаршую казну церковь платила дань 20 алтын 2 деньги и «десятильничья за езду гривна». Посадские церкви имели меньшие пашни. Размер дани зависел от количества людей в приходе и составлял 2 деньги со двора. В приход церкви «Великого Чудотворца Николы Ратного» в Стрелецкой слободе входили: двор стрелецкого и казачьего головы, 53 двора стрельцов, 5 дворов пеших стрельцов, 8 дворов пушкарей, 10 дворов затинщиков, 20 дворов ямщиков, 3 двора ездовых, всего 100 дворов. В приходе церкви «Мученицы Христовы Поросковей нарицаемая Пятницы» в Казачьей слободе были 84 двора казаков, пушкарей, ездовых. В приходе церкви «Великого мученика Христова Егорья» в Казачьей слободе — 86 дворов казаков, ездовых и пушкарей. В церкви во имя Рождества Христова в пределе был престол «Благовещение Пречистые Богородицы». В 7160 (1651–1652) г. эта церковь сгорела. На её месте поставили часовню, в приходе — 49 дворов полковых казаков. В церкви во имя «Покрова Пречистые Богородицы» за рекой Волуем, в Царегородской Черкасской слободе, в приходе — 78 дворов черкас, стрельцов и затинщиков. В церкви «Архангела Михаила нарочных бесплотных сил», в Атаманской и Ездочной слободе, в приходе — 139 дворов атаманов и ездовых. В устье Волуя находился «черный монастырь» с церковью во имя Успения Пречистой Богородицы, в пределе — престол великого чудотворца Николая. На монастырской земле стояли 8 дворов бобылей. Строителю монастыря Устину с братией было дано государево жалованье — на пашню 70х3 четей земли и 1000 копён сенных покосов по речке Сухой Козинке⁶⁴.

Согласно преданию внес свой вклад в церковное обустройство города и Петр Великий. Его сподвижник П. Гордон писал в дневнике, что 27 сентября 1695 г., после неудачного штурма русской армией Азова, царь принял решение

отступить и возвращаться обратно в Москву: «Ноября 1, пятн. ... Мы прибыли в город Валуйки, 8 верст, и пересекли р. Валуй, текущую через середину города, или посада. Цитадель стоит на возвышении в сторону холма. Узнав, что Его В-во пребывает у воеводы, я поехал туда и отобедал»⁶⁵. В городе Петр I останавливался в доме священника Прокопия Зиновьева. На пожалованные деньги из царской казны он указал построить в крепости «пространное и высокое о пяти главах здание — соборную церковь во имя Сретения Богородицы Иконы Владимирской», и будто бы сам сделал рисунок собора. Строительство завершилось в 1699 году, валуйчане называли его «царским». В 1759 г. обветшавшая соборная церковь была перестроена и заново освящена. В 1791 г. собор был снова возобновлён. На картах города 1730 г. и 1786 г. он показан в самом центре крепости. С течением времени собор стал тесен для увеличившегося прихода и 5 мая 1843 г. состоялась торжественная закладка нового каменного собора рядом со старым деревянным. Через десять лет строительство было завершено и обошлось прихожанам в 30000 рублей, без колокольни. Новый каменный валуйский Владимирский собор был величественный, в византийском стиле, трёхпрестольный: главный престол — в честь Владимирской иконы Пресвятой Богородицы, придельные — в честь Св. Архистратита Михаила и Святителя Митрофана, епископа воронежского. Содержание старого собора тяготило валуйчан, к тому же его положение стесняло городскую площадь и мешало возведению каменной ограды вокруг нового храма. По прошению жителей села Большие Липяги деревянный собор решено было продать им, губернская палата имущества оценила его в 3552 рублей. Сельчане деньги нашли: 1000 руб. имелось у церковного старосты, 1500 руб. — у «старателей», 1500 руб. собрали с прихожан. Собор по разрешению Святейшего Синода перенесли в село, но с условием — внешний вид «памятника церковной древности» не изменять. В ноябре 1862 г. храм в селе был освящен. В советское время каменный собор в городе постигла участь многих храмов — он был разрушен и больше не восстанавливался. От «царского» собора в селе Большие Липяги в XX в. также не осталось и следа.

ГЛАВА 2. ВОЛУЙСКОЕ РАЗОРЕНИЕ 1633 ГОДА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ*

Один из эпизодов Смоленской войны

Значительная часть войск Речи Посполитой, действовавших на юге Российского царства во время Смоленской войны 1632–1634 гг., состояла из украинских казаков. Атаки казаков на «порубежные» города призваны были отвлечь внимание московского командования от Смоленска. Впрочем, не в меньшей степени у нападавших присутствовали и грабительские мотивы. 28 марта 1633 (1633) г. вооруженные «литовские люди и черкасы»⁶⁶ захватили и разорили южнорусский город Волуйку.

Из «Отписки Оскольского воеводы Якова Хрущова о взятии Волуйки» узнаём, что успех боевой операции черкас был обусловлен хорошо спланированным маршрутом и внезапностью нападения⁶⁷. Не последнюю роль сыграло отличное знание местности, видимо, не обошлось без проводника. Черкасы пришли не с запада, с Муравской сакмы, как сообщали государю Михаилу Фёдоровичу воеводы северских городов, а с юга, с Поля. Переправившись через Донец у Святых гор с Крымской на Ногайскую сторону, черкасы скрытно пробрались глухими местами, потому город и «украли». Они прошли дорогой, по которой князь Фёдор Волконский провожал государевых и турецких послов. Воевода Хрущов отметил, что эти земли оскольские и белгородские станичники не патрулировали. При этом он почему-то умолчал о волуйских станичниках. Недалеко от Святогорского монастыря через реку Донец, на Посольском перевозе, переправлялись русские и крымские послы,

---

* Автор выражает благодарность Алексею Фоминову (Луганск) за совместную работу, помощь в сборе и обработке материалов. Свой взгляд на эти исторические события он изложил в статье: Фоминов А.В. «Волуйское разорение» 1633 года // Старый Цейхгауз. 2013. № 2 (52) С. 76-83

едущие на Торские соленые озера солевары, татары. От перевоза к Волуйке вела так называемая «Посольская дорога». Один из маршрутов патрулирования волуйских станичников как раз доходил до реки Тора и до Святых гор. Черкасы где-то благополучно для себя разминулись со станичниками, возможно, когда те находились на Торе.

Свой рассказ Я. Хрущов дополнил расспросными речами вышедшего из плена оскольского сына боярского Лёвки Кирилова. Пленник рассказал, что послали его за вестями в Волуйку. Когда черкасы подожгли город, товарища Лёвки голубинского казака Дениску Андреева воевода отправил с вестями в Оскол, а сам Лёвка остался вместе с Иваном Колтовским. Всего лишь несколько строк грамоты рисуют всю трагичность происходящего момента: сгореть заживо или рискнуть выйти из окружения? Волуйчане выбрали надежду на спасение. При прорыве из горящего города был ранен и взят в плен воевода Иван Колтовский, Кирилова пленили там же. Сбежал Лёвка от черкас из-за Донца, ниже Савинского перевоза. Выходца из плена с ценными сведениями отправили в Москву.

Уже 5 апреля 1633 г. воевода Белгорода М. Волынский послал ратных людей в уезд на речки Разумную и Корочу, против литовских людей, которые шли из-под Волуйки. Белгородцы в 3 верстах от города, на Разумной, литовцев побили и взяли в плен 18 человек⁶⁸. Возможно, так близко под Белгородом появился разъезд литовских разведчиков, ведь в скором времени литовцам и черкасам предстояло осаждать и этот русский город. А возможно, это был небольшой отряд, возвращающийся после похода в село Голубино на реке Осколе. О нападении на это казацкое поселение известно из дела станичного ездока Прохора Чоботова, о котором пойдет речь далее.

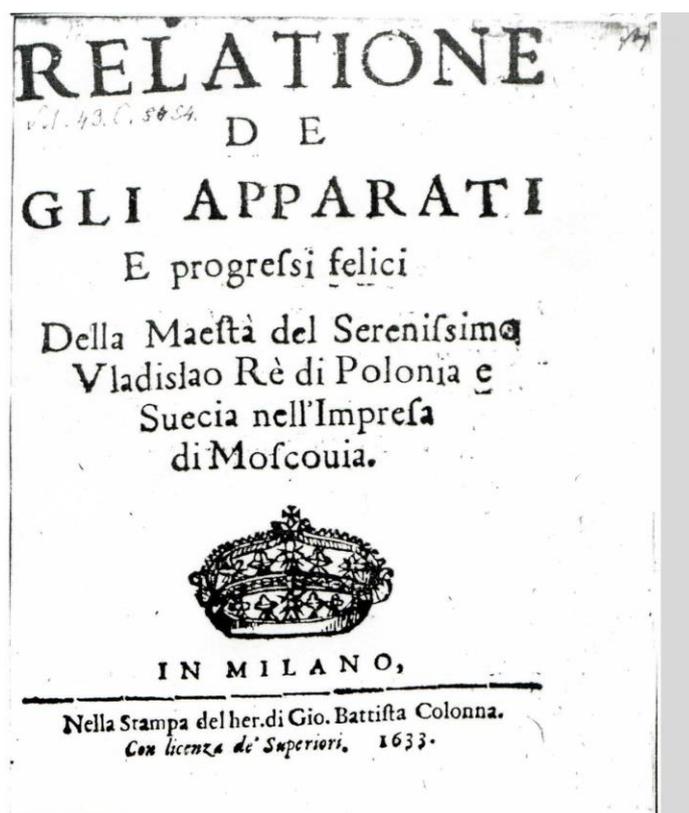
Спустя некоторое время из севской тюрьмы в Москву отправили черкашенина Мишку Михайлова, участвовавшего в волуйском бое. Он показал, что подвёл черкас под Волуйку русский человек Матюшка. В Севске Михайлов сидел с разбойником Микиткой, другом того самого Матюшки. Микитка хотел подать весть под Путивль Матюшке, чтобы тот с литовскими людьми пришёл

ему на выручку, а сам он в это время подожжёт город. Встревоженный такими вестями, государь велел допросить разбойника и его товарищей об измене, если потребуется, под пытками⁶⁹.

Военным отрядом, который разорил Волуйку, командовал полковник полтавских черкас Яков Острянин (Яцко Остряница). Вскоре после этой удачной военной операции черкасы избрали Острянина гетманом. В июне 1633 г. имя его встречалось среди командиров полков, осаждавших Путивль. В том же году, 20 июля, отряд Острянина, состоящий из 5000 черкас, неудачно пытался взять Белгород. Существенные потери заставили нападавших снять осаду и отступить. После поражений в Белгороде и затем в Курске Острянин упоминался в источниках уже как «отставленный гетман»⁷⁰.

Любопытно, что о разорении Волуйки стало известно и за границей. Известность этого приграничного города объясняется тем, что в нём проходили посольские переговоры и размен пленных. В Милане в 1633 г. напечатали брошюру «*Relatione de gli apparati E progressi felici Della Maesta del Serenissimo Vladislao Rei di Polonia e Suecia nell'Impresa di Moscouia*» («Реляция про подготовку войск и удачные военные подвиги его величества светлейшего Владислава, короля Польши и Швеции, во время московского похода»). В неё вошло письмо пана Чудинского к великому коронному гетману С. Конецпольскому, написанное 15 мая 1633 г. в Варшаве. В письме раскрываются истинные, грабительские мотивы нападения казаков на Волуйку: «В то время, как войско стояло в ожидании, что отдельные подразделения получают через свои курени приказ возвращаться назад, 3500 из них прошли враждебной территорией и напали со стороны Тартарии на какой-то городок под названием Волуика. Поскольку большой московский воевода разместил здесь много своих драгоценностей, то они, убедившись, что в этом городе нет полномочного представителя власти, и что в течение многих лет не знал он ни нападений, ни грабежей, ни войн, решили попытать счастья; и хотя был у этого города хороший гарнизон, однако значило это очень мало, ведь город был достоин того, чтобы его захватить, подпалить факелами и сжечь; для этого

понадобилось бы 6 тыс. воинов, вооруженных саблями. Далее был превращён в тюрьму дом, в котором находилась жена и дочь представителя власти, которых капитан, который командовал в этом наступлении казаками, в моем присутствии поручил гетману Войска Запорожского. Казаки выкопали здесь большую и глубокую яму. Нашли в ней 60 пушек, однако взяли из них лишь 10 потому, что все остальные были выведены из строя»⁷¹.

ria detta Voluiki, nella quale perche il Gran Duca di Moscouia haueua riposto molte sue cose di prego, persuaden-
dosi egli che per non essere stata detta Città ne offesa ne
scoperta da Nemici nelle guerre già di molti e molti an-
ni passate, fosse hora per fortire l'istessa buona forte, v'-
haueua con tutto ciò posto buon Presidio, mà poco valse,
perche valorosamente fù da essi presa, saccheggiata, &
arsa, e mandati in tal occasione à fil di spada 6. milla hu-
omini. Di più fù fatto prigione il Palatino con la Moglie
e figliuola, quali il Capitano, che comandò in quest'
Impresa à Cofacchi, in mia presenza consegnò al Signor
Generale de Saporoschi. Essi Cofacchi hanno fatto qui
vn grosso e ricco bottino. Sessantasei pezzi d'artiglieria
trouarono, mà di questi non hanno presi che dieci, & gli
altri tutti abbruscianti. E in vero poi degno di marau-
iglia le corrispondenze, che questo Signor Generale tie-
ne non solo per quello che si fa sotto Smolensco, & in Mo-
sca, mà anche per tutto il Paese. Da Mosca in partico-
lare viene al presente auuistato che Seimzgart, che com-
anda all'Arme di Smolensco habbia mandato à chiede-
re rinforzo di gente al Gran Duca per gli apparecchi
grandi militari de Signori Polacchi, e ch'esso Gran Du-
ca gli habbia risposto non poterglielo mandare, perche
intendendo, che i Cofacchi siano per mouersi contro il
suo stato, della gente, che hà dice tenerne bisogno esso.
Oltre di ciò le viene scritto, che hauendo il Gran Duca
interrogati certi Maghi del fine, che sia per hauere questa
guerra, quelli perche gli habbiano risposto, che sarà infelice,
lice,

Рис. 9. Листы Миланской брошюры, 1633 г.⁷²

Иностранные «журналисты» преувеличили численность черкас, напавших на город, и размер нанесённого ущерба. Через Константинополь и Венецию в Европе было получено известие, что 80 тысяч казаков и татар напали на русский город «Валуйки», находящийся на Чёрном море. Они разбили там 6 тысяч россиян, обратили город в пепел и разграбили все сокровища. Оставив «Валуйки», отряд по пути взял 3 монастыря и 60 пушек, 10 из которых были необъятной величины. Польский «генерал» якобы перехватил

письмо царя Михаила Федоровича к М.Б. Шеину, в котором государь описывал великую потерю «при Валуйках», сожалея о похищенных там сокровищах, состоявших из серебра, золота и других драгоценных вещей⁷³.

Об истинных целях нападения литовцев и черкас можно судить по варварскому разграблению Волуйского Пристанского монастыря. Старец Кирилл в челобитной о восстановлении монастыря писал: «В 141 (1633)-м г. как город Валуйку взяли литовские люди и черкасы, и в те поры государево богомолье монастырь разорили, церковь осквернили и престол порушили. А взяли литовские люди церковнаго строения, книг: устав, Евангелие на престольное, Евангелие толковое, апостол, два пролога, два октоя, два трефоля, две триоди, служебник, mineю общую, потребник, псалтырь, часовник, сосуды, кадило, паникадило, ризы, стихарь с поясом, патрахель, поручи, четыре колокола, весу в них — в двух колоколах 15 пудов, а в других в двух колоколах 10 пуд»⁷⁴.

В июне 1634 г. в Путивль от пана Вишеля прибыли послы с предложением об обмене пленников — там содержались жена самого капитана Вишеля и жена пана Сеножацкого. По указной грамоте из Разряда жену Сеножацкого предложили обменять на Ивана Колтовского с женой и детьми⁷⁵. Однако о дальнейшей судьбе пленённого воеводы ничего неизвестно. В 1644 г. очередным волуйским воеводой был назначен Перфирий Иванович Колтовский, но кем он приходился однофамильцу Ивану Степановичу, мы не знаем.

О численности населения города до и после разорения можно судить по записям в Разрядной книге. В 1630 г. в Волуйке с воеводой Н.А. Чоглоковым находилось 675 человек. В 1635 г.: «На Волуйке Исак Петров сын Байков, а с ним людей по осмотру Олексея Игнатьева мая в 12 день прошлого 141 (1633) году, которые остались после черкасского разоренья: станичных атаманов — 21 ч., ездоков — 100 ч., конных стрельцов — 94 ч., пеших стрельцов — 48 ч., полковых казаков — 200 ч., пушкарей — 48 ч., чернослободцов — 11 ч., монастырских крестьян — 10 ч., ямщиков — 14 ч., всего на Волуйке всяких

людей 566 человек»⁷⁶. Итого, служилое население города после разорения уменьшилось на 109 человек, то есть на 17%. С учётом жён, детей и родственников это число увеличивалось в несколько раз.

Вновь назначенный в Волуйку воевода Исак Петрович Байков (Бойков) 21 октября 142 (1633) г. принял город у стрелецкого головы Семёна Анненкова. Собрали оставшуюся после разорения артиллерию: пищаль медная девятипядная в колоде, тюфяк медный дробовой в станке, 10 горелых пищалей железных скорострельных, 5 затинных пищалей в станках (4 горелых, пятая «медью облилась»), 2 целых пищали полковых без станков, 2 ломанных полковых пищали, волконейка железная в станке, 25 ломаных затинных пищалей, 6940 пушечных ядер. Характерно большое количество плавленной меди, целых 12 слитков, образовавшихся в результате сильного пожара. В слиток металла превратился и вестовой колокол⁷⁷.

Вскоре Исак Байков отчитался перед государем, что заготовил дубовый лес. Он предлагал ставить новый острог «по старому городовому месту, что был рубленый город, две стены к тому ж острогу»⁷⁸. Волуйка до 1633 г. состояла из внутреннего «рубленого города» и внешнего острога. Таким образом, воевода предлагал вместо города и острога делать один большой острог. Он также проявлял обеспокоенность, что при нападении крепость надёжно защищать будет некому, так как волуйчан после разорения осталось мало, и нет пищалей.

О тяжёлых последствиях разорения писали государю сами волуйчане: «Во 141 (1633)-м году, как взяли черкаса Волуйку, город и острог выжгли, и многих, государь, нашу братию побили, и в полон поимали, и мы, холопи твои, после Волуйскова розорения асталыцы людишка ставили острог и башни на старом городищу с великою нуждаю, животиво мучили — лес на острожное дела возили на себе. А башни, государь, ставили свои избы липовые. И от тово, государь, городового дела наша братия многия люди с Волуйки розбрелися розно в твои государевы украинные города кормитца своею силою и работою. А мы, холопи и сироты твои, востольные людишка, от тово черкаскава

розорения и от остроженова и от башенова дела в конец погibli и стали пеши и безхлебнены»⁷⁹.

Немало людей с Волуйки ушло устраивать свою жизнь в другие города. Воевода И. Байков писал к воеводам в Белгород, Курск, Оскол, Елец и Воронеж, чтобы они выслали беглецов обратно⁸⁰. Исполнил запрос только воронежский воевода С. Козловский⁸¹. Из Оскола воевода Яков Хрущов прислал в Волуйку 50 руб. для оплаты работы наёмных плотников. Но плотников в городе не оказалось, острог и башни делали волуйские служилые и жилецкие люди своими силами. Деньги Исак Байков положил в городскую казну. Воевода жаловался государю, что из Крыма к нему прибывают послы и посланники, турецкие гонцы, а кормить их нечем: город по сути новый, на «всякие городовые поделки» денег в казне нет, кабак и таможня «на откупе», доходы не собираются. Воевода спрашивал у государя, как быть⁸²? Видимо, возможность освоить присланные из Оскола деньги не давала ему покоя, но эти 50 рублей Исак Байков потом все же отвёз в Москву⁸³.

Дела об измене и воровстве

Появление челобитных о возможной измене среди волуйчан, с одной стороны говорит о недремлющей бдительности, но с другой иногда напоминает времена поисков «врагов народа». Станичный атаман Васька Аркатов, который спустя два года сам будет обвинён в измене и осуждён, и ездок Стенька Корякин донесли на волуйских жильцов Федоску Козла и Меркушку Пригарина, монастырского крестьянина Прошку Овчинникова и соборного крестьянина Мишку Чепелева. 28 марта 141 (1633) г. на Посольском перевозе станичники наехали на сакму. Святогорские старцы сказали им, что через перевоз переправились черкасы, чтобы «воевать» украинские города. Станичники наняли Федоса с товарищами, чтобы они сообщили о сакме в Волуйку, но было уже слишком поздно. Впрочем, после проведения расследования всех подозреваемых в измене освободили. Служилые люди разных чинов, жильцы и монастырские крестьяне поручились, чтобы каждый

из отпущенных жил в городе и отмечался каждый день перед стрелецким головой или воеводой до государева указа. Если кто из них сбежит, то с поручителей возьмут пени, какую укажет государь. Небольшой конфуз вышел с попом Герасимом, которого записали в поручители без его согласия. Герасим в расспросе сказал: «Яз де по том Федоске Казле не ручался, дьечку Тимошки Путилину в поручную запись писать не веливал. А нописал де он мене в поручную запись по недружбе». Дьячок Тимошка Путилин, в свою очередь, оправдывался: «Писал де я в поручную запись попа Герасима по ево веленью»⁸⁴.

Поп Егорьевской церкви Ларион 17 июня 141 (1633) г. написал донос на станичного ездока Прохора Чоботова, будто бы черкасы взяли Волуйку по его «подводу», и под село Голубино в Оскольском уезде подводил черкас он же, Прохор. Обвинение не подтвердилось, но подозрения остались. Весной 1635 г. воевода И. Байков послал в поход за татарами своего сына Фёдора со станичниками, Чоботова же в это время в городе не оказалось. «Не к татарам ли он побежал с вестями?» — подумал воевода. Между тем, вернувшийся в Волуйку Прохор начал «круги заводить по донскому», то есть подстрекать к вольной жизни, и собирался снова куда-то бежать. Воевода посадил его в тюрьму. Недолго думая, Прохор стал кричать из узилища, что у него есть «государево дело». Воевода на всякий случай отправил Чоботова в Москву. В Разряде выяснили, что дела никакого у станичника нет, выдумал по хитрости, чтобы выйти из тюрьмы. По указу за этот обман Прохора выпороли, как следует, и отправили домой служить станичным ездоком по-прежнему⁸⁵.

После ухода черкас из крепости пришло время мародеров. Грабителей привлекал в первую очередь оставшийся без присмотра домашний скот. Волуйские «бедные и разоренные» служилые и жилецкие люди жаловались государю о краже 50 коров жителями Белгородского уезда. Волуйчане просили дать им сыскную грамоту для поездки в Белгород. Когда из Оскола воевода Яков Хрущов прислал станицу Игната Сизова и Нестера Шацкого «проведывать, коким обычаем над Волуйкою грех учинился», то станичники

побывали на пожарище и угнали заодно с собой 200 коров. Оскольский воевода пожалел пострадавших соседей и отписал, чтобы они ехали в Оскол для поиска своей собственности. От города послали Павла Ишутина, Тихона Монакова, Семена Жирова с товарищами. Однако Хрущов тем временем передумал, в сыске им отказал и коров не отдал. На обратной дороге Павел Ишутин с товарищами угодили в плен к татарам — вот уж не заладилось, так не заладилось. Волуйчане вновь обратились к государю с просьбой дать им грамоту в Оскол и поставить воров в Москве с ними «с очей на очи, что оне тое животину ели, а иную по городом распрадали»⁸⁶. Государь послал грамоту воеводе Я.Л. Хрущову с приказом скотину в уезде найти и отдать волуйчанам, а оскольских станичников Сизого, Шатцкого с товарищами за воровство бить кнутом, чтоб иным так было неповадно. Такую же грамоту послал в Белгород.

Впрочем, не только жители соседних городов поживились на пожарище. Видимо, черкасы нашли и унесли не все ценности, так как волуйские жильцы Ефрем Курганской и Яков Свидовской «с товарищами» были уличены в том, что брали на воеводском дворе деньги⁸⁷. До разорения в казенном амбаре лежало 270 пудов государевой соли. После пожарища соль развозили служилые люди, проще говоря, украли. Животные, хлеб, сено, оставшиеся от погибших и умерших людей, оказались также легкой добычей для мородёров из своего же города. В конце декабря 1633 г. по государеву указу в Волуйке велено было провести расследование про «соль-бузун» и «отморочныя животы». Допросили стрельцов, казаков, ямщиков, станичных атаманов и ездоков. Многие из казаков сами признались в воровстве. Большинство из них взяли не больше шапки соли, несколько человек похитили около пуда. Брали соль они из-за бедности, как потом объясняли, кто-то, опомнившись, поспешил вскоре вернуть присвоенное обратно. Нескольких воров выдали свои же товарищи. В основном же опрошенные люди отвечали, что ничего не ведают и не знают, кто брал соль. На самом деле они ничего не знали или не хотели выдавать своих сослуживцев? В результате следствия выявили не всех воров. Убоявшись наказания и раскаявшись в преступлении, 38 казаков добровольно подали челобитную и просили провести по ним отдельное расследование. Государь

указал воеводе И. Байкову украденную соль у всех воров изъять и вернуть обратно в амбар, а волуйчан, которые крали соль и грабили своих товарищей, наказать — бить кнутом, иных же батогами, «смотря по вине и по человеку». Потом их следовало отдать на крепкие поруки. В заключение государь добавил, чтобы воевода напрасно никого не наказывал⁸⁸.

«Чистка» среди волуйчан продолжалась. В начале марта 1634 г. волуйский станичный атаман Сафон Бобырев, ездоки Помин Дроздов, Щербак Исаев, Макар Худяков «били челом» на Евсея Рябинина⁸⁹. Числился Евсей в станичных атаманах 10 лет, но государевой станичной службы не служивал — ездоки в станицы отправлялись без него. Вместо этого Евсей ездил на запольные речки Донец и Айдар к воровским людям с «заповедными» (запрещенными к продаже) товарами — мёдом, вином, порохом, селитрой и свинцом, воском и салом. У разбойников, которые разбили Савинский монастырь, Евсей покупал «разбойничью казну» — оклады с икон, монастырское имущество. Затем этих разбойников поймали и посадили в Ливнах в тюрьму. Не пожелали станичники дальше жить и служить вместе с вором или просто испугались, что задержанные расскажут про Рябинина и откроется их долгое молчание и покровительство.

По всей видимости, Евсея от службы отстранили. Через год на отставленного атамана донёс казённый целовальник Позняк Сурин. Он обвинял его в торговле на Донце вином. При свидетелях в съезжей избе бывшего атамана допросили, Рябинин отпирался и утверждал, что торгует вином на Донце Щербак Колчов, которого посылает стрелецкий голова Василий Каменев⁹⁰. Между тем, людям из городов без государева указа и без проезжих грамот запрещалось ездить на Поле, тем более, с запрещёнными товарами. Воеводы строго следили за передвижением людей по приграничным территориям. Так, в январе 1636 г. волуйский воевода Андрей Лазарев доносил государю, что без проезжей грамоты на Донские Удары ходили с Волуйки торговать мёдом и вином пушкарь Иван Торопов и станичный атаман Аникей Некрылов. Воевода смелых предпринимателей пожурил и отдал на поруки. Как оказалось, это были не единственные в городе деловые люди. Торговцы с товарами успели съехать из города до прибытия нового воеводы⁹¹.

Поездки волуйчан в Литву

Тяжко было осознавать и мириться, когда жена и дети находились в литовском плену. В начале ноября 1633 г. вдовый поп Пятницкой церкви Микула подговорил к самовольному походу на сопредельную территорию 90 служилых и гулящих волуйчан. Вернувшийся 26 ноября в Волуйку вож Ларька Чоботов рассказал, что вместе с белгородцами и осколянами они совершили набег на литовские городки под Полтавой. Черкасы взяли в плен и побили 10 волуйчан, участвовавших в этом рейде⁹².

Самовольные отъезды из города запрещались, поэтому жители обратились с просьбой к царю дать им грамоту с разрешением для поиска своих родителей, жён и детей, братьев и племянников. В сентябре 1634 г. воевода получил такую бумагу, по которой волуйчанам разрешалось ездить в литовскую землю для розыска родственников. При этом велено брать с них «поручные записи»⁹³.

Тогда же, в сентябре, воевода отправил стрельцов и казаков провожать до Белгорода государеву денежную казну. Из Белгорода стрельцы и казаки Микулка Жиров, Федька Блинов с товарищами самовольно уехали в Литву. Воевода поспешил доложить о своих подозрениях: «А тово я, холоп твой, не ведою, изменили тебе, государю, или для какова своево дела поехоли»⁹⁴.

В начале октября 1634 г. Жиров с товарищами возвратились домой. Они рассказали, что были в литовских городах «Платаве» (Полтава) и «Сарокине» (Сорочин) для поиска волуйского полона, привезли с собой «литовский лист», который перевести в городе никто не смог. Глядя на Микулку, следом поехали в Литву более 50 волуйчан. Встревоженный продолжающимися отъездами людей И. Байков сообщал государю: «И мне бы, холопу твоему, в том их воровстве, что они ездет в Литву бес твоево государева указа, от тебя, государя царя..., в опале не быть»⁹⁵. Государь вновь отписал и повторил воеводе, чтобы он отпускал волуйчан по их челобитным в литовские города для сыска и выкупа своих жён и детей. Тех же, кто самовольно станет ходить в Литву, велено бить кнутом⁹⁶.

В конце ноября вернулся из Литвы волуйский полковой казак Афанасий Сазонов и привез с собой еще один «литовский лист», который воевода отослал в Москву. Перевод его при оригинале среди архивных документов отсутствует, из чего можно заключить, что письмо не смогли разобрать ни в Волуйке, ни московские подьячие. Почерк, которым написан документ, слегка размытый, буквы читаются с трудом, край листа оборван. Похоже, что это украинская или белорусская скоропись. Первая строка текста на листе: «ѣа Микулка Офанасович москаль з Волуики ...». Значит, этот лист имеет отношение к Микулке Афанасьеву сыну Жирову? Возможно, возвращающиеся в разное время из Литвы казаки хитрили и ссылались на один и тот же непонятный документ, будто бы объясняющий причины их самовольной отлучки. Примерный смысл текста — некая расписка, купчая, в том, что Микулке кто-то кого-то отдал. Это своего рода подтверждение, что он нашёл кого-то из своих родственников, например, внука, «унучок ... у козака Воска». Хотя, выкупил ли он его или нет, из документа неясно. Есть даже какое-то требование сыскать деньги...

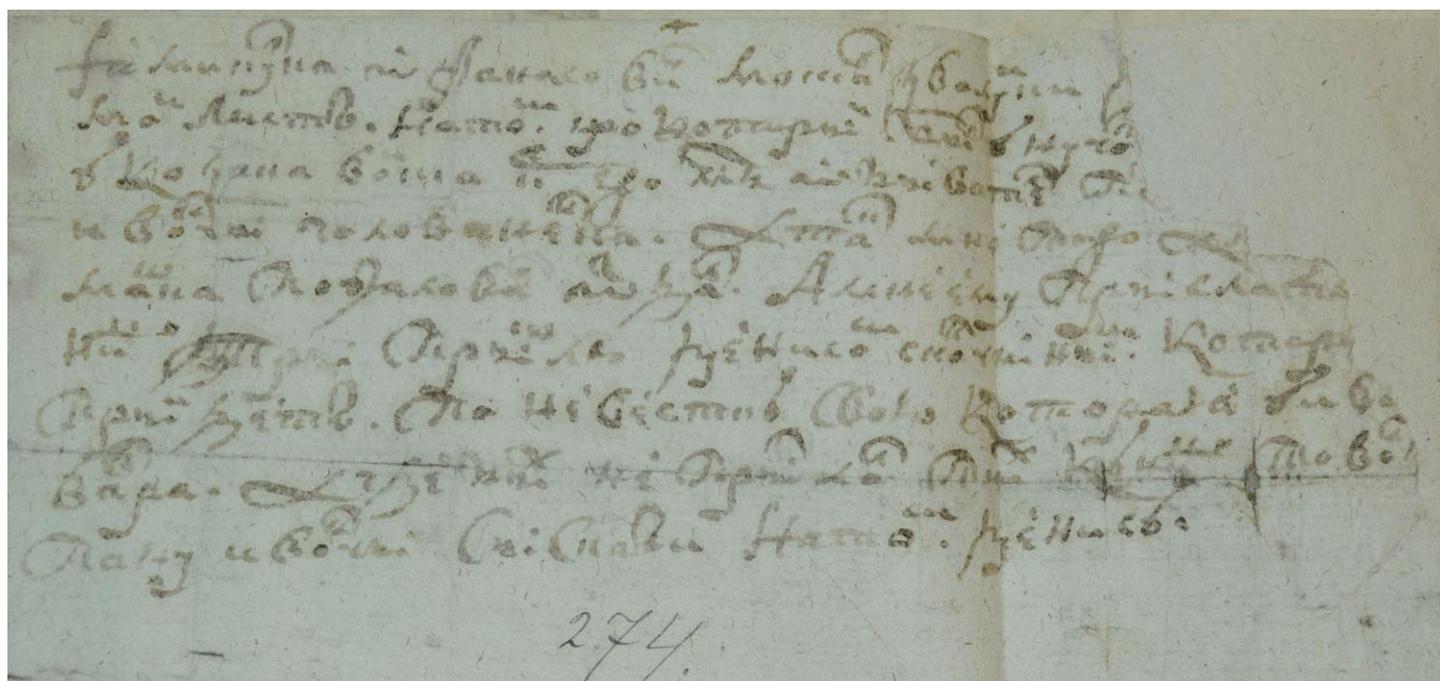

Рис. 10. "Литовский лист", 1634 г.⁹⁷

Среди грамот, хранившихся в 1635 г. в волуйской съезжей избе, по этому делу были следующие документы: «Грамота за приписью дьека Михаила Донилова, что велена отпускать волуйских всяких служивых и жилецких людей для сыску жон их и детей в Литовскую землю; Грамота за приписью дьека Григорья Лорионова а Микулки Жирове с товарищи, что ездили без государева указу самовольством в Литву, и их за то велена бить кнутом, и они кнутом не биты за то, что на Волуйки полоча нет»⁹⁸. Видимо, Микулка Жиров и его товарищи счастливо избежали наказания.

Большой печалью наполнена челобитная станичного ездока Акима Григорьева сына Дехтева. В ней говорится, что при взятии Волуйки в 1633 г. литовские люди увели в полон его детишек. В том же году воевода Путивля Фёдор Матвеевич Бутурлин посылал на литовские города московских дворян, которые взяли Миргород и отбили 30 пленников. Волуйчан отпустили домой, но Акимову «дочеришку, девку Овдотьицу» московский дворянин Алексей Данилович Павлов увёз к себе в село Каполово Каширского уезда. Станичный ездок Дехтев просил милосердного государя, чтобы он приказал Павлову вернуть его любимую дочь⁹⁹.

Татарские и литовские вести

Не успели волуйчане оправиться от последствий черкасского разорения, как под городом появились крымчаки. 16 октября 142 (1633) г. от речки Ураевой с Изрога пришли около 70 татар. Воевода И. Байков посылал на вылазку своего сына Фёдора с казачьим головой Семеном Аненковым и волуйскими служилыми людьми. С татарами произошёл бой, «топтали» их до речки до Ураевой семь вёрст. На следующий день Проломным буераком вновь пришли под Волуйку больше 100 татар. И опять воевода посылал на бой своего сына, с головой и служилыми людьми. Русские ратники бились и преследовали татар до надолбов за буераком, вёрст пять¹⁰⁰. В своем донесении воевода не упустил возможности замолвить словечко государю о заслугах сына, и не напрасно. 20 февраля 142 (1634) г. в Москве Фёдор Байков получил жалование.

«А пожаловал Государь его за то, что прислал его к Государю к Москве с Волуйки отец его, Исак, что он на прежней Волуйской городской осыпи острог поставил и совсем укрепил Волуйскими людьми без прибыльных людей, и за его Федорову службу, и за то, что он с Волуйки с ратными людьми послан за Тотары и Тотар побил»¹⁰¹. В Москве вручили Фёдору два «киндячных» разноцветных знамени, которые 11 марта он доставил в город и передал отцу¹⁰². Пройдет 12 лет, Фёдор Исакович Байков станет очередным воеводой в Волуйке и по воле случая ему тоже придется принимать участие в восстановлении уничтоженного пожаром города.

Татары доставляли жителям крепости немало хлопот. Исак Байков в отписке сообщал, что присланных в 142 (1633–1634) г. 52 пудов ручного и пушечного пороха не хватает. «А под Волуйской город татарские приходы живут частые зимою и летам, и бои, государь, с ними живут безпристани»¹⁰³. Воевода просил также государя о замене колокола — вестовой колокол мал, весит 6 пудов, не звучен, в татарские приходы на полях его не слышно. До волуйского же разорения колокол весил 20 пудов.

В апреле 1634 г. вновь возникла опасность нападения литовцев. Белгородский воевода сообщал волуйскому, что вскоре следует ожидать прихода «многих литовских людей» под Белгород, Волуйку и Оскол. Байков тревожился и писал в Москву, что пищалей у служилых людей мало, да и те «худые», сидеть в осаде ему не с чем¹⁰⁴.

Чаще всего волуйчанам приходилось биться с небольшими отрядами татар непосредственно на подступах к городу. Но иногда служилые и жилецкие люди собирались большими силами и ходили в походы за несколько десятков вёрст. 6 августа 142 (1634) г. к урочищу за реку Оскол до речки Нежеголи отправилась станица атамана Федоса Корякина. 9 августа станичники возвратились обратно в Волуйку и сообщили, что из Руси Изюмской сакмой идёт много татар. Воевода Исак Байков послал в поход своего сына Фёдора, а с ним 150 станичных атаманов и ездоков, пушкарей, затинщиков и гулящих людей, 45 стрельцов и казаков. Когда татары шли на Русь, они переправлялись

через реку Оскол в устье речки Ольшаницы. В это место и устремились русские ратники. 12 августа ничего не подозревающие татары вернулись к реке Осколу и начали переправу. По всей видимости, русские поджидали татар в засаде и напали неожиданно. На перевозе произошёл бой, многих татар побили. Воевода послал своего сына Фёдора в Москву с докладом, послужным списком участников боя и списком отбитого полона. Состав полона показывает, где промышляли татары: дети боярские, их жёны и дети из Оскола, Курска, Орла, севский стрелец, крестьяне из сёл Комарицкой волости, Мценского и Новосильского уездов, всего 27 человек¹⁰⁵.

13 сентября 143 (1634) г. вышла в Волуйку из татарского полона жена курского сына боярского Василия Бошкатова Варвара. Она рассказала, что захватили её и несколько человек в Курском уезде на речке Рати. Татары отвели пленников в степь и поставили кош, сами же воротились обратно на Русь. По этому известию воевода Исак Байков послал в поход голову Василия Каменева со стрельцами и казаками. 17 сентября на Кальмиусской сакме, на речке Лозовой, притоке Айдара, в 50 верстах от города с татарами произошёл бой. Волуйчане их разбили и «отгромили» курских пленников. В списке ратников, которые «на том бою государю служили и бились явственна» записаны: голова Василий Каменев убил трёх татар, полковой казак Савва Мануйлов убил одного татарина, полковой казак Алешка Сокольников, белгородский сын боярский Пётр Савостьянов. В отбитом курском полоне (21 человек) были монастырские крестьяне, жёны детей боярских и их дворовые люди¹⁰⁶.

Заслуживает внимания трогательная история о переходе в июне 1634 г. на русскую сторону во время посольского размена необычного переезчика. Им оказался крымский татарин Байбулатка Муртазы-мурзы сын. При расспросе он поведал, что родился в Крыму от русской матери, каширянки, которая прежде была женой сына боярского. Весной Байбулатка тайком от своего отца пошёл с дядей на размен пленных в Волуйку. Во время размена татарченок скрытно от послов переехал «на государево имя». Байбулатка объяснил, что он наполовину

русский, поэтому хочет креститься в православную христианскую веру и пришёл не с пустыми руками. Перебежчик поведал важные военные сведения о планах татар и турок. Весной перед Великим днём (Пасхой) прислал польский и литовский король крымскому царю казну, чтобы он шёл помогать воевать с русскими. Крымский же царь людей ему не дал, а казну отослал турецкому султану. Крымский царь сидит в Крыму и ожидает вести, куда укажет ему идти султан. Байбулатка слышал, что в планах турок идти летом войной против литовского короля. Сами же татары летом войной на украинные города не собираются потому, что в Крыму третий год хлебный неурожай, большой конский падёж, крымские люди с голода разошлись по иным землям¹⁰⁷.

Конфликты воеводы И. Байкова со служилыми людьми

Воеводы редко находили общий язык с жителями вверенных им городов. В конце 1634 г. воевода И. Байков отправил царю эмоциональную челобитную о неповиновении ему волуйских стрельцов и казаков. 11 и 23 июня приходили под Белгород и в уезд черкасы, Байков посылал на помощь белгородцам своего сына Федора со станичными атаманами и ездоками, но стрельцы и казаки отказались идти в поход. Этот случай невыполнения обязанностей служилыми людьми был не единственным. Воевода далее продолжал жаловаться в письме, что стрельцы и казаки в указных местах на сторожах не стоят, а караулят свои гумна. В городе они обламывают и катков не делают, тарасы в остроге «не тынят», окола рва чеснок не ставят, башен не кроют, тайника и тайникового колодезя не чистят, новый колодец в городе они забросали щепами и навозом. Между тем, свои дворы в остроге стрельцы и казаки огородили толстыми дубовыми плахами, дворы покрыли соломой. На пашни, сенокосы, охоту и по ягоду в степь волуйчане ездят со своими жёнами и детьми, по одному и по два человека, в то время, когда татары часто приходят под город. Тех, кого воевода посылает по государеву указу на работу, бьют и называют «шилниками» — мошенниками, плутами. Воевода добавил, что стрельцы и казаки надеются на безнаказанность, как и за прежнее своё воровство: когда черкасы брали город,

они сбили замки, переломали железные веретена у ворот, покинули воеводу Ивана Колтовского и побежали из города с жёнами и детьми. Припомнил И. Байков также самовольные поездки в Литву служилых людей и краденую соль. В заключение челобитной воевода расписывался в полной беспомощности: «И за то, государь, на мене, холопа твоево, умышляют всем городом всяким воровским умышленьям и ложном челобитьем тебе, государю, и не слушают меня, холопа твоего, ни в чем»¹⁰⁸.

Волуйские атаманы, ездоки, стрельцы, казаки, пушкари, затинщики и ямщики, в свою очередь, не стали молчать и донесли государю о злоупотреблениях Исака Байкова. Ездили они в Литву высвободить своих жён и детей из плена, но по возвращении домой воевода сажал их в тюрьму и намеревался бить кнутом. Когда некоторые волуйчане не смогли отыскать своих детей и поэтому выкупали других русских пленников, то воевода силой отбирал этих пленников и сгонял к себе во двор. Люди припомнили и корысть воеводы, который поживился при сборе горелой соли и животных от погибших людей. Государь однозначно встал на сторону челобитчиков и послал в апреле 1635 г. воеводе Байкову указ: «И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б вперед волуйским всяким служилым и жилецким людем продаж и никаких насильств не делал. Да и ото всяких бы еси от сторонних людей волуйских всяких служилых и жилецких людей оберегал, чтоб волуйским всяким служилым и жилецким людем ништо никакова никому насильства и продаж и обид никому не чинил»¹⁰⁹.

На пленников, которых выкупили и привезли с собой волуйчане из Литвы, обратили внимание в Полоняничном приказе. Там прознали, что у головы Василия Каменева находятся литовские люди — Малов и девка. Девку он тайно держит дома, а Малова услал неведома куда. Из Разряда прислали грамоту голове и велели отпустить на волю полоняников¹¹⁰.

Власть воеводы в городе ограничивалась стрелецким и казачьим головой, который подчинялся Стрелецкому приказу. Соперничество воеводы и головы, с одной стороны, ограничивало их произвол, а с другой нарушало единство

командования и подрывало дисциплину среди служилых людей. У воеводы Исака Байкова с головой Василием Каменевым отношения не сложились, разразилась, можно сказать, открытая вражда. Поведение Каменева означало нечто большее, чем нередкое в украинских городах разногласие стрелецких и казачьих голов с воеводами. Дисциплина в гарнизоне была деморализована, власть воеводы ослабла. Для восстановления единоначалия воевода обратился за помощью в Разряд. Из Москвы в Волуйку в июле 1635 г. пришла царская грамота голове Василию Каменеву, служилым и жилецким людям. На этот раз государь встал на сторону воеводы и обвинил волуйчан в ослушании. Василию Каменеву велено впредь «не плутать», воеводам в города без ведома Исака не писать, в походы за воинскими людьми самовольно не ходить, с воеводой не ссориться и «кругов воровских» не заводить. А волуйчанам указано воеводу слушаться во всех государевых делах, крепости делать, в приход воинских людей сидеть в остроге, в лес самовольно не ездить. «А будет вперед какое воровство и непослушанье в нашем деле объявитца, или будет вашим воровством и непослушанье какова городу и острогу поруха учинитца, и вам от нас быти в великой опале и в большом наказанье безо всякие пощады»¹¹¹.

Между тем, оскольский воевода К. Пуцин по указанию из Москвы организовал нападение на стоянку татар, но воевода И. Байков его не поддержал. Однако, В. Каменев по собственному почину с сотней волуйчан примкнул к походу жителей Оскола. 7 июня ратные люди отыскали на реке Калитве один из татарских кошей, разбили, взяли языков и освободили полон. Состав полона: 6 волуйчан, 10 осколян, 4 ельчанина, 2 ливенца, 1 воронежец, 3 белгородца. В своей отписке Байков сообщал в Разряд, что служилые люди Василия Каменева «учинили себе воеводою». Голова говорил будто бы служилым людям: «Побежим де по лесам, не усидеть де нам от Крымского (царя); Семен де Аненков, покинув город, побежал с служивыми людьми, и за то де ему ничего не зделали»¹¹². Этот прорыв людей из пылающей в огне крепости Исака Байков неоднократно пытался представить как предательское бегство.

Недружеские отношения сложились у Байкова с оскольским воеводой Константином Пущиным и его сыном Матвеем. 12 июня 7143 (1635) г. Исак послал в Москву татарского «языка» с конным стрельцом Гаврилой Чернеевым. Матвей Пушин на дороге стрельца с «языком» задержал, отнял отписку и прочитал. 13 июня вышел из полона станичный атаман Сидор Донецкой, воевода с вестями отправил его в Москву. Матвей Пушин схватил атамана, связал и доставил в Оскол. Байков жаловался государю на бесчинства воеводы Пушина, который держит в Осколе волуйских гонцов и проверяет все его отписки, так что посылать срочные вести в Москву он теперь не может¹¹³.

Надо сказать, что стрелецкий и казачий голова Василий Терентьев сын Каменев благополучно пережил противостояние с воеводой Байковым и оставался головой при следующих воеводах А. Лазареве и М. Квашнине. Мелентий Квашнин в марте 1639 г. посылал в поход против татар конных стрельцов и казаков с головой В. Каменевым. В тот раз отказались идти в поход несколько станичных атаманов и ездоков, за что, согласно полученной из Разряда грамоте, воеводе было велено выбрать трёх человек из ослушников и перед съезжей избой при народе бить нещадно батогами¹¹⁴.

Предательство станичников

В самом конце воеводства Исака Байкова произошли события, в результате которых в татарском плену оказалось немало волуйчан. 13 августа 143 (1635) г. за реку Оскол до речки Нежеголи, на Изюмскую и Савинскую сакмы, отправилась станица атамана Василия Аркатова (Оркатова) в составе 4 человек. 16 августа в Волуйку вернулись пешими ездоки этой станицы Родион Стрельцов и Евсик Дневской. Они поведали, что за Осколом, в липяге (небольшом лесу), атаман и ездок Григорий Татаринов взяли у них коней и поехали к урочищу на Нежеголь, а потом на станичников напали татары, Василия и Григория взяли в плен. Через несколько дней, 22 августа, на пашни в Княжем лугу, в 15 верстах от города, татары захватили станичных ездоков Евсея Дневского, Владимира Милохина, Якова Копенкина, пушкаря Матюшу

Ротова, их жён, детей и племянников, всего 15 человек, а неслужилого человека Афанасия Стрельцова убили. За татарами в поход воевода послал стрелецкого и казачьего голову Василия Каменева с приказом. Не найдя до ночи татар, ратники вернулись обратно в город. 26 августа в Волуйку пришёл из татарского полона осколянин сын боярский Иван Беляев, который видел у верха Волуйского леса в татарском стане станичного атамана Аркатова и ездока Татарина. По его словам, именно Васька и Гришка «водили» татар в Оскольский уезд и под Волуйку в Княжий луг. Вернувшись в кош с полонем, татары отпустили на волю станичников, Гришке дали в награду пищаль, а Ваське топор.

1 сентября с Кальмиусской сакмы вновь приходили татары на пашни в Княжем лугу и на речку Мосея. На этот раз они взяли в плен ездока Прохора Чоботова, Алешу Беликова, казаков Ерофея Дементьева, Архипа Безготкова, Филата Скворцова, их жён и детей, всего 16 человек. В тот же день за татарами был послан голова В. Каменев с приказом, но дойдя до Мосеевского устья, служилые люди воротились назад. Тогда же от выходца (бежавшего из плена) Ломаки Некрылова стало известно, что 50 татар с волуйским полонем ночевали на речке Ураевой, то есть Каменев искал татар не в тех местах. 2 сентября в город прибежал перепуганный затинщик Иван Михеев. Он работал на своей пашне, на реке Ураевой, глядь — по Осколу в лодке плывёт вниз по течению Васька Аркатов. Выскочив на берег, Васька отнял у затинщика «дорожку» — приспособление для ловли рыбы, топор и весло, а самого Ивашку намеревался убить из пищали. Узнав местонахождение изменника, воевода И. Байков послал за ним атамана Софона Бобырева с ездоками. 9 сентября станичники привели в город схваченных беглецов — Василия Аркатова и Григория Татарина. На допросе Аркатов признался, что трижды подводил татар под Волуйку. После этого ему ничего не оставалось, как скрываться и бежать из города. Помог Василию в побеге его брат Артюшка, дал пищаль и запасы в дорогу. Воевода посадил обоих предателей и Артюшку в тюрьму до решения государя. 7 ноября в Волуйку была направлена царская грамота, в которой указано при народе

объявить изменникам их вину: как послали их в станицу к речке Нежеголи, как подводили они татар в Оскольский уезд и под Волуйку, как по их «подводу» татары взяли много людей в полон. Было определено и наказание: бить кнутом, а затем положить на плаху, но головы не рубить, поднять станичников с плахи и сказать, что великий государь по упрощению своих детей, благоверных царевичей и князей Алексея Михайловича и Ивана Михайловича, пожаловал Ваську Аркатова и Гришку Татарина, казнить не велел. Волуйчанам же велено объявить: «А будет хто учнет так вперед воровать, и татар наводить, и им быть казненным смертью безо всякие пощады». Артюшку Аркатова били батогами, «чтоб на то смотря иным неповадно было воровать — воров на низ отпускать и запасы давать». После наказания ему разрешили жить в Волуйке по-прежнему. Ваську Аркатова и Гришку Татарина с женами и детьми велено с приставом прислать в Москву, в Разряд к думным дьякам. Дорогой их следовало вести, сковав или связав, «чтоб они з дороги не ушли и дурна над собою какова не учинили»¹¹⁵.

О дальнейшей судьбе участников описываемых событий почти ничего неизвестно. Василия Аркатова и Григория Татарина из Москвы, вероятно, отправили в ссылку в Сибирь. Из людей, попавших в татарский плен по измене станичников, в списках последующих лет почти никто не встречается. Заметим, что явно не сложилась жизнь у оказавшегося среди них Прохора Чоботова. Как мы помним, в станичных ездоках он служил с первого набора 1625 года, в 1633 г. Прохора судили по обвинению в измене, спустя два года за вольнодумство и обман отправили в Москву и наказали. А всего через месяц после возвращения домой он угодил к татарам.

Острог после разорения

В октябре 1635 г. в Волуйку пришла грамота о перемене воеводы: на место И.П. Байкова на службу заступал Андрей Тимофеевич Лазарев. Исаку приказано было передать новому воеводе город и острог, ключи городовые и острожные, наряд, порох, свинец в казне, пушечные запасы, собранные деньги

в кабаке и на таможене, хлебные запасы в житницах, указные грамоты, списки голов и сотников, служилых и жилецких людей. «Росписався» же во всём с Лазаревым, ехать в Москву и явиться в Разряд¹¹⁶. Надо сказать, что воевода Байков самостоятельно ехать в Москву явно опасался и попросил государя дать ему провожатых по городам, чтобы «на степи не погинуть». Кого он боялся больше — татар, разбойников или недовольных волуйчан, которых в городе осталось немало? Государь распорядился, чтобы воеводы и приказные люди в городах по пути следования от города к городу давали Исаку Байкову охрану¹¹⁷.

Из отписки воеводы А. Лазарева о приёме Волуйки узнаём некоторые подробности о восстановленной крепости. 8 декабря 142 (1633) г. был поставлен острог на старом городище, «по городской осыпи». Новый острог представлял собой однорядную стену из плотно вкопанных трёхсаженных дубовых бревен. Три стены имели длину по 100 сажень (216 м), четвертая, вдоль реки, 129 сажень (279 м). По острогу стояли 8 башен: 4 по углам и 4 на пряслах (стенах). Ворота были в башне с Московской дороги и в башне к реке Волую. От Водяных ворот к Ямской слободе отходил тын, этот участок уцелел от стены старого острога. Для острожного дела вывезли 930 дубовых брёвен и сложили в «стопы» за острогом. В новой крепости осталось много недоделок: башни не покрыли, не сделали обламы, кровати, тарасы, не положили котки, не вычистили ров и около рва не поставили частичк. Острог в скором времени «пошетался», так как ставили его в зимнюю пору. Воевода по этому поводу обвинял волуйчан в воровстве и непослушании. Старый наряд частично восстановили: 10 железных пищалей и 24 затинных положили в станки с колёсами, сделали курки. Для укрепления боеспособности крепости из Москвы прислали 3 медных пищали со 100 ядрами к каждой. Артиллерию расставили по башням, например, в наугольной башне напротив Егорьевской церкви установили полковую железную пищаль в станке с колёсами (ядра весом по 1 гривенке), в верхнем бое — медную пищаль (ядра по 3 гривенки), 3 затинных

пищали. В той же башне повесили вестовой колокол, весом 6 пудов 16 гривенок (107 кг).

Внутри острога стояла Соборная церковь «Стретения Пречистыя Богородицы иконы Владимирской», в ней находились иконы Деисуса и Пречистой Богородицы Напрестольной. Образ Владимирской Богородицы весь был обложен серебром, оклад позолочен. Напротив левого крыла между царских и северных дверей висела икона Пречистой Богородицы Одегидреи. Вторая церковь в остроге называлась во имя Николая Чудотворца. На его территории было много строений: казенный погреб для хранения пороха и свинца, две житницы хлебных запасов, съезжая изба (в избе висела икона «Воскресение Христово»), воеводский двор, двор стрелецкого головы, двор Пристанского монастыря, 4 двора попов, 522 двора служилых людей, 12 торговых лавок, сторожня (тюрьма), колодец с ключевой водой. Рядом с острогом поселился казачий пятидесятник Алешка Сокольников со своими людьми, причем самовольно. Ниже по реке находились Ямская и Чёрная слободы. С 9 мая 7141 (1633) г. возобновила работу общественная баня, которую на год взял «на откуп» конный стрелец Мосейка Жерноклезов. За аренду он заплатил 1,5 руб., 4,5 руб. записали в долг¹¹⁸. Место расположения бани определялось близостью реки и удобством для посетителей. Очевидно, она находилась сразу за острожными Банными воротами, на берегу. С годами менялась плата за аренду и имена арендаторов. В 1630 г. баню отдали на год за 12 руб. пушкарю Беляйку Кровопуску. В 1639 г. баня была «на откупе» за 10 руб. у пушкаря И. Бешкеретова. Вскоре затем бани развалились и с 1640 г. стояли «порозжие»¹¹⁹.

Воеводы обязаны были следить за состоянием крепостных сооружений и своевременно их ремонтировать, чтобы в приход воинских людей «быти безстрашно и надежно». О ветхом состоянии волуйского острога 13 августа 148 (1640) г. доносил в Разряд воевода Фёдор Иванович Голенищев-Кутузов: «... городовые башни от земли и на башнях верхние мосты, на чом стоит наряд, и острог от земли подгнили, а тарасов и обламов по острогу не зделано, и колья и

каменья не покладено, и в приход воинских людей из наряду стрелять з башен нельзе, и около острогу ров во многих местех осыпался, и через ров на лошади переехать мочно»¹²⁰. В феврале 1641 г. воевода получил из Разряда грамоту, по которой ему следовало деревянные и земляные работы росписать на служилых и жилецких людей на всех поровну, и чтобы никто «в вызбылых» не был. По зимнему пути велено вывезти лес, а все работы завершить до пашенной поры. В отписке воевода сообщал: «И на Волуйке, государь, города рубленова нет, адин острог. И как, государь, в 141 (1633)-м году черкасы Волуйку взяли, и в те, государь, поры на Волуйке черкасы город и острог сожгли. И по тому, государь, городовому месту от реки Волюя, а по другую сторону от Егорьевской слободки, поставлен острог. Мерю того острогу сто шесть¹²¹ сажень. Да того ж, государь, городского места в остроге сто дватцать четыря¹²² сажени. А городу и острогу по тому городовому месту нет, адин старой ров»¹²³.

Работы по строительству крепостей всегда были в тягость для служилых людей, так как выполняли они их помимо несения основной службы. Бедные и разорённые люди просили милосердного государя пожаловать их: «И нас, холопей и сирот твоих, всяких волуйских и жилецких людей города делать и острожены и башни делать и ров чистить мочи нашей столька не будет. Одним нам, холопом и сиротам твоим, токова великого городского и остроженова не зделать. А ездов, государь, на Волуйки сел и деревень нет, лесу возить нам, холопом и сиротам твоим, не но чом, мочи нашей нет, стали пеши от воинских людей и голодни. Хлеб, государь, покупаем на Волуйки мы, холопи твои, дорогою ценою: ржи чети по три рубли, авса чети по два рубля»¹²⁴. Служилые и жилецкие люди отказывались от работ, предупреждая, что от тяжёлого острожного дела и голода погибнут или разбредутся по другим городам. Но государь настаивал на своём: «У острога худые места поделать, и по городу, и по острогу колья и каменья и котки покласть, ров почистить и всякими крепостями укрепить». Воеводе велено поговорить с волуйчанами и предложить за работу давать на корм по два алтына в день. Ему же наказывалось вести надзор за работой и денег даром никому не давать¹²⁵. Эта

переписка с «уговариванием» горожан длились полгода. Наконец 6 июня 7149 (1641) г. царь не выдержал и пригрозил наказать ослушников. К оговоренным ранее острожным работам добавилось «роскатное дело». Для присланной из Москвы полуторной пищали требовалось соорудить «роскат» — насыпную плоскую земляную площадку, обложенную брёвнами, для установки артиллерии. Воеводе указано распределить «роскатное дело» на всех поровну и давать за работу на подённый корм по два алтына на человека. «Если худые места и роскатное дело и всяких острожных поделок делать не учнут, и им за то их непослушание быти в наказанье безо всякие пощады», — подытожил в государь¹²⁶.

Черкасы на службе в России

Что же стало с командиром полтавских черкас Я. Остряниным, который разорил Волуйку? 9 мая 1635 г. из литовского плена вышел волуйский жилец Максим Кортавого. Воеводе И.П. Байкову он рассказал, что был в плену в городке Черкасах. По пути домой, в литовском городке Лихвице, он слышал от многих литовских людей и черкас, что Яцко Острянин с семьёю сотнями черкас, с жёнами и детьми пожег свои дворы и направился из Полтавы жить на Царевоборисово городище. Получив такие известия, государь Михаил Федорович 30 мая того же года направил воеводе И. Байкову распоряжение тотчас послать на Борисово городище станицу. Следовало разведать, действительно ли пришли туда Острянин с товарищами, из какого города, сколько человек, для чего и насовсем ли? Царь не возражал против прихода переселенцев и поступления их на службу, но предостерегал, что не стоит им полностью доверять. Если вдруг литовские люди и черкасы с жёнами и детьми надумают придти в Волуйку, то воеводе надлежало поселить их в трёх верстах от города, свободу передвижения не ограничивать и никакой «ужини» не делать. В то же время, в город их не пускать, чтобы «оманом какова дурна не учинили». Около себя им следовало соорудить крепость от татарских приходов. Волуйчанам разрешалось ездить к литовцам в лагерь, продавать хлеб и продовольствие. Воеводе

надлежало расспросить украинцев, от какой «теснобы» они ушли из Литвы, сколько человек у них женатых и холостых, какие у них дальнейшие намерения? Также указывалось переписать всех пришедших людей, переслать списки в Москву и писать почаще о всех новостях. Если же литовцы и черкасы захотят послать в Москву своих представителей, то воеводе велено их отпустить и дать в дорогу подводы и продовольствие¹²⁷.

В дальнейшем эти сведения не подтвердились. В начале лета 1635 г. стало известно, что собиравшегося сечь Полтаву и уйти в Россию полковника Яцко Острянина, отговорили приехавшие ляхи. Польские власти по отношению к казакам сменили гнев на милость и разрешили им жить с прежними вольностями. Зимой 1637 г. восставшие запорожцы избрали Острянина гетманом, и он возглавил антипольское движение. В 1638 г. черкасы уходили от преследования польских властей после поражения в битве с коронными войсками и искали убежища в России. Несмотря на разорение Волуйки и Белгорода, казаков под командованием гетмана Я. Острянина простили и приняли на службу к русскому царю, поселив на Чугуевском городище¹²⁸.

Первых служилых черкас перевели в Волуйку «на вечное житье» из Тулы и Тамбова в 1639 году, по их челобитью. «Береговая служба» для них была непривычна, и они попросились на государеву службу, связанную со степными разъездами. Место поселения черкасам определили за рекой Волуем в Царегородской слободе. Ещё в 1621 г. жителям слободы из соображений безопасности приказали переселиться в острог, но подчинились приказу не все. А перебравшимся в острог людям на прежних их дворовых местах разрешили держать огороды и сеновалы. Поэтому воевода Мелентий Клементьевич Квашнин запретил черкасам селиться за Волуем на огородах до осени, покуда волуйчане с тех огородов капусту и коноплю не уберут. После же размещения в слободе черкас к её названию добавилось «Черкаская», а с переводом в 1708 г. волуйских служилых черкас в Изюмский полк за этим районом Завалуя надолго закрепилось название «слобода Панская», по происхождению прежних жителей.

Итак, в декабре 1639 г. воевода Квашнин раздал денежное и хлебное жалованье 35 черкасам Запорожского войска, атаману Якову Иваницкому с товарищами, присланным из Тулы: атаману — 10 руб., рядовым по 9 рублей. Им же за выход и на дворовое строенье дано: атаману — 2 руб., рядовым по 5 руб., хлеба по чети ржи и в Усерде проса — атаману 3, рядовым и одиноким по 2 четверти. Второй группе черкас, присланным из Тамбова, дано: атаману Василию Маркову — 10 руб, рядовым (73 чел.) по 9,5 руб. Им же дано по четверти ржи и в Усерде проса — женатым по 3, одиноким по 2 чети. Половину жалованья выдали черкасам на «Семен день» (1 сентября), вторую — на Рождество (7 января). «Поручныя записи по ним взяты, что им государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии служба служить: в Крым, и в Литву, и к Турскому салтану, и на Поле к вором-черкасом не отъехать, и жити на Волуйке, и дворами строитца, и указныя свои земли похать и хлеб сеяти»¹²⁹.

Сметная книга 1640 г. показывает, что ряды волуйских черкас за прошедший год существенно поубавились: 1 взят в полон, 1 умер, 30 человек сбежали, в основном в Литву. Дезертировали не только рядовые, но и сам атаман Яков Иваницкий. Оставались на службе черкасы атамана Степана Волошенина — 10 человек, черкасы из Тамбова атамана Василия Маркова — 56 человек, черкасы из Тулы — 20 человек, черкасы станицы Лаврика Борзяка — 6 человек¹³⁰.

Волуйский воевода Ф. Голенищев-Кутузов сообщал в Москву, что 26 апреля 1641 г. черкасы изменили в Чугуеве: «Пришли те изменники чугуевские черкасы из острогу в город Чугуев и твоих государевых многих русских людей побили и городовую башню зажгли, и в городе гетманский двор зажгли ж, и воеводу Григорья Кокорева с сотником ранили, а гетмана Яцкова Остредина убили. И твои государевы русские люди, собрався, тех изменников чугуевских черкас из города Чугуева выбили»¹³¹. Напуганный предательством Голенищев-Кутузов учинил в Волуйке служилым черкасам смотр. На смотре они сказали, что чугуевских изменников не поддерживают, так как присягали на кресте

русскому царю и бежать никуда не собираются. Но среди черкас нашлись 18 человек, которые попали под подозрение воеводы — это холостые, без дворов и никто за них не поручался. Воевода отобрал у черкас ружья и лошадей, посадил в тюрьму и просил государя перевести служить их в другие города. Отношение к служилым черкасам в Волуйке в последующие годы было не враждебное, но настороженное.

Нападение черкас и уничтожение южнорусского города Волуйки показало, что взаимоотношения двух родственных славянских народов в первой половине XVII в. оставались не дружескими и временами враждебными. Выступающие пока ещё на стороне Речи Посполитой украинские казаки постепенно понимали ошибочность противостояния с Россией и начинали искать пути к взаимовыгодной дружбе. Это сближение, в конечном итоге, в 1654 г. привело к Переяславской раде и началу объединения Украины с Россией. События 1633 года условно поделили историю Волуйки «до разорения» и «после». Строка об уничтожении всех документов в съезжей избе во время Литовского разорения присутствовала в городских росписных книгах вплоть до конца века, напоминая о тех страшных днях.

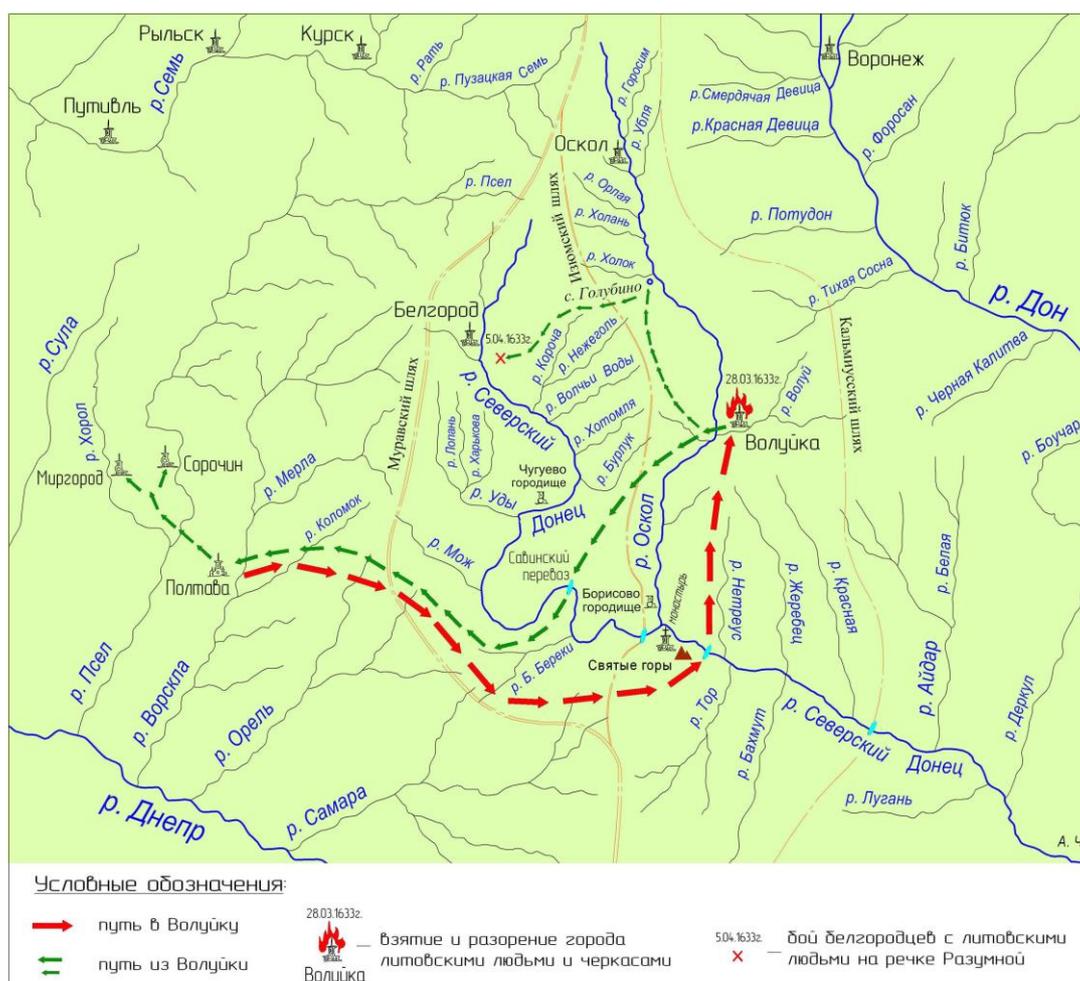

Рис. 11. Карта-схема движения отряда Я. Острианина в 1633 г. Реконструкция автора

ГЛАВА 3. ОСТРОГ ВОЛУЙКИ В НАЧАЛЕ 1640-Х ГОДОВ. СТРОИТЕЛЬСТВО ПОЛЕВЫХ УКРЕПЛЕНИЙ

Роспись острога воеводы П. Колтовского

Редкие города-крепости Польской уkraine с небольшими гарнизонами не обеспечивали в полной мере надёжного заслона на путях вторжения многочисленных отрядов крымских и ногайских татар. В 1630-х годах царь Михаил Фёдорович принял решение усилить оборону южных рубежей Московского государства и началось возведение укрепленной линии, «Белгородской черты». Волуйка оказалась южнее неё и считалась городом «за чертой». Надёжные стены и организованная система обороны как новых, так и старых крепостей обеспечивали безопасное проживание людей во время осады.

Но для ведения хозяйственной деятельности вне крепости, для защиты посада, поместных пашен и пастбищ домашнего скота требовалось создание специальной системы полевых укреплений.

Назначенный в Волуйку воевода Перфирий (Перфилий) Иванович Колтовский («Колтовской») сменил в феврале 1644 г. на посту Павла Левонтьева: как положено, принял городовые ключи, наряд (артиллерию), зелье (порох), свинец, деньги в казне, хлебные запасы, соль, грамоты, книги приходные и расходные, списки служилых и жилецких людей. Обследовав и измерив укрепления новый воевода написал в своем отчете: «Города, государь, рубленова на Волуйке нет, один острог. И тот, государь, Волуйской острог никакими крепостями не укреплен, и от земли подгнил. А обламов, государь, и котков, и среднева, и верхнева бою у тово Волуйскова острогу нет. А воротние, государь, и глухие башни у тово Волуйскова острогу все липовые, худы ж от земли, и в редах до обламов, и обламы все погнили ж. А мерою, государь, Волуйской острог велик, не по людем, около всево Волуйскова острогу и з башнями пятьсот сажень косых. И в приход, государь, к тому Волуйскому острогу больших воинских людей и в приступное время быть безнадежно»¹³².

31 марта 1644 (1644) г. Перфирий Колтовский передал подробное описание Волуйки с результатами произведенных измерений в Пушкарский приказ. Высота острожной стены согласно его росписи составляла от одной (2,48 м) до полутора сажень (3,7 м). По периметру стояли прямоугольные башни, рубленные в четыре стены, в один ряд, из липовых бревен: 2 с воротами и 6 глухих. В верхней части каждой из башен находился «облам» — выступающая часть сруба для ведения «подошвенного» огня, для защиты основания башни и прилегающей стены. В башнях размещались пушки и пищали. Состав медного и железного «наряда» острога был весьма разнообразен: 2 пушки полуторные медные, 7 пищалей железных скорострельных, 2 волконейки железные, 6 тюфяков медных дробовых, 18 затинных пищалей. О калибре орудий можно было судить по весу ядра, железные ядра весили от 3 золотников¹³³ до 5 гривенок (2050 г). При ведении

боя это создавало определенные неудобства, так как ядра от одного орудия не годились для другого. В наиболее укрепленной башне «с русского приезда» находились: пушка полуторная медная, к ней прилагались 1000 ядер железных весом по 4 гривенки (1640 г), тюфяк медный с 150 железными ядрами по 2 гривенки (820 г), 3 затинных пищали с 100 железными ядрами по 8 золотников и 10 ядрами по 5 золотников. По обе стороны башни на стене стояли 2 тюфяка медных с 200 ядрами по 1 гривенке (410 г). В 1641 г. из Москвы прислали медную полуторную пищаль, для неё служилые люди соорудили «роскат» у северной наугольной башни от реки Волуя. Боевой комплект пищали включал 276 железных ядер весом по 6 золотников и 1000 железных ядер по 5 гривенок (2050 г) каждое. С юга береговую стену подпирали «бык» — внешний выступ, устой в исходящем угле для поддержания стен, представлявший собой невысокий сруб вровень со стеной, внутри заполненный землёй, для открытой установки пушки. В 1642 г. и 1643 г. было израсходовано на пушечную стрельбу и роздано для походов служилым людям пороха 26 пудов (425 кг) и 21 пуд (344 кг) свинца. В зелейной и свинцовой казне оставалось в запасе ручного и пушечного пороха 156 пудов (2555 кг), свинца 164 пуда (2690 кг). С трёх сторон острог окружал ров, четвертую сторону защищал высокий берег реки. Воевода заметил, что ров мелкий и во многих местах осыпался. У Водяных ворот раньше был колодец глубиной 9 сажень (22 м), но к тому времени он засорился и воды не было. Из острога под гору к реке Волуя был проложен «тайник» — замаскированный ход для снабжения водой в осадное время, шириной 1 сажень (2,48 м), высотой сажень без чети (2,27 м), длиной 30 сажень (74,4 м). Однако верхнее перекрытие и насыпанную на него землю у тайника «разнесло». Выкопанный рядом с рекой колодец с дубовым срубом не вычищен, его подмыло течением. Воевода обращал внимание государя, что в осадное время острог может остаться без воды¹³⁴.

Вместе с городским имуществом воевода П. Колтовский принял 700 рублей государевой казны, которые ранее привез П. Левонтьев для выплат рабочим за острожные работы. Оказалось, что служилые и жилецкие волуичане

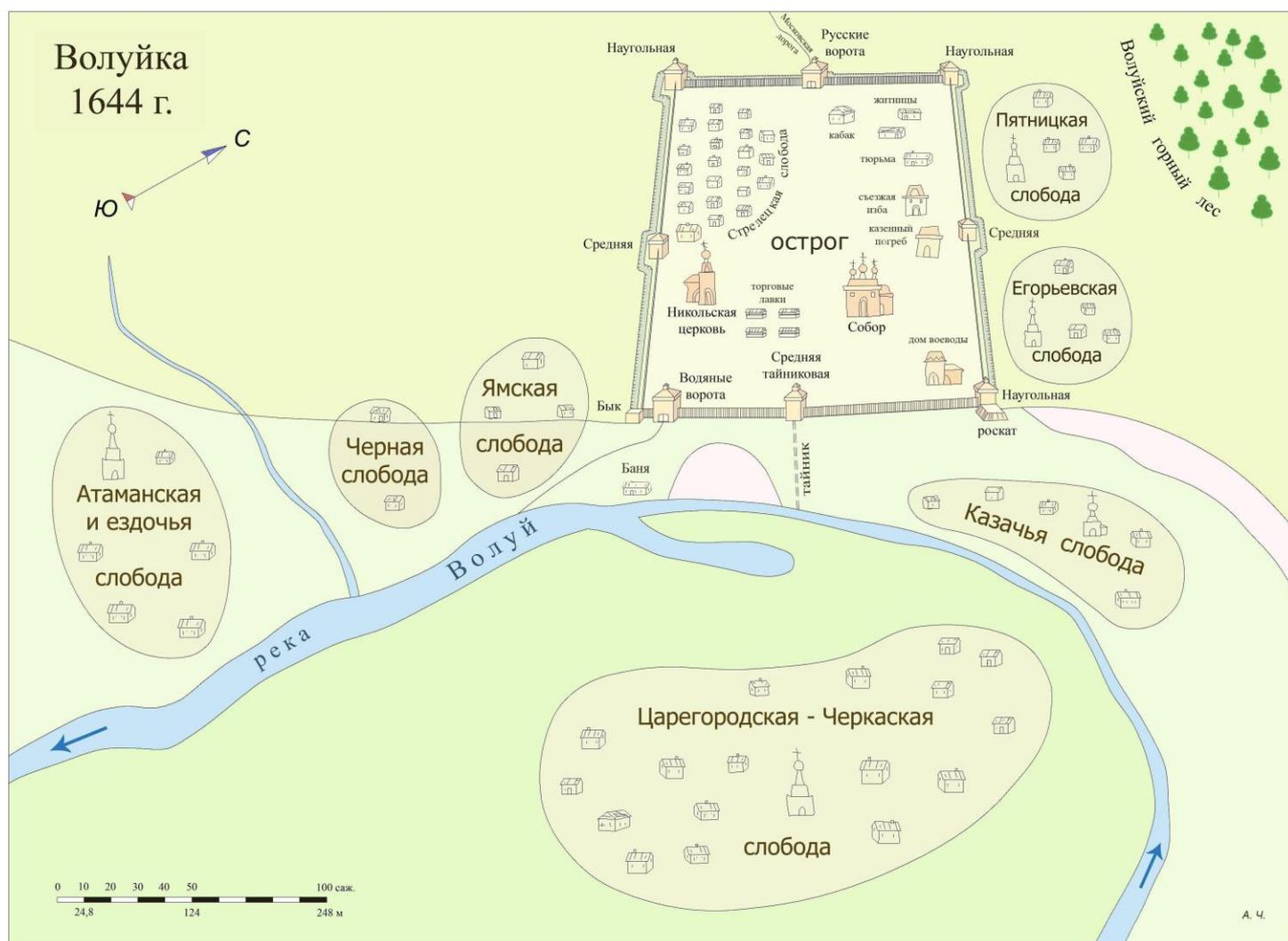

Рис. 12. План Волуйского острога 1644 г. Реконструкция автора

Рис. 13. Башни Волуйского острога 1644 г. Реконструкция автора

Набеги татар в 1644 г.

Основным врагом населения русских южных окраин, с которым приходилось сталкиваться почти ежедневно, были татары. Люди жили под постоянной угрозой грабежа, плена и гибели от рук воинских людей. Борьба с небольшими отрядами кочевников была обычным явлением для гарнизонов приграничных крепостей. Татары не стремились вступать в открытый бой: главной их целью был захват полона (пленных), отгон табунов и «животинных» (коровы, овцы, свиньи) стад. С захваченной добычей они не оставались долго на одном месте, а спешили уйти обратно в степь. Переписка воеводы П. Колтовского с Разрядом показывает, насколько напряжённой и опасной была в то время жизнь. Сообщения в Москву посылались одно за другим.

Днём 2 мая 1644 г. татары приходили под Волуйку от речки Ураевой от Разменного места. Против них воевода посылал стрелецкого голову Фёдора Тяпкина со служилыми людьми. 15 мая около 200 татар приходили к городу с Кальмиусской сакмы от реки Айдара, рядом с бродом на реке Оскол у Пристанского монастыря они отогнали принадлежавшее волуйским станичникам стадо из 70 коров, телят и 100 овец. Государь гневался: «Почему татары подошли скрытно и близко к Волуйке? Где были станичники и сторожа? Кого из людей убили или угнали в плен?» Воевода в отписке объяснил, что татары стали часто приходиться к городу «украдом» (скрытно) по Наугольному, Малому и Большому Проломным оврагам и по овражку у дороги к Борисовскому городищу. Полковые казаки Евсей Бровкин и Корней Духин со «сторожи» — дозорного поста на первом кургане напротив Мосеева колодезя, увидели татар в Наугольном овражке и побежали с вестью к воеводе. Татары гнались за ними почти до самого города, но весть о появлении врага казаки всё же доставили. Воевода с волуйчанами выехал из крепости и за рекой Волуем бился с татарами. Пушкарь Фома Бочаров убил одного степняка и еще нескольких ранил, — в донесениях в Москву всегда перечислялись отличившиеся ратники. Основному отряду татар с угнанным стадом удалось уйти. В погоню отправились волуйские служилые люди и их товарищи из

города Яблонов. 17 мая русские ратники настигли татар на речке Красной и отбили захваченную скотину. «В бою многих татар побили и переранили», — эта стандартная фраза часто присутствовала в воеводских докладах, отправляемых в Разряд. С радостной вестью о победе воевода посылал, как правило, наиболее отличившегося воина, на этот раз отписку в Москву доставил станичный атаман Федос Корякин¹³⁶. В Москве «сеунщик» получал вознаграждение — денежное жалованье и отрез доброго сукна. На деньги он покупал оружие, одежду или домашнюю утварь, так как в Москве товары всегда были дешевле.

А 7 сентября 1644 г. снова на заволуйских полях, в устье речки Ураевой, появились 20 воинских татар. Они взяли в плен стрельца Андрея Щекина, а стрельца Семёна Головина зарубили¹³⁷.

Колтовский неоднократно сообщал в Разряд о ветхом состоянии острога и отсутствии полевых укреплений. Он писал, что татары часто и большими силами приходят к острогу со всех сторон, и волуйчанам «разоренье чинится большое». Станичные атаманы и ездоки ездят в станицы, конные стрельцы и казаки стоят в сотнях и на сторожах, бывают на вестях в городах. В остроге остаётся мало людей, и обороняться от татар ему не с кем. Из столицы приказали в первую очередь заделать у острога «худые» места, углубить ров и загородить всякими препятствиями, чтобы «в приход больших воинских людей быти безстрашно, и жити бы еси на Волуйке с великим береженьем»¹³⁸. Лес на острожное дело и на «всякие городовые крепости» указано вывезти служилым людям, которые приедут с окольнічим на посольский размен¹³⁹.

В конце мая 1644 г. воевода получил грамоту из Разряда с указом строить силами жителей города на Оскольской (Московской) дороге, на речке Сазоне, башню с воротами или небольшой стоялый острожек. В местах татарских перелазов следовало окопать берега, набить свай, в воду положить колоды с кольями. Воевода зачитал государев указ служилым и жилецким людям. Однако те не послушались и на смотре в съезжей избе отказались строить укрепления¹⁴⁰. 30 августа 1644 г. к воеводе П. Колтовскому пришёл повторный

указ о возведении башни или острожка на речке Сазоне. Там предполагалось держать в карауле 20 стрельцов, казаков и черкас с пищалями и переменять их по дням. В башне должны были разместить вестовую пищаль при пушкаре и пушечных запасах, из которой стрелять «в татарский приход», чтобы на полях люди слышали сигнал о приближении опасности¹⁴¹.

Из Волуйки в Турцию и обратно

Сохранилось немало архивных документов, рассказывающих о русских людях, — выходцах из литовского, татарского или турецкого плена. Одни находились в неволе несколько дней, другие несколько лет. Кого-то отпускали на свободу после смерти хозяина, кто-то, рискуя жизнью, убегал сам. Каждый явившийся к воеводе полоняник подвергался допросу: когда и при каких обстоятельствах попал в полон, где был и как ушёл, нет ли за ним какого предательства? У него узнавали сведения о неприятеле, если вести оказывались ценными, то полоняника отправляли с докладом в Москву. Истории, поведанные отважными, вырвавшимися из рабства людьми, нередко очень интересны и захватывающи.

5 мая 1645 года к П. Колтовскому пришёл полоняник волуйчанин Фёдор Иванов. В сентябре 1643 г. воевода П. Левонтьев послал его с черкасами Саввой Тимофеевым, Данилой Савельевым и Семеном Масленковым в степь на разведку, искать станы степняков. В верховьях речки Боровой на разведчиков напали две сотни крымских татар. По словам Иванова, они сбили черкас с лошадей, окружили и начали «приступать все двести человек большим приступом»¹⁴². Фёдор с товарищами долго и храбро отбивались, Данилу Савельева татары застрелили, а других ранили. В самого Федора попало пять стрел из лука: в левую руку два раза, в колено левой ноги, в правую грудь и между плеч. Он не хотел сдаваться живым и продолжал биться одним дулом от пищали. Тогда ему рассекли саблей голову, а правую ногу пробили чеканом — боевым топором. Наконец, раненых и ослабевших волуйчан схватили.

Пленников татары отвели в Крым, где Федора продали турку гребцом на галеру.

Мысли о доме и свободе никогда не покидали бесстрашного волуйчанина. Однажды тёмной ночью, когда судно находилось в турецком городе Новарине (греческий Пилос) на Ионическом море, он сумел бежать. По турецким землям, обходя города, он пять недель шёл по ночам, на шестой пришёл в «Урнауцкою» землю (Арнауты, Албания), потом пересёк «Руменскую» (Румыния), «Величанскую» и «Урватцкую» земли, и вышел в «Польскую и Литовскую». Помня государево «крестное целование», вернулся Фёдор Иванов в Волуйку служить царю и Отечеству по-прежнему. Дома его ждали жена и дети. Оказалось, что за время, пока Фёдор был в плену, его жалованье семья не получала. По закону же, если ратник находился в плену больше года, то он вправе был просить восстановления по службе и выплаты денежного и хлебного жалованья за этот период. Воевода принял от Фёдора челобитную и разрешил ему отправиться в Москву.

Рассмотрев дело турецкого пленника, государь повелел волуйчанину Фёдору Иванову за «полонное терпение» за прошлый 152 (1643–1644) год дать хлебное жалованье — 3 чети (195,5 кг) ржи и 2 чети (131 кг) овса, а воеводе П. Колтовскому наказано проследить за исполнением указа.

Нападения воинских людей в 1645 г.

Ценные сведения о передвижении и планах неприятеля постоянно поступали из Святогорского монастыря. Так, 17 мая 153 (1645) г. оттуда в Волуйку приехали донские казаки Ю. Марченков и А. Горбыков. От постояльцев монастыря они слышали, что в канун Николина дня донецкие казаки из Боровского городка атаман Ивашко Рышко, Богдашко Князек с товарищами ходили в Ногайскую степь между Доном и Донцом «для звериной ловли». Там они из укрытия увидели большой отряд конных людей, идущих через степь в сторону Дона. Неожиданно на казаков вышел пеший литовский черкашенин. Схватив его, казаки начали стращать пыткой и черкашенин тут же

рассказал, что это были литовские воровские черкасы пан Забузский и атаман Ивашко Богун, а с ними тысячи полторы человек. С Дона они планировали идти грабить русских людей и мордву под украинные города Козлов, Тамбов, Шацк, Алатырь. Сам же пойманный черкашенин погнался в степи за зверем, упустил лошадь и отстал от отряда. Кроме того, донские казаки сообщили воеводе П. Колтовскому, что после Николиного дня к Святым горам пришли около 50 литовских воровских черкас и хотели взять монастырь приступом. Казаки вместе с дежурившими на заставе белгородцами и чугуевцами с боем его отстояли. Воевода П. Колтовский отписал обо всем этом государю и послал вести воеводам в Усерд, Яблонов, Белгород и Оскол¹⁴³.

В начале осени 1645 г. уже святогорский старец Иев рассказал воеводе П. Колтовскому, что пришли к монастырю тысячи полторы литовских воровских черкас с атаманом Гришкой Торским. Своих замыслов они не скрывали и неоднократно похвалялись старцу, что пришли на Северский Донец грабить государеву казну и посланников, следующих в Крым, крымского разменного князя, послов, мурз и татар¹⁴⁴. Действительно, воровские черкасы нападали не только на русских, но и на татар. В 1644 г., после Петрова дня, станичного атамана Елизара Рязанцова и пушкаря Андрея Винокурова, косивших сено под Волуйкой, захватили татары. Они повели пленников в Азов к крымскому «царю», но 25 июля за Донцом в верховьях речки Бахмутовой татар погромили литовские люди, Матюшка миргородец с товарищами. Пленным волуйчанам повезло, их освободили и отвели в Святые горы, а белгородский станичный ездок Ларион Свидовский, живущий на заставе в Святогорском монастыре, переправил их на судне по Осколу домой.¹⁴⁵

Татарские набеги продолжались регулярно и наносили немалый урон. Вечером 13 июня 1645 г. полковые казаки Емельян Теребунский с товарищами доставили воеводе П. Колтовскому послание от Ивана Чемоданова с Усерда. Воевода соседнего города сообщал, что к ним приходили с Воронежской дороги больше 500 татар. Колтовский приказал срочно бить в вестовой колокол и объявил волуйчанам на сходе, что вскоре следует ждать появления татар от

Усерда, поэтому никому из острога и из слобод не отлучаться, на поля и по своим делам не разъезжаться. На рассвете 15 июня прибежал в Волуйку с пчельника из Верхнего леса полковой казак Максим Коншин — на казачьих полях между Белым Сазоном и Крутым овражком в Ширяевой поляне он видел примерно 50 татар. Воевода со служилыми людьми выехал на разведку и встретил неприятеля у реки Тихой Сосны на Кальмиусской сакме. Завязался бой. Русские одержали верх, в схватке из лука ранили в поясницу полкового казака Ивсика Герасимова. Поверженные татары пустились наутек, волуйчане преследовали их к верховьям речки Полатовой до Бурцевых липягов, а затем до реки Чёрной Калитвы. Позднее выяснилось, что на пчельниках ночевали с лошадьми 8 человек волуйских станичников с детьми и братьями. Все они оказались в плену.

29 июня татары подходили к Разменному месту в устье речки Ураевой, захватили и увели с собой атаманского сына Бориску Некрылова и гулящего человека, ездивших туда за травой. 21 июля больше 30 татар приходили на заволуйские поля напротив устья речки Мосея, в 7 верстах от города, взяли в полон на жнине черкашенина Василия Донецкого и казачьего сына Ивана Несвоева. 24 июля татары вновь появились на полях за рекой Волуем, захватив полкового казака Сусоя Герасимова и пушкаря Фёдора Подерегина. Воевода и служилые люди пустились вдогонку, настигли татар в 20 верстах от города у речки Ураевой на Карповом бросе. Разбитые татары бежали в степь к верховьям Красной. Но не далее как 29 июля больше 150 степняков снова появились на полях у Разменного места, где за работой взяли затынщика Тимофея Голозубова с женой, дочерью и зятем, пешего стрельца Михаила Голощапова, троих конных стрельцов, женщин и детей, всего 16 человек. Пешего же стрельца Фёдора Подымихина, затынщиков Антона Фомина, Томилу Васильева и Ананью Овсянникова убили. С захваченной добычей татары поспешили скрыться в степи, чтобы избежать столкновения с гарнизоном крепости.

Строительство надолб

Не удивительно, что воевода П. Колтовский был очень обеспокоен частыми приходами татар под Волуйку, снова и снова писал в Разряд о слабой защищенности полей, о недостатке полевых укреплений. Отдельные пашни находились далеко, и по набату колокола люди не успевали вернуться в острог. Многие волуйчане пренебрегали указом и на ночь оставались в глухих местах рядом со своими полями. Воевода вновь сетовал, что без усиления ратными людьми обороняться ему трудно, посылать в поход за татарами в степь некого. Отписку о татарских приходах в июне-июле он отправил в Москву со станичным атаманом Никиткой Зарубиным¹⁴⁶.

В ответной грамоте из Разряда воеводе было приказано обследовать участок за Царегородской слободой и определить, сколько нужно сделать надолб от рек Мосея и Волуя до Оскола, и сколько на всё уйдёт леса. Эти надолбы должны были защитить слободу, пашни и пастбища горожан. Колтовскому следовало обсудить с волуйчанами, в каких местах лучше ставить надолбы и башни, сколько нужно привлечь на строительство иногородних рабочих с лошадьми и телегами¹⁴⁷. В Москве также расспросили гонца атамана Никиту Зарубина, доставившего грамоту. Он рассказал, где, по его мнению, следует ставить надолбы. Таким образом, к строительству полевых укреплений подходили грамотно и расчётливо, предварительно собрав максимум информации.

В системе полевых крепостей на Руси широкое распространение получили деревянные «надолбы» или «надолобы» и «засеки». Главная их задача состояла в создании эффективного передового заслона на пути конницы неприятеля. О первых надолбах в Волуйке упоминается в писцовой книге 1626 года, они находились по Московской дороге и за рекой Осолом. Надолбы со временем подгнивали и падали, сгорали от частых степных пожаров. Вообще, должного внимания содержанию и строительству надолб в Волуйке до 1645 г. не уделялось.

Устройство самих надолб рассматривалось в работах Ф. Ласковского¹⁴⁸ и В.П. Загоровского¹⁴⁹. В свою очередь, мы попытались реконструировать их устройство по архивным материалам, относящимся к Валуикам. Итак, «надолбное дело» обыкновенно начиналось с заготовки леса. На строительство шли дубовые брёвна длиной 3 сажени (6,5 м) и толщиной 6 вершков (27 см), такие же, какие шли на возведение башен или острожной стены. Минимальный план на заготовку леса для надолб включал 4 бревна и 2 столба или 5 брёвен с человека или двора, что было не случайно. Бесспорно, слово «надолба» происходит от слова «надолбить». Топором или долотом в бревне выдалбливалась выемка, в которое вставлялось другое бревно с аналогичной выемкой. Между собой они сбивались костылями (гвоздями) или скобами, возможно, связывались ремнями. Получалось крепкое, надёжное соединение. Надолбы представляли собой не что иное, как длинную ограду, своеобразный высокий забор. Подобные конструкции для загона и выгула скота распространены по всему миру. Одно звено надолб или ограды состояло из двух вкопанных на расстоянии около 2,5–3 м столбов, соединённых между собой четырьмя поперечными брёвнами длиной 6–6,5 м. Таким образом, из заготовленного одним человеком леса (4 бревна и 2 столба) получалось как раз одно звено такой ограды.

Надолбы ставились рядами, от одного до четырех. Самыми простыми и легко проходимыми являлись однорядные или одиночные надолбы, их ещё называли «надолбы в одну кобылину». Несколько рядов надолб, несомненно, увеличивали заградительные свойства укрепления, преодолеть их становилось значительно труднее. «Сделать к старым надолобам по надолобине да по связи» или «сделать к старым надолобам по кобылине» означало, что к существующим надолбам нужно добавить ещё один ряд. Многорядные надолбы назывались «надолбы в три кобылины», «надолбы в четыре ряда с наметы», «надолбы с наметы», «надолбы со связями». Слово «связи» происходит от глагола «связывать», «соединять». «Наметы», «переметины» — это перекладыны, брусья, жерди, слегы, служившие для связывания, соединения

рядов. Переметины делали поперечные и косые. «Сшитые» наметами или переметинами ряды имели единую жёсткую конструкцию, которую повалить или сломать было не так-то просто. Высота надолб выбиралась такой, чтобы их не смогла преодолеть на скаку лошадь, около 2 м. Количество надолб определялось расстоянием, на котором они были установлены, и измерялось в сажнях или верстах. В рядах надолб устраивались башни, где находились караульщики. Конные стрельцы и казаки проезжали вдоль надолб от башни к башни, контролировали целостность укрепления и следили за появлением свежих следов. Дороги для мирного населения прокладывались вдоль надолб и проходили через проездные башни или ворота рядом с башней. На реках в местах бродов также ставились надолбы, которые дополнялись «частиком» — частоколом.

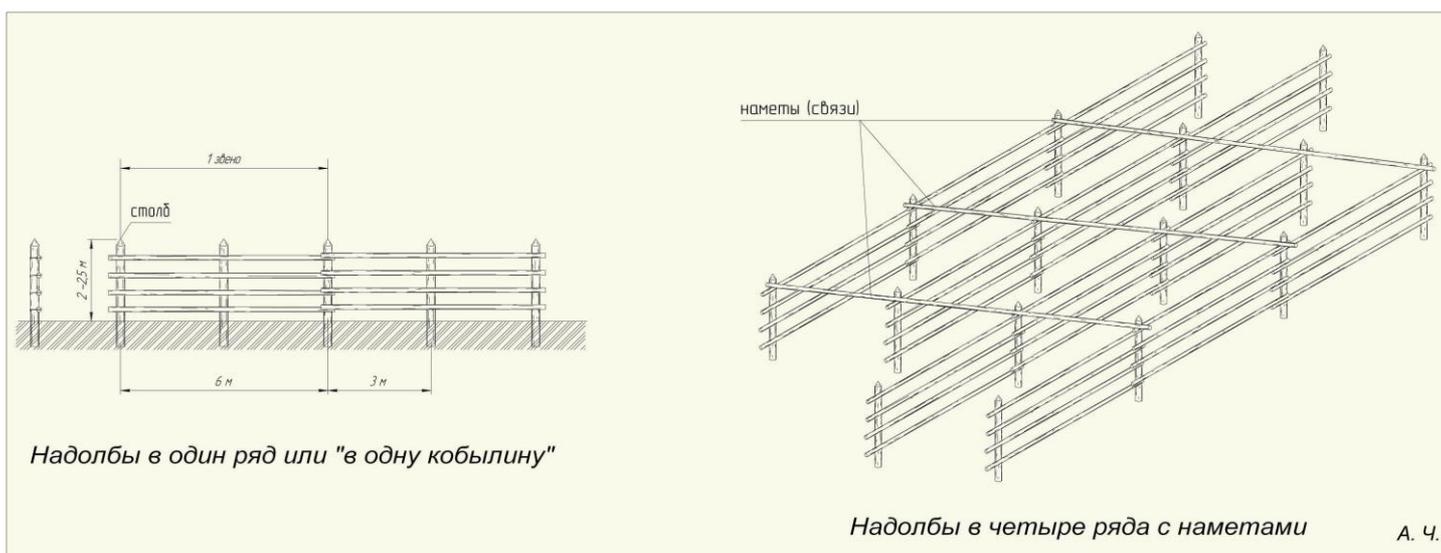

Рис. 14. Надолбы. Графическая реконструкция автора

«Засека» представляла собой срубленные сваленные деревья, завал, для затруднения прохода неприятеля. Устраивались они на опушках леса, по берегам рек в местах бродов, вдоль дорог.

В начале сентября 1645 г. на строительство полевых крепостей по государеву указу в Волуйку прибыли тульские драгуны, дети боярские из

Яблонова, 7 помещиков из Халани, 35 конных казаков, 5 казаков из села Голубино, 60 пеших стрельцов, 37 человек из Корочи, 33 человека из Оскола, 30 крестьян белгородских посошных волостей, а всего 205 «деловцов». Волуйчанам было приказано возить лес, отремонтировать «худые» места у острога и копать ров. Тех же, кто ослушается, велено бить батогами. Жители города теперь просили только об одном — чтобы государь дал за работу денежное жалование по их окладам¹⁵⁰.

Разбушевавшийся стрелец

Осень 1645 г. в Волуйке вообще оказалась богатой на события, каждое из которых стоит отдельного рассказа. Второго сентября с воеводой Колтовским произошёл курьезный случай, для разрешения которого он однако был вынужден обратиться в Разрядный приказ с весьма эмоциональной челобитной. Перфирий отправился инспектировать рабочих из украинских городов, которые делали надолбы по Московской дороге между двух речек Сазонов. Когда он со стрельцами и казаками прибыл на место строительства, волуйский конный стрелец Демка Михайлов сын Плутков закричал: «Что стали? Возьми, возьми!» В ответ воевода оборвал его: «Что кричишь, ково взять и за что?»¹⁵¹ И даже хотел шумного стрельца стегнуть плетью. Но Демка стал «ляять» (ругаться) главу волуйской власти, а потом снял с плеча пищаль, помышляя его застрелить. Вся сцена происходила при большом стечении народа, который перепуганный воевода призывал в свидетели. Оказывается, за несколько дней до этого Колтовский уже побывал в этом месте с той же целью, и Демка так же выходил против него с криками и оскорблениями. Тогда Перфирий приказал трём приставам схватить дебошира и отвести в съезжую избу, но не тут-то было: полковой казак Кондратий Чоботов на глазах у воеводы силой освободил дружка Демку.

Прошёл месяц. Четверо яблоновских казаков, которые приезжали в Волуйку для пополнения запасов, подали на Плуткова челобитную — буйный Демка зачем-то отнял у них сабли, а самих поколотил. В тот же день пришёл к

воеводе и волуйский конный стрелец Степан Хохлов, пострадавший от того же Демки, — в крови, с пробитой правой щекой. На этот раз Колтовский был более решителен, приказал приставам взять разбушевавшегося стрельца, сковать и посадить в съезжую избу под арест. О действиях Д. Плутова и К. Чоботова воевода доложил в Москву. Государь указал окольному князю В.П. Ахамашукову-Черкасскому и дьяку К. Окинфееву, которые были в то время на посольской размене, «сыскать про воровство» и наказать стрельца и казака — бить кнутом.

Томила Бобырев

В 1626 году в первом волуйском наборе станичников записали атаманом Томилу и ездоками Сафона и Василия Бобыревых. Много раз Томила провожал государевых посланников в Азов, казну к донским казакам, турецких послов. Наверное, места те ему были хорошо знакомы. Случалось, в пути наезжали на татарские отряды, но смекалистому станичнику всегда удавалось уйти живым и невредимым. Один раз, спасаясь от погони, Томила даже загнал коня, но государь пожаловал его, дал за поездку 10 рублей, а за изрон коня 6 рублей. А вот оборвалась жизнь отважного, лихого первого волуйского станичника Томилы Бобырева трагически, по нелепой случайности. 4 сентября 7154 (1645) года у кабака торговые люди из Курска стреляли из лука по мишени: наверное, после принятия спиртного захотелось выявить самого меткого. К ним подошел волуйский затинщик (категория служилых людей, обслуживавших «затинную», то есть крепостную, артиллерию) Иван Марков и начал учить, как надо стрелять. Томила Бобырев сидел в то время у кабацкого амбара и наблюдал за происходящим. Тут Марков, промахнувшись по мишени, попал стрелой ему в висок. Три дня атаман прожил с раной, а на четвёртый умер. Отходя в мир иной, Томила сказал своему духовному отцу, что у него с Иваном Марковым «недружбы никакия не бывала, а пострелил де иво, Томилу, тот Ивашка не умыслом, грешною мерою», то есть случайно. Умирая, он простил своего убийцу и просил не наказывать. Воевода П. Колтовский отдал затинщика под

охрану пристава и письменно испросил столицу, что с ним дальше делать? Государь, рассмотрев дело о нечаянном убийстве атамана, велел Маркова оправдать и от пристава освободить¹⁵².

«Крестное целование»

7 сентября 7154 (1645) г. волуйские служилые и жилецкие люди на смотре в городе присягали перед М.М. Бутурлиным на верность новому царю Алексею Михайловичу и его матери Евдокии Лукьяновне. Вместе с воеводой П.И. Колтовским «целовали крест» 20 станичных атаманов, 112 станичных ездовых, 64 черкашенина, 99 конных стрельцов, 228 полковых казаков, 36 пеших стрельцов, 64 пушкаря и 116 их детей, братьев и племянников, 3 торговых человека, 9 гулящих людей из Чёрной слободы, 8 гулящих людей из поповой слободы, 20 ямщиков с 32 детьми и братьями, 49 затинщиков, 5 церковных и площадных дьячков. В Москву на «крестное целование» от города делегировали трёх станичников и двух черкас. При этом шесть человек отсутствовали на присяге по служебным делам, а двое казаков сбежали.¹⁵³ Надо сказать, что сослуживцы Томилы Бобырева не исключили заслуженного атамана из списков на присягу. Трагически погибший накануне верный слуга государев остался, как живой, в строю со своими товарищами.

По упущению сторожей

Важная роль в обнаружении татар на подступах к городу отводилась сторожам и набег 4 октября 1645 г. показал, что халатность в их службе может иметь самые серьёзные последствия.

В третьем часу дня казаки-сторожа Матюша Конищев и Кузьма Осипов выехали на «сторожу» (ударение на втором слоге) — дозорное место в устье речки Мосея. Как потом выяснилось, они опоздали, предыдущая смена сторожей покинула пост, и он оставался некоторое время пустым. Не доехав до места с полверсты, казаки увидели на дороге татар. Клячи у сторожей были «худые», и татары едва их не поймали, те кое-как убежали от погони в лес. На

Мосее татары, которых было 150 человек, взяли в полон двух мужиков, ездивших за сеном на речку Полатовую, девятерых ребят, пасших стадо свиней, отогнали несколько коров. Воевода со служилыми людьми выехал за ними и настиг на речке Ураевой. В стычке многих татар побили, при этом были ранены двое волуйчан. У старых заволуйских надолб русские отбили лошадей и домашних животных, которых татары отогнали с полей.

Провинившихся сторожей воевода П. Колтовский посадил в тюрьму до государева указа. В отписке в Разряд он высказал свои опасения о незащищенности пастбищ выше города со стороны Сазона, где паслись лошади и скот горожан. В прежние времена там стояли надолбы, воевода не раз предлагал их возобновить, но волуйчане отказались, ссылаясь на то, что из Москвы «указа им не бывало». В ответной грамоте государь велел волуйских сторожей за то, что они «не устерегли татарский приход», при народе бить кнутом. Надолбы, о которых писал воевода, указано было поставить, а людей, которые не захотят их делать, — бить батогами и сажать в тюрьму¹⁵⁴.

Надо сказать, что этот случай с упущением сторожей был исключением из правил. Сторожевая служба неоднократно доказывала свою эффективность и своевременно упреждала о приближающейся опасности.

Нападение татар на деревню Яблоневою

Упоминаемая в документах с 1630-х гг. «Монастырска Яблонова деревенька» за рекой Осколом долгое время оставалась единственной в уезде. Её жители, монастырские крестьяне, также страдали от степных кочевников. 29 октября 7154 (1645) г. поутру отряд татар подошёл к деревне Яблоневою, намереваясь в ней поживиться. По своевременно доставленным от сторожей вестям воевода со служилыми людьми подоспел в срок, в 10 верстах от города на речке Козинке состоялся бой. Татары были опрокинуты и побежали в степь к Изюмской сакме, волуйчане преследовали их 50 вёрст. На речке Двуречной вновь произошла схватка и опять русские ратники «многих татар побили и ранили», отбили 40 лошадей с тюками и всякой рухлядью, освободили двух

пленных волуйчан. Воевода послал в Москву со станичником Сафоном Бобыревым послушной список людей, которые участвовали в этом походе. Государь похвалил воеводу и ратных людей за службу, а Сафона наградил жалованьем¹⁵⁵.

Ссора крымских и ногайских татар

11 ноября 1645 г. во втором часу дня прибежали в Волуйку к воеводе полковой казак Григорий Гусев с шестью товарищами. С утра они поехали на речку Полатовую за сеном и напротив речки Мосея увидели впереди себя ехавшего из города пушкаря Трофима Подерегина. У «Круглого ольха» Трофима окружили 30 татар и пленили. Воевода со служилыми людьми настиг их на речке Ураевой у Шарапова брода. Позже воевода в отписке государю не скромничал о своих подвигах: «С теми воинскими татары я, холоп твой, бился не щедя головы своей, и волуйские служилые люди»¹⁵⁶. Пушкаря Подерегина освободили, а станичный ездок Василий Луковников взял в плен татарина. Волуйчане преследовали убежавших степняков до речки Красной. Захваченный ногайский татарин Кочумайка Табаянов рассказал, как прошлым летом Караш-мурза ходил войной в Рыльские и Путивльские места, в Комарицкую волость (Севский уезд). На обратной дороге у Перекопа крымские люди потребовали с ногайских татар дань для своего царя — отдать лучших пленников. Произошел конфликт, который перерос в сражение, с обеих сторон полегло много татар. После боя Караш-мурза с ногайскими мурзами и 12 тысячами татар ушёл из Крыма кочевать по Молочным Водам и Тору. Турецкий султан проведав о побоище между своими вассалами, прислал в Крым гонца. Султан гневался и требовал, чтобы крымский царь помирился с ногайскими мурзами, а после примирения готовился к большой войне против Руси. Крымский царь послал к Караш-мурзе своих гонцов с подарками и просил возвращаться без боязни. Воевода немедленно отправил ценного пленника с казаком Василием Ланиным в Москву. Государь похвалил за эту службу Колтовского и ратных людей, а сеунщику Ланину дал денежное жалованье¹⁵⁷.

Конфликт атамана служилых черкас Данилова с воеводой Колтовским

В 1645 г. «за обиды и налоги» волуйские служилые черкасы переизбрали атамана Степана Волошенина. Новым атаманом стал Пётр Данилов¹⁵⁸. Отношения с воеводой П. Колтовским у него и его подчиненных мягко говоря не сложились.

6 апреля 1646 г. из-за Волюя прибежали казак Макар Злобин и конный стрелец Фёдор Макаров с сообщением, что у Изрога в лесу видели татар. Воевода П. Колтовский с головой Фёдором Тяпкиным и волуйскими служилыми людьми, всего 28 человек, отправились на поиск. 11 азовских татар они обнаружили в 15 верстах от города на речке Ураевой. Завязался бой, татары пустились наутёк в степь. Волуйчане продолжили преследование, и на реке Айдаре произошла новая схватка. Станичный ездок Фотей Бронников и полковой казак Лазарь Ташлыков сбили с лошади татарина и взяли его в плен, остальные разбежались по степи.

Воевода послал Ф. Бронникова в Москву со своей отпиской и расспросными речами пленного. Станичному ездуку в Москве за взятие татарина пожаловали 2 рубля, воевода тоже не остался без внимания. А казаку М. Злобину и Ф. Макарову за то, что обнаружили татар и быстро сообщили воеводе, велено было дать из волуйских доходов по рублю на человека¹⁵⁹. О награждении казака Л. Ташлыкова ничего не сказано, но хочется верить, что именно про него речь идёт в тех двух строках грамоты, которые написаны неразборчиво.

Однако воевода послал в Разряд и ещё один доклад о том же апрельском походе, но совершенно другого содержания. Колтовский писал, что черкасы ему не подчинились и в погоню за татарами за речку Уразову не пошли. Напрасно воевода замахивался на Петра Данилова плетью и угрожал, впустую посылал он вслед за ослушниками Степана Волошенина и казака Ариста Золотарева. Черкасы не послушали своих товарищей и вернулись обратно в город. Между тем, воевода с головой Тяпкиным и служилыми людьми

продолжили погоню и на реке Айдаре разбили татар. Победители вернулись с добычей, привели с собой 5 захваченных лошадей. Тогда черкасы пришли к воеводе на двор и «с озорничеством и невежеством» бесчестили его, требуя своей доли с погрома. Перфирий Колтовский ничего им не дал, исчерпывающе пояснив: «Не за что!» В ответ Пётр Данилов бросил воеводе: «Тако б де ты у речки Ураивой ударил плетью, как велел гнать за татары с собою вместе, и я де тебя, Перфирья, зарезать хотел ножом. А зарезав, побежал де б, куды очи застигли б»¹⁶⁰. Эти слова слышали свидетели — соборный поп Герасим и несколько горожан. Колтовский высказывал государю свои опасения, что впредь от Петра Данилова «часть всякова дурна» — неблагонадежные черкасы не внушали ему доверия. Далее в отписке воевода продолжал, что несколько ранее Данилов отпустил в степь трёх черкас, и они пропали безвестно. В апреле выдали черкасам половину годового жалованья (4,5 руб. на человека) «с поруками, что им, волуйским черкасам, на Волуйке на вечное житье дворами строитца, и пашню пахать, и хлеб сееть, и ни в чем не изменить, с Волуйки не збежать и без отпуску не съехать»¹⁶¹. Однако двое черкас пришли к воеводе и извещали на своих товарищей, готовившихся к побегу на Дон. Колтовский сыскал и допросил сразу десятерых, выяснив, что собрались они на Дон с разрешения атамана, который к тому же дал им запасы в дорогу. Воевода пригрозил черкасам суровым наказаньем.

26 апреля в Разряде думные дьяки Иван Гавренев и Григорий Ларионов допросили волуйских черкас Петра Данилова с товарищами по данному делу. Черкасы рассказали, что с татарами 6 апреля бились и после речки Уразовой вместе со всеми участвовали в их преследовании. В город они вернулись вместе с П. Колтовским. Пётр Данилов ножом зарезать воеводу не намеревался и никаких угроз в его адрес не говорил. Черкасы оправдывались, что приходили на двор не бесчестить и бранить воеводу, а просить о поездке в Москву для челобитья о своих потерях и нуждах. Все это, по их утверждению, происходило также при свидетелях. Очевидно, разрядным следователям нужно было

допросить свидетелей со стороны воеводы и со стороны черкас. Но этого никто не сделал. Оказалось, что Колтовский не отпускал черкас в Москву и его сопроводительную отписку они предъявить не могли. Дело в том, что при подаче челобитной в Разряде челобитчик обязательно должен был приложить отписку воеводы, в которой пояснялась цель поездки. Случалось, что простые люди добивались справедливого решения властей. Но чаще московские чиновники поддерживали и принимали сторону городского главы. В Разряде признали волуйских черкас виновными в неподчинении воеводе и самовольном приезде в Москву. Дезертиров били нещадно батогами, после чего отпустили домой. Воеводе черкасы привезли грамоту, согласно которой им разрешалось служить в Волулке по-прежнему. Но было добавлено, что если впредь они не будут подчиняться, воеводе велено их наказывать, «смотря по вине»¹⁶².

Какова же дальнейшая судьба атамана Петра Данилова? Через три года его переизбрали, и он продолжил службу рядовым. В апреле 1664 г. служилых волуичан посылали в поход на Белую Калитву. В послужном списке ратников, принимавших участие в сражении с татарами, записаны 12 волуйских черкас. «Черкасы но бои были и бились явственна: Кондратей Иванав ранен по левам баку пониже мышки, Петр Данилав...»¹⁶³.

Заготовка леса, продолжение строительства

Заготовка леса всегда являлась одной из самых трудоемких и тяжелых подготовительных к строительству работ. В октябре 7154 (1645) г. по указу царя Алексея Михайловича воеводе П.И. Колтовскому было указано: «На городовые и на острожное дело, и на полевые на всякие крепости лес вывезть против государева денежново и земляново окладу по розвытке всем поровну по зимнему пути»¹⁶⁴. В Разряде сделали выпись о численности волуичан и распределили объем заготовок. Размер бревна установили по стандарту — длина 3 сажени (6,48 м), толщина в «отрубе» 5 или 6 вершков (22,5-27 см).

Таблица 5. План на вывоз леса.

Наименование службы	Количество людей	Денежное жалование (руб.)	Земельное (хлебное) жалование (четь)	Распределение брёвен
Станичные атаманы	24	10	100	720 (по 30 бр./чел.)
Ездоки	120	6	50	2160 (по 18 бр./чел.)
Стрельцы конные	100	6	20	1200 (по 12 бр./чел.)
Стрельцы пешие	40	3	10	280 (по 6 бр./чел.)
Полковые казаки	224	6	30	3360 (по 15 бр./чел.)
Черкасы	79	9	(3ч. ржи +2ч. овса)	790 (по 10 бр./чел.)
Пушкари и затинщики	100	4	20	1200 (по 12 бр./чел.)
Казенный кузнец	1	4	20	10
Ямские охотники	20	15	6,75	240 (по 12 бр./чел.)
Чернослободцы	8			100 (по 12 бр./чел.)
Всего	716			10060

Воевода собрал служилых и жилецких людей на смотр к съезжей избе и зачитал указ о заготовке леса. Люди пообещали воеводе начать заготавливать бревна осенью, чтобы вывезти их по первому снегу. До 17 января в Волуйке стояли морозы, а снег всё не выпадал, соответственно брёвна никто не возил. Воевода приказал 12 приставам, выбранных из пушкарей, затинщиков и пеших стрельцов, силой заставить людей работать. Через три дня приставы вернулись и сказали, что волуйчане лес возить наотрез отказались. Колтовский вновь собрал людей на смотр и настаивал, чтобы они немедленно везли бревна к острогу и складывали в указанных местах. Волуйчане ответили, что повезут лес, когда в Волуйку для городского дела и всяких крепостей придут из городов «прибыльные» ратные люди¹⁶⁵.

Иногородние служилые люди в 1645 г. сделали по Московской дороге от реки Оскола и от Мухина озера до Верхнего Волуйского Большого леса на татарских сакмах надолбы в 4 ряда из дубового леса, общей протяжённостью около 2 км. Они же вывезли и сложили брёвна и тесницы (доски) на 2 башни, но сделать их не успели. Летом 1646 г. П. Колтовский получил указ сделать из этого леса башни с проезжими воротами. Строительство велось сообща: в башне на Сазоне воевода сложил 5 венцов, остальное сложили 144 станичника, 53 черкашенина, 98 пушкарей и затинщиков, 20 ямщиков, 15 чернослободцев и гулящих людей. Вторую башню под Большим Волуйским лесом на Усердской дороге воевода приказал соорудить стрелецкому и казачьему голове Фёдору

Тяпкину, 348 стрельцам и полковым казакам¹⁶⁶. На коллективные работы посылали не всех людей сразу, а по мере необходимости, пропорционально численности в службах.

Работы по возведению полевых укреплений в Волуйке являлись небольшой, но важной частью общего плана правительства по освоению и защите южных рубежей России в XVII веке. Начавшееся во время воеводства Перфирия Колтовского строительство надолб не было полностью завершено и в последующие годы продолжалось.

ГЛАВА 4. ИСТРЕБЛЕНИЕ ВОЛУЙКИ ПОЖАРОМ В 1647 ГОДУ. СТРОИТЕЛЬСТВО ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДА

Большой пожар и восстановление города

«В нынешнем, государь, в 155 (1647)-м году июня в 18 день волею Божию на Волуйке в остроге, государь, загорелась церковь Чюдотворца Николы, часу в третьем дни. И от тое, государь, церкви Волуйской острог выгорел, и за острогом Пятнецкая и Егоровская слобода выгорели ж. А в остроге, государь, и за острогом погорело твоих государевых служилых людей дворов с чатыреста. А в острогу, государь, осталось две башни, да два прясла, да шестьдесят чатыря двора в остроге не горело»¹⁶⁷, — доносил в отписке, переданной в Разряд, волуйский воевода Фёдор Байков (Бойков)¹⁶⁸. Волею случая он второй раз стал свидетелем полного уничтожения города. В 1633 г. вместе со своим отцом, воеводой Исаком Петровичем Байковым, Федор принимал участие в восстановлении Волуйки после разорения от отряда литовских людей и черкас. Поп Никольской церкви Тарасища в своей сказке о причине пожара сообщил, что после окончания Божественной литургии пошёл домой, а отчего загорелась церковь, он не ведаёт¹⁶⁹. Возможно, от непогашенной свечи. Отважные волуйчане бросились спасать не свои дома и скот, но прежде всего казённое имущество. Удалось спасти пороховую и свинцовую казну, всё артиллерийское вооружение. Из церквей успели вынести иконы и книги.

Нелёгкая доля доставить в Москву весть о бедствии, которое неожиданно обрушилось на его город, выпала волуйскому станичному ездуку Свириду Елшину. Государь Алексей Михайлович, слушав 25 июня отписку воеводы Ф. Байкова о пожаре, указал послать в Волуйку для городского дела из Ливен стольника Ивана Васильевича Алферьева (Олферьева)¹⁷⁰ и из Нового Царева-Алексеева (г. Новый Оскол) московских стрельцов с головой Осипом Костяевым, на драгунских лошадях. Вместе с волуйчанами им велено делать острог «с тарасы и с обламы по прежней осыпи, на которой ныне город згорел»¹⁷¹. Государь добавил, что если на городское дело лес возить далеко, а земляной город делать легче, и дёрн брать близко, то строить земляной, но с деревянными башнями и воротами. В Ливны и в Новый Царев-Алексеев были посланы соответствующие грамоты воеводам¹⁷². Для защиты рабочих от татар направили служилых людей из Ливен, Ельца и Курска¹⁷³.

Стольник Иван Алферьев наделялся царём на время строительства большими полномочиями. В его подчинение поступали стрелецкий голова со своими людьми, воевода и все служилые и жилецкие волуйчане. Тех, кто не будет его слушаться, велено было наказывать. В указе стольнику предписывалось, чтобы он на месте распределил работы и сообщал с головами, стольниками и служилыми людьми выбрал тип городского строения: тыновый острог или земляной город. «А делал бы еси Волуиской острог и всякие крепости с великим раденьем неоплошно, и жил на Волуике с великим береженьем, и вестей про воинских людей проведывал, и от татарских и от черкасских приходов оберегался, чтоб воинские люди на служилых и на работных людей безвестно не пришли и дурна какова не учинили, и людей в полон не поймали. А у острожново дела был сам, и Федору Баикову, и головам, и сотником у тово острожново дела велел быти безпрестани, чтоб у тово острожново дела московские стрельцы и волуичаня всяких чинов люди были безотступно, и не гуляли, и сторожи в день и в ночь держале, и обозу деловцов устроил, чтоб то все было стройно и осрежно. А которые волуичане или иные какие люди в том острожном деле учнут ослушатца, и ты тех велел бить батоги

и в тюрьму велел сажать, чтоб у острожново дела деловцы были сполна, и острожное дело делали спешно и прочно»¹⁷⁴.

Иван Алферьев приехал в Волуйку 15 июля. Волуйчане объяснили ему, что земля у них сыпучая, с песком и земляной город будет непрочен. «Развытя» (распределив) работы, стольник повелел возить лес для строительства дубового тынового острога. Обследовав окрестности вокруг города, он сообщил в Разряд о слабом месте в системе полевой обороны. Для надёжной защиты пашен и покосов от приходов татар он просил государя прислать грамоту, чтобы за рекой Волуем до Оскола и за рекой Осколом в Праворотье поставить надолбы с башнями и сделать засеки. На речке Другом Березовом Сазоне (по Московской дороге) надолбы уже стояли, стольник распорядился продолжить их линию до башни¹⁷⁵. Царь утвердил проект, причем Алферьеву было указано полученную из Москвы грамоту держать у себя тайно, не разглашая этот план, пока не закончится строительство города¹⁷⁶.

Стрельцы с головой О. Костяевым, в количестве 551 человека, пришли в Волуйку 21 июля. Среди них были мастера земляного дела, которые нашли хороший дёрн поблизости от города и убедили Алферьева, «что на Волуйке городу земляному быть мочно и дерн в дело пригодитца». Город земляной, ворота и башни «обложили» 25 июля, теперь пошёл официальный отсчёт срока строительства. Между тем, оказалось, что в городе нет даже «заступов» (лопат) для земляных работ. Для «поспешания дела», стольник изготовил 100 лопат на свои деньги и получил похвалу государя за радение к службе: «То он делает добро, что государю служит и радеет, и город и башни учал делать, и заступы велел делать своими деньгами. И он бы однолично городовым делом промышлял с великим раденьем, чтоб то городовое дело совершати совсем вскоре...»¹⁷⁷. План работ по земляному городу стольник распределил следующим образом: себе сделать 10 саженей (21,6 м), воеводе Байкову 7 саженей (15 м), головам по 2 сажени (4,3 м), стрельцам Костяева 315 саженей (680 м), им же делать башни и тайник, волуйчанам 200 саженей (432 м), им же заготовить брёвна на башни и обламы. Таким образом, планировалось

построить линию стен длиной 540 саженой (1166 м), без учета башен. Видимо, ориентировались на размеры сгоревшего острога. В 1644 г., при приёме города, воевода П.И. Колтовский производил описание и измерение острога, тогда его длина вместе с башнями составила 500 «косых саженой» (1240 м), без учёта башен и ворот 464,5 сажени (1152 м)¹⁷⁸.

Но уже вскоре после начала строительства стольник Иван Алферьев послал в Москву челобитную о том, что стрельцы и казаки его не слушают, с делом государевым мешкают, лес возят с «огурством» (огуряться — отнекиваться, отлынивать, упрямиться, уходить от работы), приходят к нему с шумом и бесчестят. Иван велел сотнику взять несколько стрельцов и казаков, чтобы примерно наказать, но волуйчане освободили их из-под стражи. Выяснилось, что подучивает людей неповиноваться казачий и стрелецкий голова Фёдор Тяпкин. Царский указ с карой последовал незамедлительно: воеводе Байкову приказано Фёдора Тяпкина за его «воровство» посадить на три дня в тюрьму, а волуйских стрельцов и казаков, которые отбили у сотника ослушников, бить батогами¹⁷⁹. Однако конфликт между стольником и волуйчанами на этом не прекратился. И. Алферьев вновь отписал в Москву, что люди его не слушают и ругают, лес не возят и по состоянию на 3 августа город делать не начали. Подговаривают же их «для своих бездельных корыстей» воевода Ф. Байков и голова Ф. Тяпкин, они же отпускают челобитчиков без ведома стольника в Москву. Словом, делу государеву из-за непослушания волуйчан «учинилось большое промедление» и стольник запрашивал о наказании¹⁸⁰. Царская грамота не заставила себя ждать — бить ослушников нещадно кнутом и батогами и сажать в тюрьму. Голове московских стрельцов Осипу Костяеву велено было посадить в тюрьму Ф. Байкова и Ф. Тяпкина — воеводу на три дня, а голову на неделю¹⁸¹.

Нетрудно понять волуйчан, сколько непосильного труда в одночасье свалилось на их плечи. Поэтому, со своей стороны, в эмоциональной челобитной государю они поведали о проблемах и тяготах собственной жизни.

Припомнили спор с И. Алферьевым о городском строении: говорили же они стольнику строить по чертежу рубленного города, какой был до Литовского разорения в 1633 г., но тот их не послушал, челобитную изодрал и начал делать город земляной. В результате под него было занято большое место, не по количеству жителей, и в осадное время в нём обороняться будет страшно и ненадёжно, за малолюдством. Волуйчане жаловались также на непомерную тяжесть работы. Помимо заготовки леса, им приходилось делать ещё земляной вал. От заготовленных для башен 3-саженных брёвен И. Алферьев заставлял отсекать по сажени и больше, что было напрасным трудом, по мнению горожан. Дружно обрушились и другие напасти: из-за сильной засухи озимый хлеб в тот год не уродился, а яровой даже не всходил; татарские приходы и городское дело помешали волуйчанам заготовить сено и убрать немногий выросший хлеб, который в результате пропал. В Волуйке наступил голод. Близилась зимняя пора, в уцелевших от пожара дворах жили по 5-6 семей. Новая городская стена проходила там, где стояли несколько жилых домов, и стольник приказал их сломать. «От большого городского дела» больше 20 семей волуйчан «побрели розно» по другим городам. Словом, заключали челобитчики, если домов своих не построят, то вместе с жёнами и детьми погибнут от стужи и голода. Они просили милосердного государя «об учинении пощады в городском деле» до постройки своих сгоревших дворов¹⁸².

От имени всех служилых и жилецких людей в столице «били челом» в Разряде попы волуйских церквей и станичные атаманы — Савостьян Князев с товарищами. В ответ за их челобитье и уклонение от работы жалобщиков били в Москве нещадно батогами, после чего выслали обратно в Волуйку продолжать вместе со всеми делать город¹⁸³.

Таким образом, горожанам осталось решать свои проблемы самостоятельно. Во время пожара в государевых житницах погорело половина хлеба. Очистив горелый хлеб, воевода перемерил чистый. Получилось 73 чети ржи и 64 чети овса. В съезжей избе служилые люди всяких чинов подали воеводе челобитную, в которой просили государя дать им этот чистый хлеб в заём. Воевода взял на себя смелость и раздал хлеб горожанам¹⁸⁴.

За работу и бедность просили дать жалованье и оскольские стрельцы. Государь указал воеводе Нового Царева-Алексеева князю Василию Львову выделить 100 рублей и купить на них стрельцам Осипа Костяева ржи. Но так как хлеб в Волуйке из-за неурожая подорожал в два с лишним раза, Алферьев принял решение раздать стрельцам деньги¹⁸⁵.

От имени бедных, разоренных и погорелых богомольцев Соборной церкви «Сретения Пречистой Богородицы иконы Владимирской» поп Герасимища, поп Иванища и дьякон Мартинища просили государя о восстановлении сгоревшего храма и предела великомучеников Бориса и Глеба¹⁸⁶. Тут государь пожаловал: велел И.В. Алферьеву дать попу Ивану на строительство Соборной церкви из кабацких и таможенных доходов 15 рублей, а церковь делать из леса, который останется от городского дела¹⁸⁷.

В то же время, 14 сентября государь послал грамоту Ивану Алферьеву, чтобы он с московскими стрельцами и волуйчанами поторапливался «с великим раденьем» делать город и надолбы с башнями. По окончании строительства московским стрельцам указано возвращаться в столицу, Алферьеву — привезти туда же «строельные книги», чертёж и роспись укреплений, а копии отдать Фёдору Байкову в приказную избу¹⁸⁸.

Итак, через 10 недель после начала строительства, 5 октября 156 (1647) г., все работы были завершены. И. Алферьев вместе со своей отпиской переслал в

Москву роспись города и «образец» (чертёж)¹⁸⁹. Действительно, в описи чертежей, хранившихся в Разряде во второй половине XVII века, указаны два чертежа Волуйки 1647 г.: «какой прислал Иван Алферьев во 156 году» и «какой прислал Федор Байков во 156 году»¹⁹⁰.

Существует ещё одна роспись города, сделанная очевидно также И. Алферьевым. Она последовательна и содержательна, её листы неплохо сохранились, почерк разборчив¹⁹¹. Согласно росписи по государеву указу в городе сделали 11 башен: 10 шестиугольных («рублена в шесть стен») и одну четырёхугольную («рублена в четыре стены»). Две башни имели проездные ворота. От башни «Московские ворота» начиналась дорога на Оскол и Москву. По типу многих русских крепостей, в этой главной башне города располагалось помещение для моления, «молебство». Устройство над воротами киотов с затворами, в которых стояли иконы, было неслучайно. Как наиболее слабое звено в системе оборонительного сооружения, воротные башни получали «покровительство» святых. В башне «Московские ворота» в киоте на въезде стоял большой образ Спаса, в «молебстве» — иконы чудотворцев Сергия Радонежского и Варлаама Хутонского, со стороны города в киоте — образ Алексея, человека Божьего. В «Водяных воротах» в киоте на въезде стоял большой образ «Пречистай Богородицы Знамение», с другой стороны — образ Николая Чудотворца.

При строительстве башен использовались дубовые брёвна длиной 3 сажени (6,48 м), толщиной «в отрубе» 5–6 вершков (22,5–27 см). На строительство больших башен ушло примерно 450–500 бревен, на «глухие» — около 300. В верхней части башен находились «обламы» — нависающий выступ сруба для ведения «подошвенного боя», поражения врага у основания. Почти все башни имели два «моста» — закрытых этажа. Верх башен имел форму пирамидального шатра. Крышу покрыли лубьём (подкорье липы) и тёсом (кровельная доска). У четырёх башен сделали караульный чердак для

наблюдения за местностью. В Вестовой башне на чердаке повесили колокол, который оповещал людей о приближении врага. Высота этой самой высокой башни с учетом шатровой крыши и чердака достигала 22–24 м. Названия башням давались по конструкции или расположению: «Проезжая» или «Воротная» — с воротами, «Глухая» — закрытая, «Наугольная» — угловая, «Вестовая и тайника» — с вестовым колоколом и ходом к тайнику, «Пятницкая» — рядом с Пятницкой церковью. Крепостная стена между двумя смежными башнями называлась «прясло». Периметр города без учета охвата ворот и башен (сумма всех «прясел») составил 537 сажень (1160 м). Из города к реке для забора воды в осадное время был проложен тайник — замаскированный сруб длиной 72 сажени (155 м). Как мы помним, прежний тайник имел длину 30 сажень. Возможно, новый ход к реке прошёл по более протяжённому маршруту или же это просто ошибка писаря.

Земляной город представлял собой насыпной вал земли, вынутой при выкапывании рва. Ширина вала у основания составляла 3 сажени (6,48 м), вверху — 1 сажень (2,16 м), высота — 2 сажени с четвертью (4,5 м). Поверх города нарубили обламы, на которые положили «котки» — толстые бревна, что сбрасывались на штурмующего стены противника. Откосы вала для защиты от размыва дождями и выветривания обложили дёрном — плотным верхним слоем почвы, густо заросшим травянистыми растениями и скрепленным переплетением их корней. В городе поставили и отделали Соборную церковь во имя Сретения Пречистой Богородицы иконы Владимирской и церковь во имя Николая Чудотворца. Дополнительно, без государева указа, сделали съезжую избу и две государевых хлебных житницы. За рекой Волуем до Изрога на протяжении 4 вёрст поставили дубовые надолбы со связями. Они защищали от прихода крымских и ногайских татар посад, пашни и сенные покосы церковных и служилых людей. От Изрога до реки Оскола поставили надолбы с засекой на протяжении 1200 сажень (2560 м). За рекой Волуем на Проломном логу и на

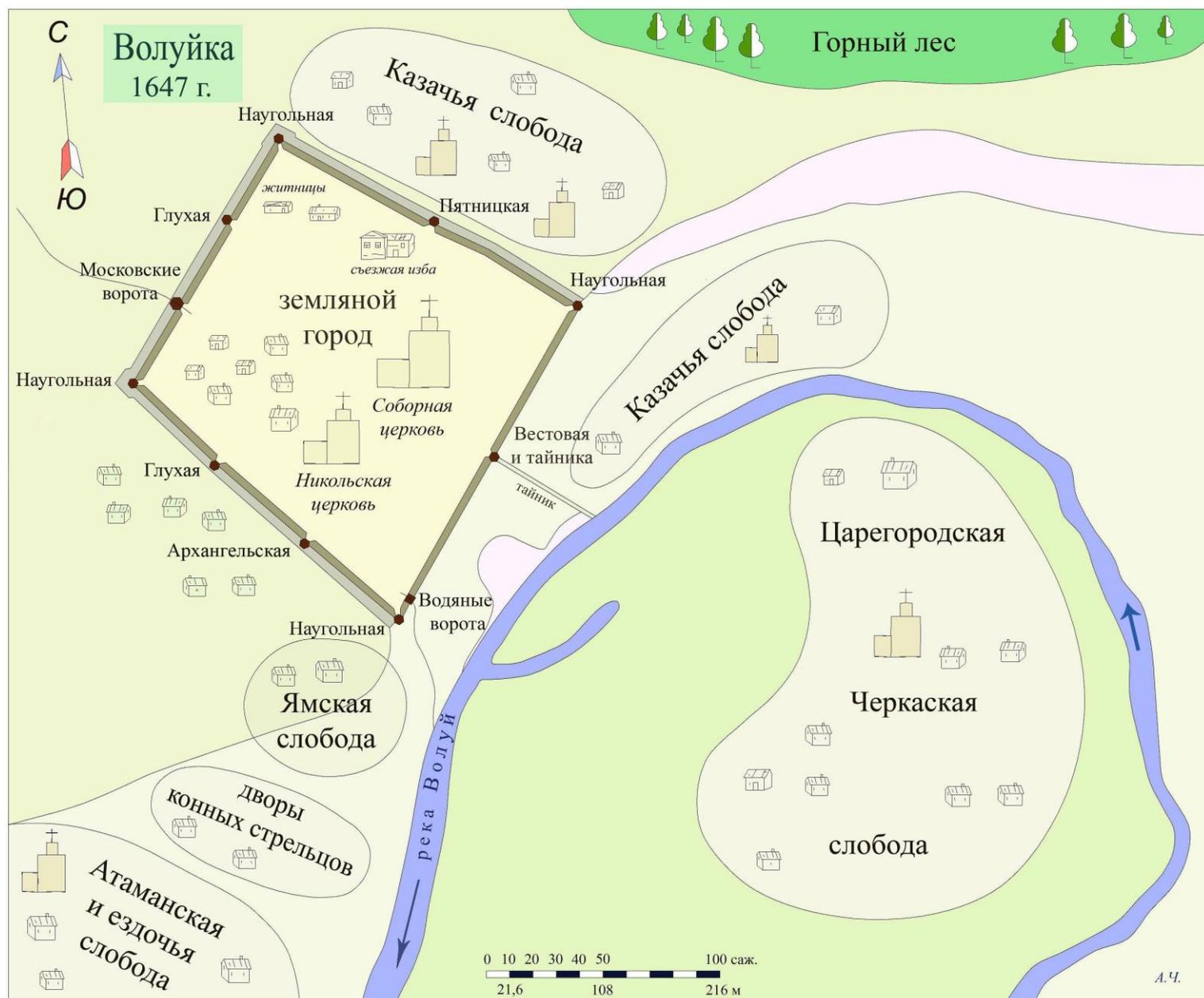

Рис. 15. План Волюйки 1647 года. Реконструкция автора

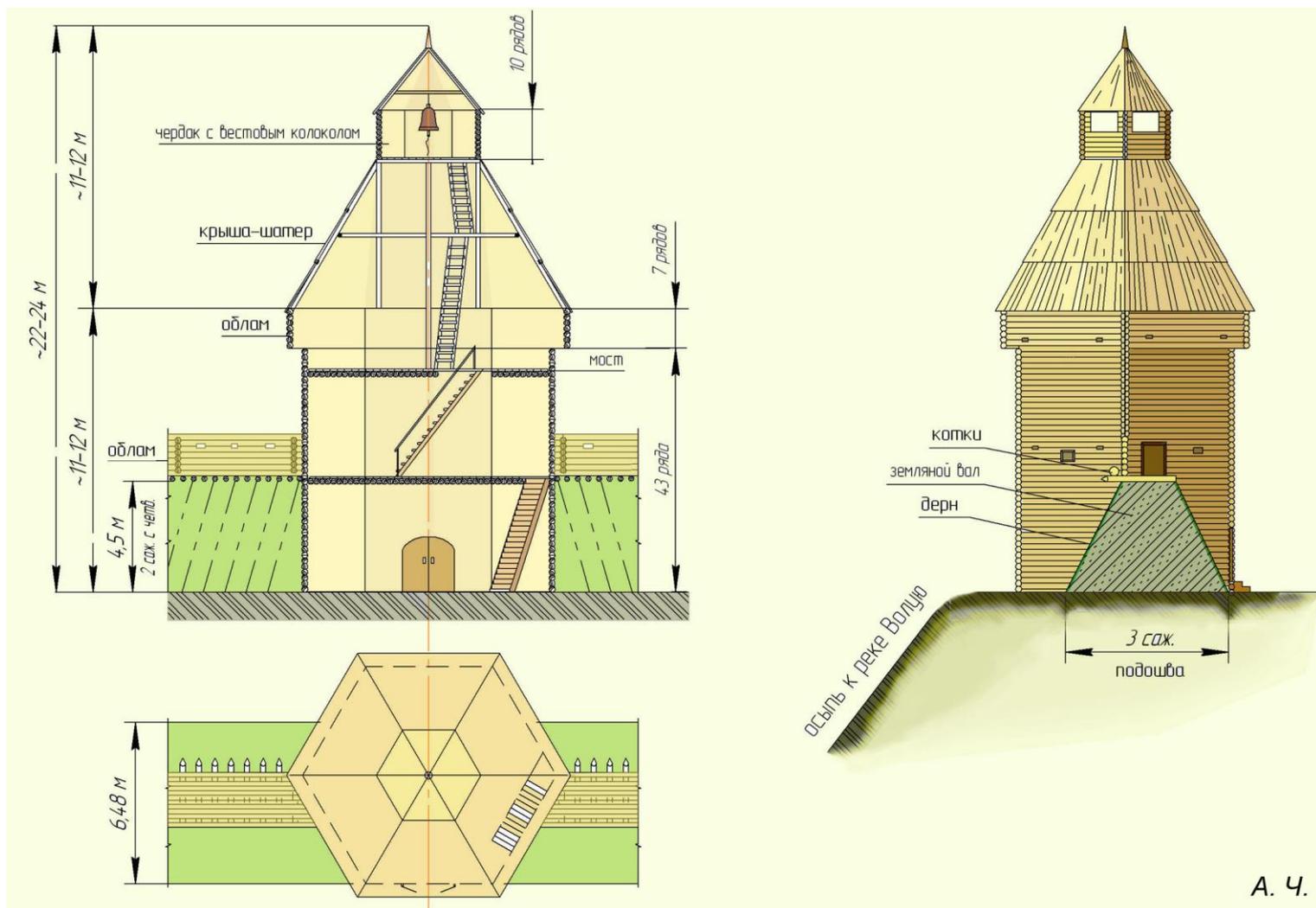

Рис. 16. Востовая башня Волуйки 1647 г. Графическая реконструкция автора

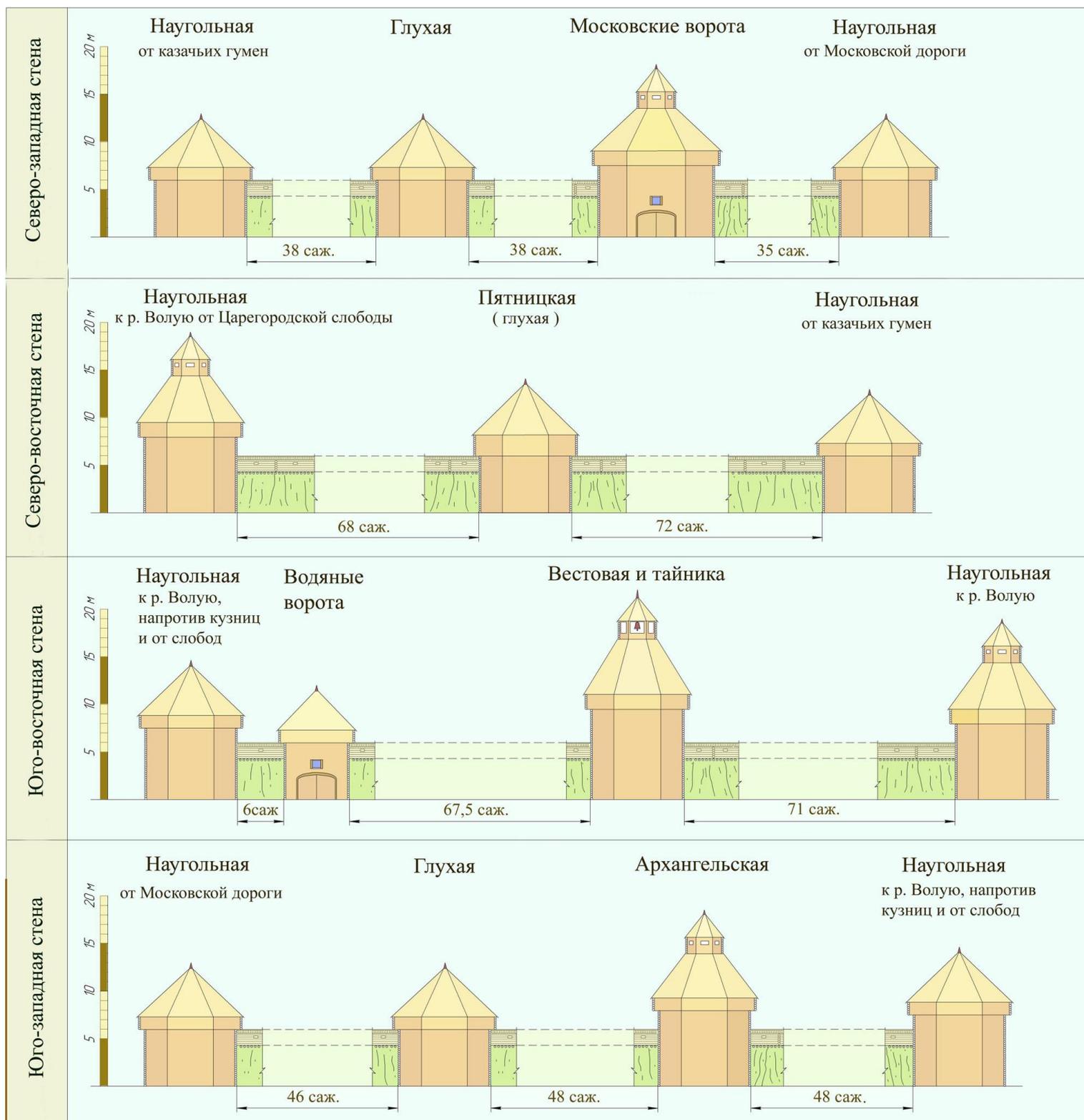

Рис. 17. Башни Волуйки 1647 г. Графическая реконструкция автора

В следующем, 1648 г., И.В. Алферьев строил город и полевые укрепления уже в Новом Царёве-Алексееве. Там поставили 6 вёрст надолб и 11 башен. Описание одной царёвоалексеевской башни дополняет наши общие знания об их конструкции: «Башня рублена в замок в 4 стены, а в ней промеж углов 3 сажени, от земли до мосту 18 рядов, от мосту до облатов 5 рядов, облатов 7 рядов, верх рублен шатром, на верху караульная клетка 9 рядов, башни и клетка покрыта, бои и двери сделаны»¹⁹². Не ясно, чем караульная клетка отличалась от чердака — возможно, чердак имел большие размеры, в нём размещался не один, а 2–4 человека. Примечательно, что верхний «мост» (пол) в башне находился на 4–5 рядов ниже облатов. Это обеспечивало стрелку безопасность и удобство. Отметим также, что «башня рублена в замок». Рубка «в замок» или «в лапу» — один из способов скрепления венцов сруба, которое делается на самом конце бревна, не оставляя хвостов, как при рубке «в чашу». Он более трудоемкий, но позволяет увеличить горизонтальные размеры сруба, либо использовать более короткие бревна. Видимо, об этом писали волуйчане, жалуясь, когда Иван Алферьев от заготовленных 3-саженных бревен заставлял их отсекать сажень и строить шестистенные башни.

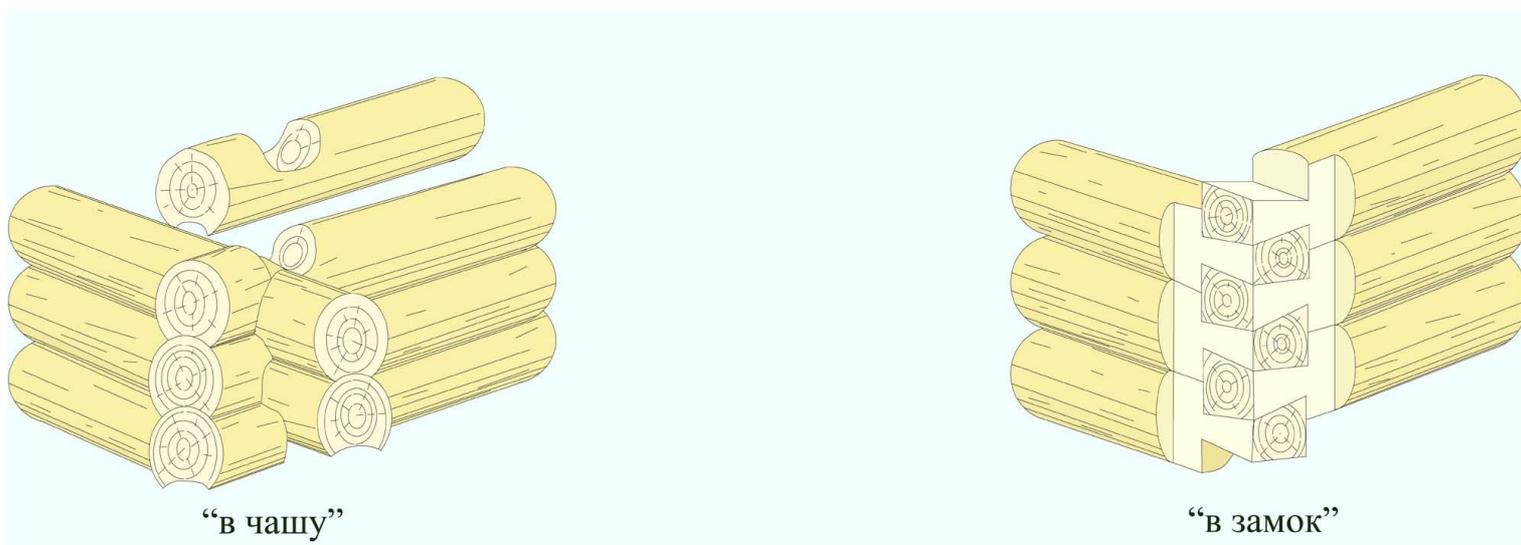

Рис. 18. Приёмы рубки брёвен. Графическая реконструкция автора

Любопытно, что башни «Московские ворота» Царёве-Алексееве и Волуйках были схожи, даже иконы на них висели одинаковые. Набожные жители Нового Царёва-Алексеева для «защиты» города дополнительно обставили иконами все ворота, вал, надолбы, на дверях и петлях написали кресты. Внешний вид суровых срубов могло бы скрасить художественное оформление башен. К примеру, при возведении шатровых кровель на Руси делали «полицу» — пологий скат у основания. Концы тесин на кровле и полице фигурно вырезали — это называлось «красный тёс». Но у волуйских башен этого не было.

После завершения строительства земляного города воеводе Ф.И. Байкову поступила грамота из Разряда с указанием провести учёт населения, расписать обязанности в службах, расставить пушечное вооружение по башням, пересчитать порох и свинец, деньги в казне. 13 октября 7156 (1647) г. воевода Ф.И. Байков провёл смотр всех волуйских людей. Малолетних сыновей (до 7 лет), братьев, племянников и внучат в списки не вносили. По результатам смотра налицо оказались:

у стрельцов и казаков голова Фёдор Алексеев сын Тяпкин,
станичных атаманов — 20 человек,
станичных ездовых — 107 человек,
конных и пеших стрельцов — 113 человек,
полковых казаков — 223 человека,
пушкарей — 40 человек,
затинщиков — 45 человек,
кузнецов — 1 человек,
ямщиков — 30 человек,
чернослободцев — 7 человек,
«поповых крестьян» — 5 человек,
монастырских крестьян — 7 человек,
черкас — 49 человек,
дьячков в приказной избе — 1 человек,
всего — 648 человек¹⁹³.

Немалую опасность во время строительства Волуйки и после составляли татары. Система обороны была ослаблена, так как люди занимались восстановлением города и своих домов. 12 июля степняки приходили на заоскольские поля, с ними был бой¹⁹⁴. 8 августа с Изюмской сакмы в устье речки Козинки появилось около 50 татар, они взяли в плен сына станичного атамана Воронова. Воевода Байков докладывал в Разряд: «А в приход под город воинских людей мне из города выходить не с кем, Иван Алферьев твоих государевых волуйских людей от городского дела со мною не отпускает»¹⁹⁵. В другой отписке Байков сообщал: «В нынешнем, во 156 (1647) году октября в 10 день, за 2 часа до вечера, приходили воинские татаровя от речки Полатовой на устье речки Мосея, человек с 50 и больше. А взяли те татаровя волуйских черкасских детей да братью и племянников 5 человек, ездили они по бревенья на городское дело». На что Москва указала: «И впредь для бревен ездить человек по сту, а меньшими людьми не ездить; и написать полоняников в книгу»¹⁹⁶. В начале ноября воевода писал в столицу, что татары под городом появляются ежедневно, причем ходят они «в войну» из посольства в Разменном городке на реке Ураевой. 6 ноября на устье речки Мосея у Березового брода татары взяли в плен 5 волуйчан, ездивших за сеном на речку Полатовую и 5 детей-подростков, пасших домашний скот. 11 ноября на Другом Березовом Сазоне степняки пленили трёх человек. Из Москвы послали грамоту к окольному на размене, чтобы он потребовал от крымского посла найти в лагере пленных волуйчан и отпустить. Если же посол отдать пленников не захочет, то велено их выкупить за 100–200 рублей или даже больше. Причем деньги эти взять с волуйского воеводы¹⁹⁷.

В Москве были недовольны службой Фёдора Байкова. В декабре 1647 г. стрелецкий и казачий голова Фёдор Тяпкин получил грамоту, по которой ему было велено «при многих людях» у приказной избы объявить про вину воеводы, как он от «татарских войн не оберегался, горожан летом на сенокос, на жатву и в лес, а зимой за сеном и за дровами отпускал малыми людьми». По

царскому повелению за непринятие мер к охране города и людей от татар, взявших 6 и 11 ноября в плен 14 человек, было приказано воеводу заключить на неделю в тюрьму¹⁹⁸.

Летний пожар 1647 г. показал опасность плотной городской застройки. Тем не менее, по государеву указу всех служилых людей обязали селиться в городе. Под один осадный двор стольник И. Алферьев выделил земли размером 4 на 5 сажень (8,6 x 10,8 м) и служилые люди жаловались в челобитной о большой тесноте. После пожара они продолжали жить по «овинам» и «ямам». Волуйчане писали, что в городах Усерде, Царёве-Алексееве, Яблонове, Короче их братья и служилые люди живут около города слободами, а для осадного времени у них в крепости поставлены клетки. Они просили государя разрешить им селиться так же¹⁹⁹. 23 февраля 1648 г. из Москвы воеводе И.Ф. Голенищеву такое разрешение пришло, а в городе указано поставить клетки с запасами и по одной избе на пять человек²⁰⁰.

Следующий 1648 г. выдался в Волуйке вновь жарким и засушливым, до 31 мая не было ни одного дождя. Рожь не всходила, а яровые засохли. В это время из Москвы в соседний город Новый Царёв-Алексеев (Новый Оскол) государь прислал животворящий крест Господень «со многими целебными мощами». Волуйчане обратились к воеводе Царёва-Алексеева с просьбой дать им крест для молебна. Тот отпустил святыню с мощами в Волуйку, вместе с провожатыми. Крест принесли в город 31 мая. Несколько дней спустя Алферьев отписал государю, что волуйчане встретили крест с «великою честью ..., и молебны в Соборной церкви пели о твоём государском многолетнем здоровье, и о дожде Бога молили, и воду светили, и круго города ходили. И как де почали петь обедню, и в то время милостию Божию пришол дождь. И с того числа июня по 5-е число дождь лил безпристанна»²⁰¹. После свершившегося Чуда, долгожданного дождя, крест с мощами вернули обратно в Новый Царёв-Алексеев.

Земляной город в последующие годы

Земляная насыпь города оказалась непрочной. Об этом в своё время волуичане предупреждали стольника И. Алферьева. Весенние паводки и летние дожди размывали вал, и он начал осыпаться. В декабре 1650 г. волуйский воевода Михаил Дмитриев получил грамоту из Разряда о заделке «худых» мест у города. После воевода отчитался, что до пашенной поры волуичане обставили дубовыми брёвнами длиной 3,5 сажени, с земли до облам, 368 сажений (795 м) городского вала, на пору после пашни осталось обставить ещё 190 (410 м)²⁰². Обкладывалась лесом вначале внешняя сторона вала. В 1652 г. волуйский воевода Данила Яковлев писал в Разряд, что земляной город обвалился во многих местах и внутри. Он обложил 190,5 сажений (411,5 м) вала дубовыми брёвнами, но ещё не доделал 341 сажень (736,5 м)²⁰³. Так постепенно внешний и внутренний откосы земляного вала были защищены от размыва и осыпания.

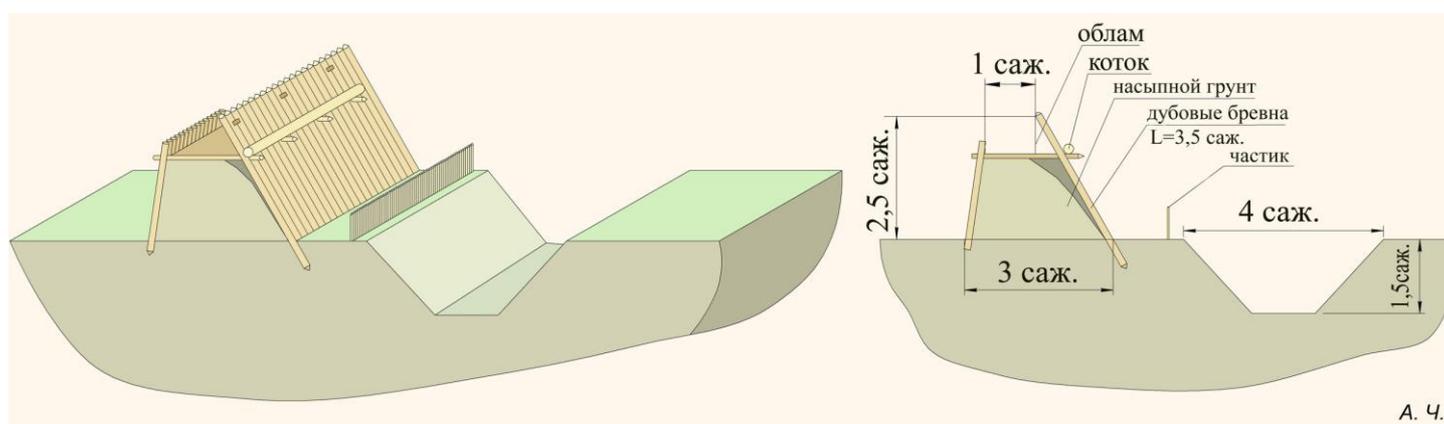

Рис. 19. «Земляной город» после обкладки бревнами. Реконструкция автора

В 1654 г. новый воевода Василий Фефилатьев в отписке государю о приёме Волуйки сообщал, что город земляной «ослонён» дубовым лесом, боёв и обламов нет, ров осыпался. Тайник в городе один, до реки Волуя, длиной 45 сажений, ширина тайника 2,5 сажени (в трёхаршинную сажень). Дворов немного: атаманов и ездовых — 16, казачьих — 15, конных стрельцов — 4, пеших стрельцов — 7, пушкарских и затинских — 12, гулящих людей — 9,

житниц — 21. Запасов для осадного времени в городе нет²⁰⁴. После пожара 1647 г., наученные горьким опытом, волуичане предпочитали жить слободами за пределами крепостных стен.

В 1658 г. из Белгорода от окольного и воеводы, князя Г.Г. Ромодановского волуичанский воевода Иван Языков получил указ готовиться к осаде, крепости городские и около города отремонтировать и жить «с великим береженьем». Языков доносил в Разряд, что волуичане изб и клетей в городе не ставят, запасов для осадного времени не возят. Слободы находились от города в полуверсте, а Ездочья слобода — в версте. Многие люди всяких чинов с жёнами, детьми и животиной вообще живут по пчельникам, указа государева не слушают и в город жить не идут. Тайник от реки Волуя старый, обвалился, сруб сгнил и полон водой. Ров около города осыпался и зарос, люди и скотина свободно ходят через него. По приказу воеводы волуичане вычистили тайник, поставили новый сруб и провели питьевую воду, выкопали заново ров глубиной 4 сажени (8,5 м), во рву и у основания поставили «честик дубовой». Государь Языкова похвалил: «То добро, что делал однолично с товарищи»²⁰⁵.

Несмотря на строгие меры по бережному обращению с огнём, пожары в деревянной Волуике по-прежнему случались нередко. Воевода Юрий Наумов доносил государю Алексею Михайловичу, что ночью 31 мая 1668 (1660) г. «по воле Божьей» сгорело в Казачьей слободе у полковых казаков 60 дворов, а также церковь во имя Страстотерпца Христова Георгия и предел святых мучеников Флора и Лавра. Казачья слобода стояла близко к городской стене, около 10 сажень (21 м). От перекинувшегося через стену огня загорелся «житный двор» с хлебными запасами и жилые дворы во многих местах. «И милостию Божию и твоим, великого государя, счастьем твой государев город Волуика и житной двор с твоими государевыми хлебными запасы и жилые дворы убережены», — писал потом воевода. Новую Казачью слободу отнесли от городской стены на 30 сажень (65 м). Казаков после пожара освободили от службы для постройки своих дворов²⁰⁶. Но близко к воеводскому двору и к

городовой стене остались стоять «житный двор» и пороховой погреб. Об их переносе на более безопасное расстояние воевода запрашивал Москву²⁰⁷.

Подробное описание города приведено в «рописном списке» воеводы Конона Лодыженского от 30 июля 1676 г. Его текст с малыми изменениями повторялся далее во всех городских книгах вплоть до конца века. «Л. 45. Город Волуйка земленой, ослонен по обе стороны дубовым лесом. Вышина городу пол трети сажени, в подошве трех сажен, в своде сажени. Поверх города нарублены обламы, а на обламах котки. А ослон с обе стороны, и обламы, и котки во многих местех починены новым лесом. А построен город Волуйка на реке Волуе с Крымскою стороны. А в котором году построен и тому строелных книг на Волуйке в приказной избе не сыскано потому, что в Литовское разорене всякия писмье утерялись и старожилов нет. А мерою кругом всего города меж башен стен пятсот восемьдесят три сажени. А в городе две проезжие башни с ворота — от Московского проезду да от реки Волуя. Ворота по две сажени, затворяют два затвора. Третья наугольная башня с калиткою от Козачей слободы для проходу пеших людей. Глухих — восемь башен, рублены в дубовом лесу в шесть стен. И у тех у всех башен кровли нет, и верхи огнили и обаялися, толко на дву башен верхи. Ров около городу — глубина полторы сажени, ширина четыре сажени. Тайник построен в дубовом лесу, утаен землю, приведен из города к реке Волую, и колодез в берегу реки Волуя, струб вставлен дубовой. И вода в том колодезе есть. А в городе колодезей нет»²⁰⁸. Как видим, в росписи указан новый периметр города, 583 сажени (1259 м). Сомнительно, что за счёт обкладки бревнами длина стен по сравнению с 1647 г. увеличилась на целых 46 сажений (99 м). Возможно, длину посчитали с учётом охвата башен, а записали «меж башен стен». В последующие годы мы увидим, что периметр города не будет постоянным. Являлись ли эти изменения результатами фортификационных работ или ошибкой землемера, выяснить не удалось.

В декабре 1677 г. от государя Фёдора Алексеевича был указ на «городовое достольное строенье». Текст самого указа не сохранился. Зимой

служилые и всяких чинов жилецкие люди вывезли «по розвытке» 128 столбов и 1154 бревна длиной 3 сажени, в отрубе 5 вершков, — на стенной «ослон». Воевода Конан Иванович Лодыженской и голова Иван Каторжной также участвовали в заготовке леса. В приказной избе служилые и жилецкие люди говорили воеводе: «В прежнем городе, которой основан, и в осадных крепостях в приход воинских людей быть нам мочно безстрашно и оборонно. А иных ос[адных] крепостей к тому городу прибавить немочно пот[ому], что и прежней город, которой ныне основан, в осад[ное] время толька вмочь нам осадить для того, что малоллюдно, и тот прежней город во многих местех мы починили. А которое городовое строенья недостроено, <...> и достольное городовое строенья мы достроим». Тайник к тому времени весь «огнил и оболялся». В дальнейшем его не восстанавливали. Кроме того, обвалились верхи башен, очевидно построенные московскими стрельцами в 1647 г. Крыть же их было некому, так как хороших плотников в Волуйке нет, так что новыми тесовыми крышами башни крепости обзавелись только в начале 1680-х гг. В мае 1678 г. воевода получил из Москвы грамоту с приказание жителям города после пашенной поры доделать оставшиеся строенья «от неприятельского наступленья и от приходу воинских и воровских всяких людей... И чтоб в том городовом деле вызбылых не был ни один человек»²⁰⁹.

После весеннего татарского вторжения 1713 г. воронежский губернатор Апраксин приказал волуйскому коменданту Мякинину в очередной раз отремонтировать крепость и опять силами местных жителей. Волуйчане до начала зимы построили 4 новые угловые башни, в них расставили пушки. На двух стенах сделали «загрудный бой» (бруствер) с одним «банкетом» — ступенькой для размещения стрелков. На третьей стене бруствер сделали наполовину, на четвёртой — только начали. Выровняли и подсыпали землёй вал, вычистили ров и обили «фашинами»²¹⁰.

В июне 1729 г. Верховный тайный совет выпустил указ о починке нерегулярных крепостей, состоящих в слободских полках. После обследования

генерал–квартирмейстер лейтенант Штофель представил в Харькове князю Михаилу Голицыну чертежи пограничных крепостей Валук, Полатова и Усерда Белгородской губернии. В описи, составленной Штофелем, сообщалось: «Город Валуйки имеет крепость токмо что обставлена полисадом. А по мере-де она крепость сажень — 561». Для замены ветхих, старых «палей» (брёвна для обкладки вала) со «связями», «рогатками» и «спицами» по его плану требовалось 6200 брёвен длиной 10 аршин (7,2 м). Нуждались в ремонте и 4 городские башни. Для заготовки леса необходимо было привлечь 200 человек с лошадьми, на плотницкие работы — 200 человек с топорами и своим инструментом, для чистки рва — 500 человек с «заступами», лопатами и мешками. Все работы силами уездных людей планировалось завершить за месяц. На оплату труда требовалось в общей сложности 1650 рублей²¹¹.

По всей видимости, ремонт валуйской крепости произведен не был. Вот что сообщалось в 1732 г. в рапорте Белгородской провинции Киевской губернии, адресованном в Военную коллегию: «Город Валуйки построен подле реки Валуй. По мере вокруг того города городской стены с башнями 600 сажень. К тому городу был учинен тайник к реке Валую. Да за рекою Валую около Панской слободы учинен был земляной вал. И ныне, по осмотру, городской острог, башни и в башнях мосты огнили и обвалились. Тайник и земляной вал осыпались... А по смете в том городе для городского строения надобно лесу 6000 бревен и работных людей 1000 человек»²¹².

Шли годы. Средства на содержание и ремонт крепости не выделялись. Началось медленное, но неизбежное разрушение всех строений. Воевода Съединов решил воспользоваться сенатским указом 1759 г. о разборе старых крепостей. По его распоряжению в журнал воеводской канцелярии заносится полный текст этого указа, а ниже его записывается решение от 23 февраля

1765 года: «...разобрать крепостные башни и ворота, кои почти совсем обвалились, и из потолков, мостов и прочего выбрать несколько способного дерева к строению колокольни». Существование крепости прекратилось, и все истлевшие деревянные конструкции вскоре исчезли. Только мощный земляной вал ещё много десятилетий сопротивлялся разрушительным силам природы и человека, напоминая жителям города о ратной жизни их предков²¹³.

Привязка плана крепости к современной местности

Официальные раскопки на месте Валуйской крепости никогда не проводились, как памятник истории она не стоит на учёте и не охраняется законом, границы укреплений определены лишь приблизительно. Поэтому попробуем установить точное месторасположение последней Валуйской крепости.

На сайте Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в разделе «Уникальные единицы хранения» размещён «Чертеж земель в окрестностях г. Валуйки за рекой Осколом в Валуйском уезде» 1687 года²¹⁴. Ценность документа в том, что он содержит самое древнее графическое изображение города (см. рис. 20). Крепость на рисунке показана упрощенно, без соблюдения пропорций и масштаба. Две башни, очевидно, нарисовали по ошибке, они не раскрашены. Земляной вал между башен, обставленный брёвнами, больше походит на острожную изгородь. Ров с трёх сторон города никак не отмечен. Естественно, для вычислений и выполнения реконструкции плана этот рисунок не годится. Тем не менее, он даёт общее представление о расположении города, пригородных слобод, церквей.

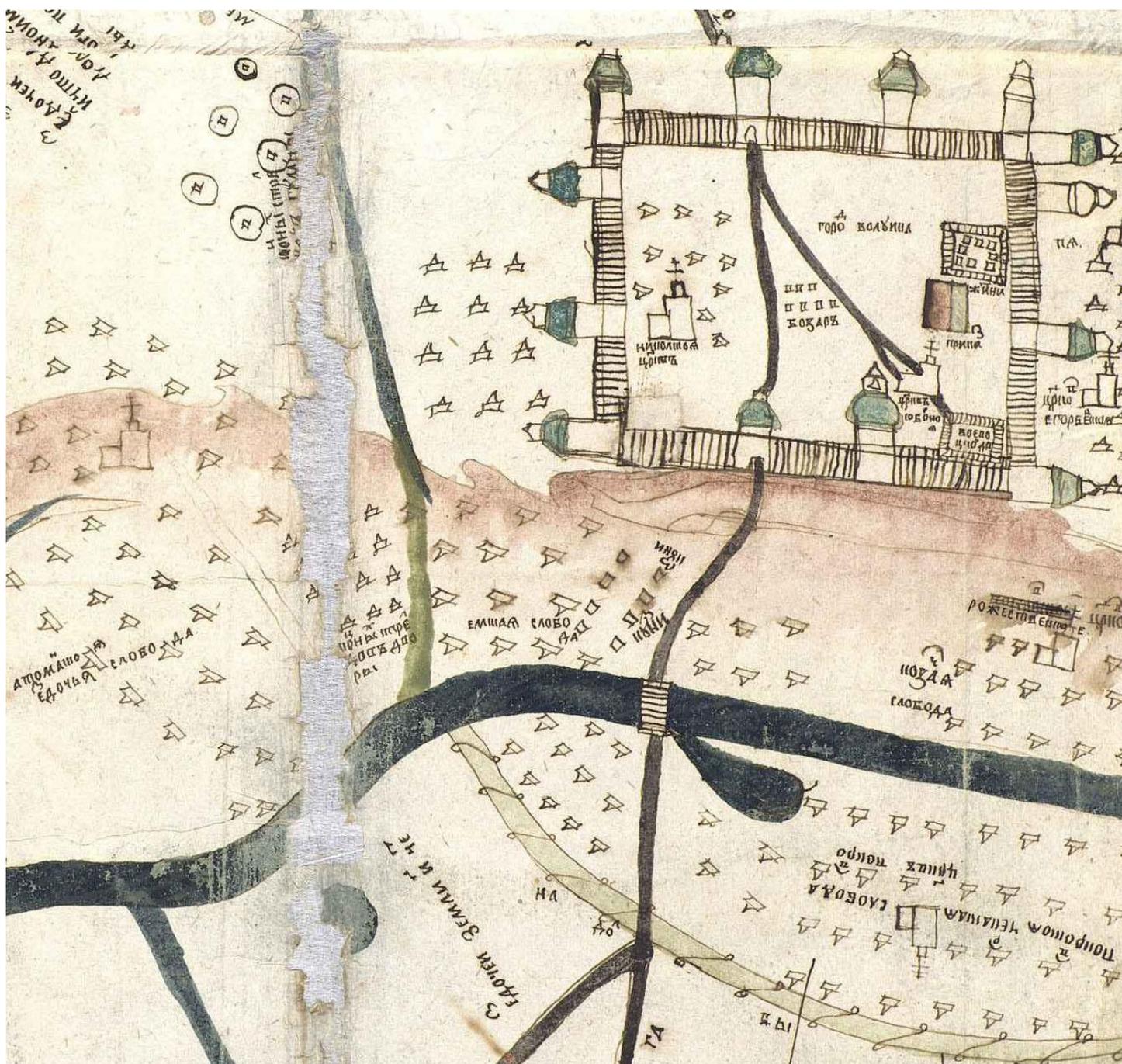
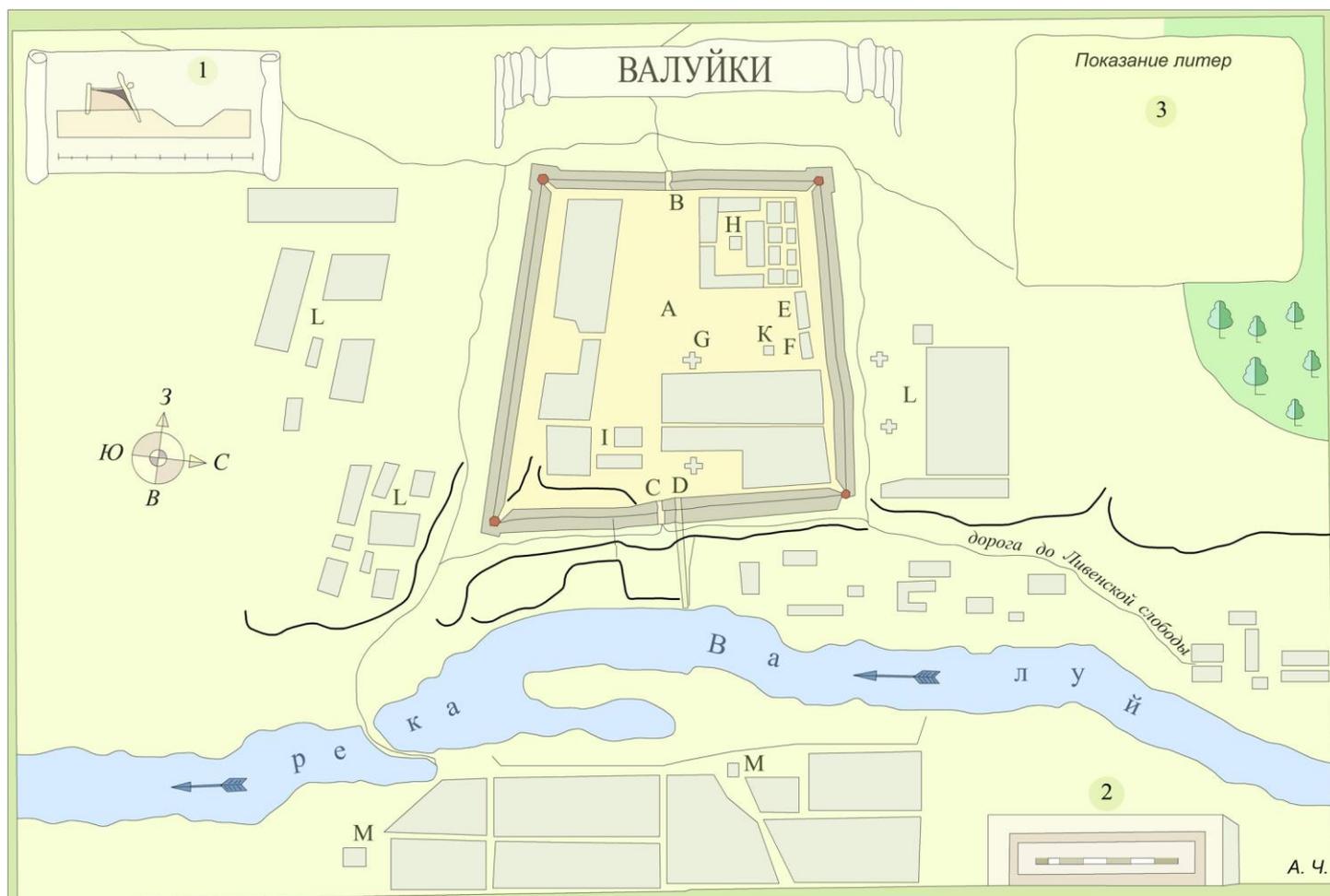

Рис. 20. Фрагмент «Чертежа земель в окрестностях г. Валуйки за рекой Оскол в Валуйском уезде»
1687 г. (РГАДА)

Сохранились планы Валук первой половины XVIII века. На одном из них видно, что крепость по форме напоминала неправильный четырехугольник (см. рис. 21). Башен всего четыре, по углам. Очевидно, это те башни, которые заново поставили в 1713 году. Остальные за ветхостью, видимо, разобрали, а

стены в промежутках соединили. С трёх сторон крепость защищал ров, он показан на разрезе. Выполнить привязку данного плана к современной карте затруднительно. Важный ориентир — река, показана большей частью условно и не соответствует реальному руслу. Никакие же другие ориентиры до нашего времени не сохранились.

Надписи на плане:

1 - Профиль к трем городским стенам а, в, с. Масштаб 70 фут.

2 - Масштаб 50 сажень

3 - Показание литер

А - Валуйская городская крепость

В - Московские ворота

С - ворота от стороны реки Валуя

Д - тайник или ход до воды

Е - канцелярия

Ф - магазины

Г - соборная церковь

Н - дом воевоцкой

І - торговые лавки

К - казенный погреб

Л - слободы однодворцев

М - большая слобода за рекою

Рис. 21. План крепости Валуйки и окрестностей 1740 г. Реконструкция автора²¹⁵

На не датированном плане г. Валук и окрестностей, сделанном инженером капитаном-поручиком Стоговым, изображены крепость и слободы с огородами (см. рис. 22).

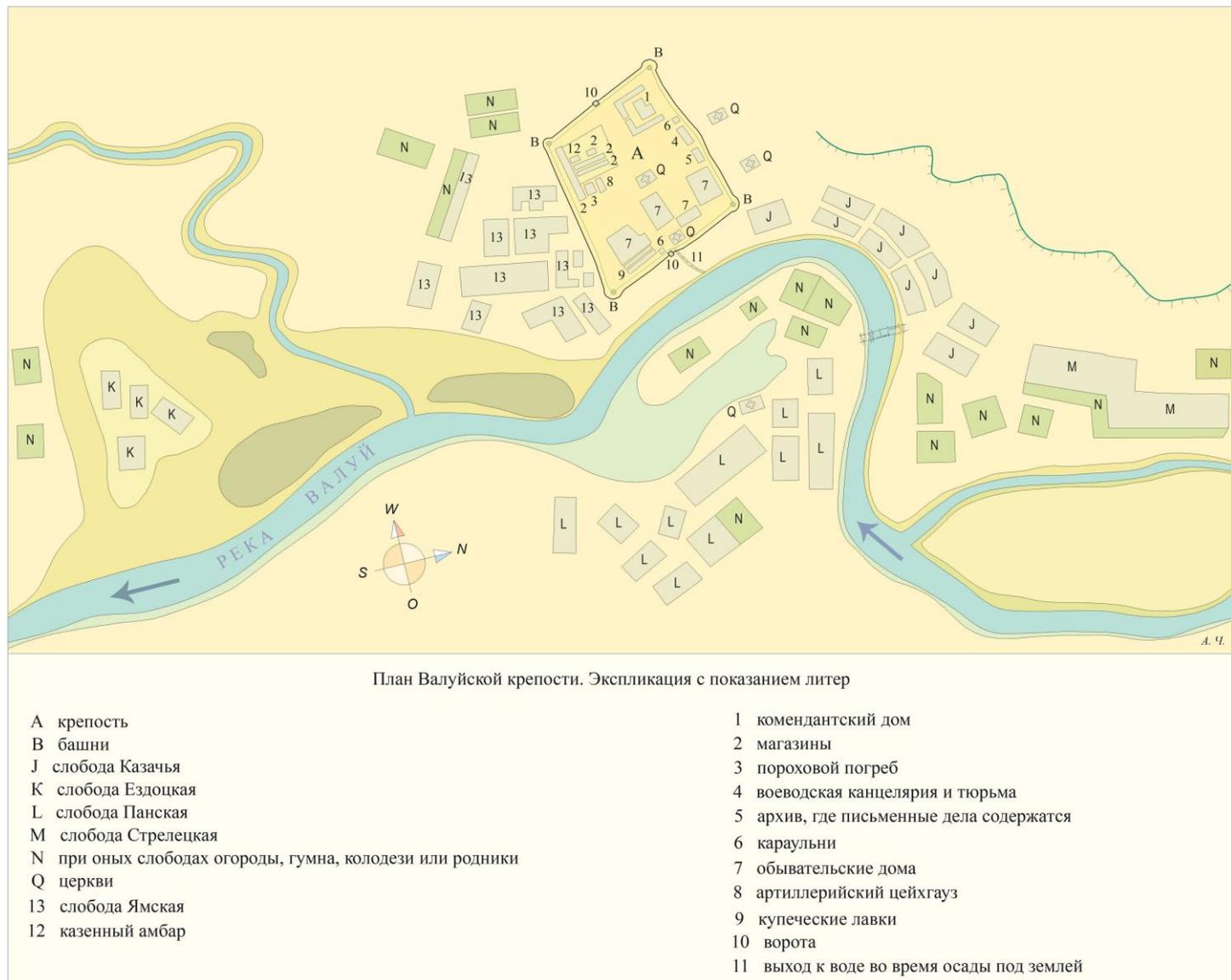

Рис. 22. План г. Валуйки и окрестностей, сер. XVIII в. Реконструкция автора²¹⁶

На «Плане Воронежского Наместничества городу Валуйкам 1786 г.»²¹⁷ нанесены контуры крепости и окружающих построек. Большая ширина и нечёткие границы крепости говорят о том, что земляной вал и ров к тому времени осыпались и были уже едва заметны. Попробуем наложить план на спутниковую карту (рис. 23). Улицы и кварталы планировки XVIII в. в целом

соответствуют местоположению улиц и кварталов современного города. Русло реки и верхний мост совпадают почти идеально. Река Валуй раньше была полноводней, в наши дни она существенно обмелела, сузилась, берега поросли камышом и густым кустарником. Некоторые расхождения современной карты с планом 1786 г. конечно имеются, строительство и перепланировки в городе за два с лишним столетия внесли свои коррективы. На получившейся схеме видно, что перед кинотеатром на улице Степана Разина стояла соборная церковь, рядом с краеведческим музеем — храм Николая Чудотворца, в южном углу городского сада, у типографии, - третья церковь. Вдоль современного здания школы №1 проходила северная стена крепости.

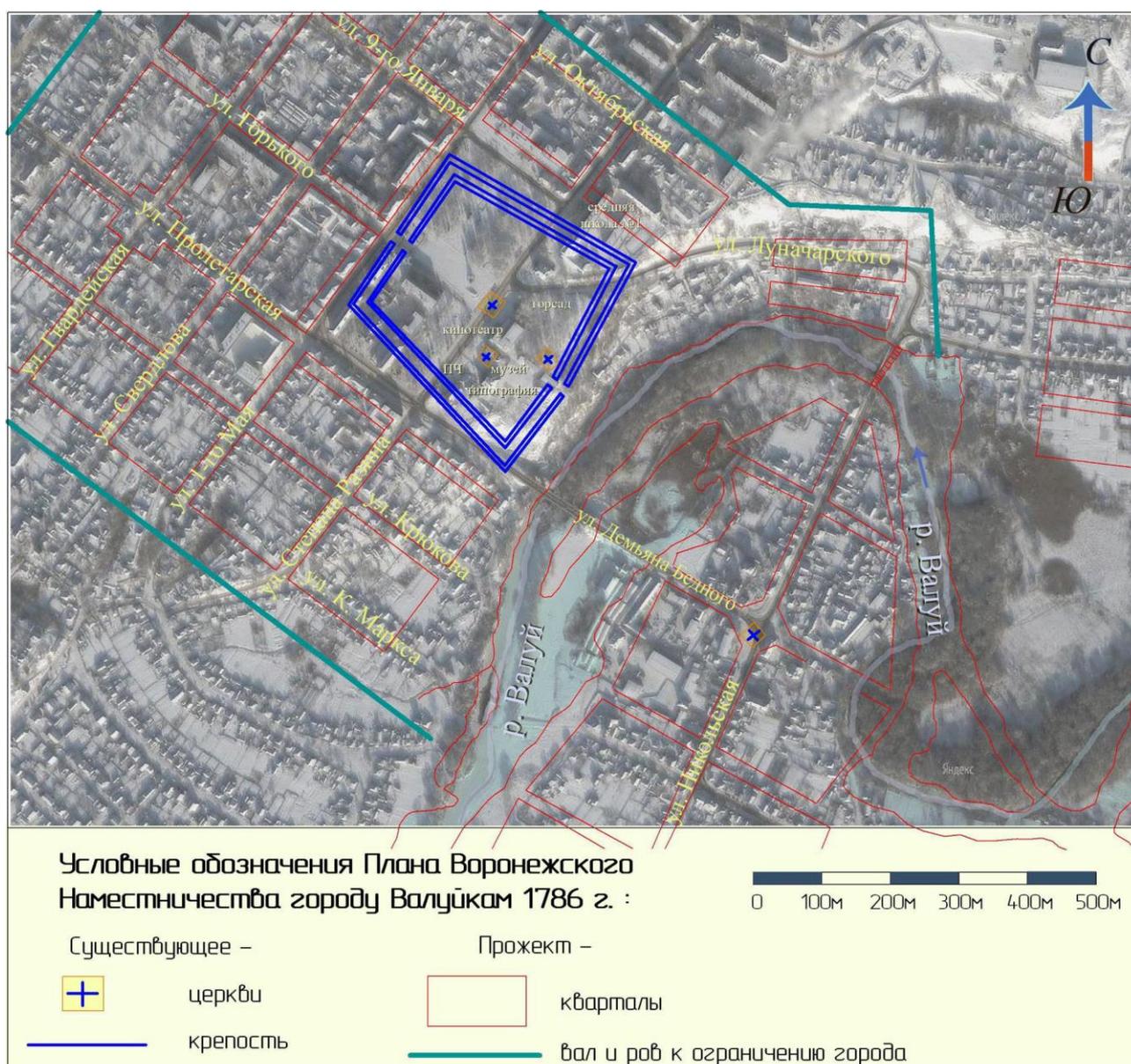

Рис. 23. Схема по данным «Плана Воронежского Наместничества городу Валуйкам 1786 г.», наложенным на спутниковый снимок. Реконструкция автора²¹⁸

Почти сорок лет назад попытку определить месторасположение крепости предпринимал преподаватель педучилища и краевед М.И. Карагодин со своими студентами. Из его публикаций в валуйской газете «Звезда»²¹⁹ узнаем, что в 1975 г. при рытье котлована под здание кинотеатра был обнаружен фундамент «дома Петра I». Это был небольшой домик священника Прокопия Зиновьева, в котором осенью 1695 г. проездом во время Азовских походов останавливался царь Петр Алексеевич. Домик до 1830-х годов переходил от владельца к владельцу и несколько раз перестраивался. Многие горожане неоднократно ходатайствовали о приобретении домика в собственность города и сохранении его «на память отдаленного потомства». В 1872 г. «все Валуйское общество» приняло решение о выкупе домика. Для защиты от дождя и снега над ним возвели деревянный павильон. Вокруг посадили городской сад для отдыха и общественных гуляний. Краеведы педучилища произвели раскопки и измерения на месте строящегося кинотеатра. В результате исследований они убедились, что размеры вскрытых при строительстве фундаментов точно соответствуют свидетельствам старожилов и чертежам домика с павильоном. Эти чертежи были выполнены старым валуйским техником-строителем Куничевым, а сохранены и переданы Белгородскому краеведческому музею пожилой валуйской учительницей К.В. Браиловой. В 1930-е годы «домик Петра» сгорел.

Примерно в то же время, при рытье котлована под вспомогательное здание между горсадом и типографией, было обнаружено захоронение — девять могил. Все погребенные были взрослыми людьми различного возраста, предположительно мужчины. Сохранившаяся волосная коса, вероятно, принадлежала священнику. Строители также нашли два бронзовых нательных крестика. В погребение вместе с землей попало значительное количество древесного угля. Значит, незадолго до этого был большой пожар, или же пожар

и гибель людей произошли одновременно. Обряд, инвентарь, сохранность костей и прочее определенно связывает находку с Валуйской крепостью. Вероятно, захоронение — это небольшое церковное кладбище. На планах XVIII в. как раз в этом месте показана церковь.

У типографии до сих пор сохранились фрагменты земляного вала. В этом месте стояла Востовая башня, от которой отходил «тайник» — замаскированный ход к колодцу у реки. Восточная крепостная стена тянулась далее прямо над крутым склоном правого берега реки Валуй, вдоль горсада к улице Луначарского. На вершине горы стояла наугольная башня, от неё по тропинке люди спускались к реке. Когда крепости не стало, гору разрыли и проложили широкую проезжую дорогу. От угловой башни начиналась северная стена крепости. Её направление удалось зафиксировать по следу широкого рва, являющегося составной частью крепостного укрепления. В 1975 г. в районе школы № 1 и улицы Степана Разина шло строительство отопительной и газовой системы. Внешний ров крепости, проходивший параллельно стене, был прорезан строителями в двух местах. Таким образом удалось определить, что крепостная стена шла вдоль южной стороны школы в нескольких метрах и уходила далее по направлению главной аллеи городского парка. Современное здание средней школы № 1 было построено в 1981 году. Значит, в 1975 г. земляные работы могли вестись только у старой, так называемой «Белой школы». По результатам археологических исследований нами выполнена привязка Валуйской крепости начала XVIII в. к местности (рис. 24). Расхождение с первой привязкой (рис. 23) составляет около 20 м. Для установления более точной топографии крепости необходимы дополнительные изыскания.

Рис. 24. План крепости Валуйки 1740 г., наложенный на современную карту города.

Реконструкция автора

Рис. 25. Фото Валуек начала XX века. Коллаж автора

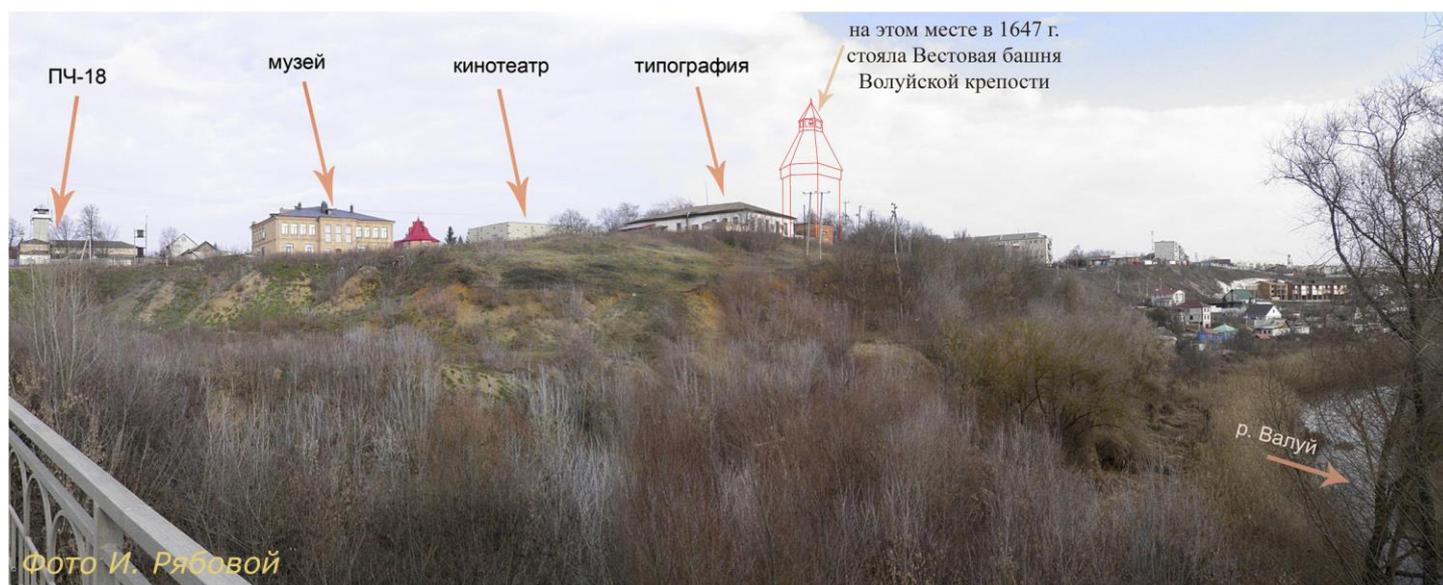

Рис. 26. На этом месте стояла Волуйская крепость. Коллаж автора, фото И. Рябовой, 2014 г.

Рис. 27. Вид Валоек с птичьего полёта. Фото Б. Селиванова, 2014 г.

ГЛАВА 5. СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ, СТРУКТУРА И ОБЯЗАННОСТИ СЛУЖБ

Состав населения

Жителей Волуйки XVII в. можно условно разделить на служилых и жилецких людей (см. Табл. 7).

К людям городской службы относились:

конные стрельцы — 1, 2 «пятины»: стрелецкий и казачий голова, пятидесятники, десятники, рядовые;

конные или полковые казаки — 1, 2, 3, 4 «пятины»: пятидесятники, десятники, рядовые;

пешие стрельцы — пятидесятник, десятники, рядовые;

пушкари и затынщики — пятидесятник, десятники, рядовые;

станичные атаманы и ездоки (с 1625 г.) — 24 станицы, в каждой по атаману и 5 ездоков;

черкасы (с 1639 г.) — атаман, десятники, рядовые;

ямские охотники (ямщики) — староста, ямщики, половинщики.

Дети боярские в городских именных списках появились в конце XVII века: Г.А. Торопов, Т.П. Савостьянов, П.И. Нарыгин, Р.Ю. Юрков, А.Ф. Смоленев, П.И. Ребинин, Т.М. Дронов, Я.А. Сафонов. Они не являлись детьми боярскими по происхождению, а были потомками служилых людей «по прибору». Гаврила Аврамов сын Торопов в 1701 г. записан как первый дворянин города. С 1670 г. в Волуйке жили люди полковой службы — рейтары, солдаты, драгуны белгородских и московских полков. К «жилецким людям и всяким людям порознь» относились: чернослободцы — тяглецы Чёрной слободы, «гулящие люди» (вольнотпущенные или беглые крестьяне, посадские и прочие люди), вдовы, монастырские крестьяне, попы и церковный причет, торговые люди.

Таблица 7. Население Волуйки в XVII веке

Наименование социальной группы	Число человек в группе/их дети, братья, племянники и свойственники								
	1614	1626	1630	1633	1645	1655	1676	1681	1697
Полковые казаки	270	285	223	200	224	212/211	179/230	174/181	155/152
Конные стрельцы	154	151	132	94	100	73/61	85/96	86/79	98/112
Пешие стрельцы	100	72	70	48	40	30/41	51/57	49/44	25/19
Станичные атаманы и ездоки	-	24 120	26 120	21 100	24 120	137/131	137/195	144/153	36 180/291
Пушкари и затинщики	50 50	50 50	39 24	48	100	61/39	68/59	68/76	52/40 42/48
Ямские охотники	20	20		14	20	20/21	20/67	20/56	20/120
Черкасы	-	-	-	-	79	47/24	45/42	54/52	66/74
Кузнецы и плотники	1 1	1 1	3	?	1	1/2	1	1/2	4/1
Чернослободцы	?	23	?	11	8	?	?	?	?
Гулящие люди	?	13	?	?	?	40/4	?	?	?
Вдовы	?	13	?	?	?	?	?	?	?
Монастырские крестьяне	?	?	?	10	?	8	?	?	?
Дети боярские	-	-	-	-	-	-	-	-	5/7
Рейтары	-	-	-	-	-	-	93/162	44/95	35/72
Солдаты	-	-	-	-	-	-	-	86	22/21
Недоросли	-	-	-	-	-	-	-	-	22/13
Всего	646	774	675	566	716	622/513	678/908	726/738	762/970

Пополнение служб. Служба являлась пожизненной и наследственной повинностью. Основные причины выбытия из неё — плен, «пропал безвечно», болезни и увечья, старость, «побиты и собою померли», переход в станичную службу, в рейтары или солдаты, дезертирство. На свободные места в стрелецкой и казачьей службах, как и в других, воеводам предписывалось брать в первую очередь детей, братьев, племянников и свойственников ратников, «которые из них в службу успели, лет по 15 и более, и государево жалованье, отцовские земли за ними есть, и в доспех их брата по 2 и по 3, и из тех из семьянистых по одному человеку, которые в службу годятся, написать в службу; а которые малы, в службу не успели и которые неодинокими живут в доспех по одному человеку, и тех в службу не писать, для того, чтоб им домов своих и пашен не отбыть»²²⁰. Призывной возраст наступал с 15, после 1649 г. — с 18 лет. Но вступать в службу могли и в 35–40 лет, когда освобождалось «вакантное» место. Городовые службы часто были недоукомплектованы. Жалобы на урон и малолюдство в рядах постоянно присутствовали в челобитных о жаловании.

Личные данные. В съезжей избе всегда находился именной список служилых волуйчан, выписанный из «рописи» или «разбора». Рописную книгу («ропись») составляли при приеме города новым воеводой. Именной список включал следующий минимум данных: чин службы, имя, отчество (не всегда) со словом «сын», фамилия ратника, перечислялись его сыновья, братья, свойственники, половинщики и сколько каждому из них лет. Как правило, в список заносили не всех сыновей и родственников, а только помогающих по службе. Возраст иногда указывали приблизительный: «лет в 30», «лет в 15». Разборные книги составляли по результатам воинских смотров, устраиваемых у съезжей избы думными дьяками и стольниками, назначенными для этой цели из Москвы. В эти книги вносили ту же информацию, что в рописные, но добавляли: с какого года служит ратник, пеший или конный — на мерине или на коне, состоят ли его дети и братья в службе, количество поместной земли. Туда же записывали сбежавших, отставных, больных, увечных, умерших. Учёт воинского резерва вёлся тщательно. Если кому-то и удавалось умолчать о своём очередном племяннике, то «добрые» соседи напоминали о нём на смотре. Подавая о себе сведения, ратник клялся под страхом строгого наказания, что никого не утаил в своём доме, «мужеска полу от старости и да младенства». Возраст служилого человека никогда не указывался. Узнать его можно только из более ранних списков, когда его записали как чьего-то сына, брата, зятя. Срок службы не ограничивался. Например, в разборном списке 1675 г. есть несколько ветеранов со стажем 40 и 50 лет²²¹. В 1699 г. полковой казак Василий Кирилов, жалуясь на старость и немощь, сообщал о себе, что служил государеву службу лет 50 «и больше», бывал в Крымских походах, под Очаковом, во всех Московских походах²²².

Дотошные писцы подмечали на смотрах больных и калек. Благодаря этим примитивным медицинским осмотрам, узнаём древние диагнозы: «по осмотру увечен, правая нога в колене болна и от того сохнет», «нога болна и от того хром», «увечен — правая рука и левая нога в ранах», «нога в берце болна и сточин волос», «у правой руки персты свело», «ростом мал и глазами

маловидим», «умом слаб», «руки нет, оторвало пушкой», «по осмотру стар», «болен, лежит на смертной постели», «стар и дряхл и ногою хром», «черевы вывалились в луно»... Старые и больные служилые люди подавали челобитные на имя государя и просили отставки. Своё место и землю они просили передать «сынчишке» или внуку.

В книгах раздачи государева жалования отмечалось: кто, сколько и за какую службу получил денежное и хлебное жалованье, кто за кого поручился.

В сметных книгах перечислялись обязанности каждой из служб, денежный и поместный оклад, личное оружие, сколько и по какой причине человек выбыло из рядов за прошедший год.

Крестоприворотные книги составлялись при «крестном целовании» — приведении к присяге.

В окладных книгах церковью записывали приход: чей двор (имя и фамилия хозяина) к какой из церковей был приписан.

Наиболее полные и достоверные сведения о служилых людях содержатся в «сказках», которые писали со слов самого ратника. Например, в сказке волуйчана 1697 г. записаны все его сыновья (если они были) с указанием возраста, фактическое количество поместной земли и сенных покосов. Отдельно отмечали наличие или отсутствие крестьян, бобылей, пришлых людей, оброчных статей, промыслов и угодий. В конце сказки делалась приписка — служилый клялся в достоверности поданной информации. В случае обмана его могли лишиться поместной земли и всего имущества в пользу государя²²³.

Семейное положение. Про одиноких ратников писали: «А детей у нево, и братьи, и племянников, и зятя, и соседев, и подсоседников, и захребетников нет». Или просто — «одинок». В начале XVII века лишь немногие волуйчане имели семьи. Опасная обстановка вносила свои коррективы в жизнь: «Город был украинной, а служба безоупокою». Имена матерей, жён и дочерей в списки воинского учета, естественно, никогда не вносились, их можно узнать только из списков убитых или взятых в полон. Многодетные семьи с 5 и более

сыновьями были редкостью. У некоторых отцов записаны пасынки и приёмьши. Это означало, ратник взял в жёны чью-то вдову с детьми, или усыновил сироту. Отдельные мужчины в зрелом возрасте, 50 и более лет, имели малолетних сыновей. Вероятно, кто-то из них поздно обзавёлся семьей, а кто-то, посостоятельнее, женился во второй раз после смерти первой жены, на молодой. Ранние браки — мужу и жене было по 14 лет, у 15-летней мамы рос годовалый ребёнок, были единичны (из списков полона). Иногда зятя брали на службу с фамилией тестя. Очевидно, к тому времени он своей фамилии ещё не имел, либо она была нестандартного, «не русского» вида.

Жалованье. Служба для ратников являлась не только долгом защищать своё отечество, семью и кров от врагов, но и средством существования, так как за неё давали жалование — денежное и хлебное. Размер жалования зависел от заслуг и звания — чем выше чин служилого человека, тем больше был его оклад. На 136 (1628) г. служилым волуйчанам дали: конным стрельцам — по 4 руб., по 6 четей ржи и столько же овса, полковым казакам — по 6 руб. и по 6 четей ржи и овса, пешим стрельцам — по 2,5 руб. и по 4 чети ржи и овса, пушкарям — по 4,5 руб. и по 4 чети ржи и овса, затынщикам — по 4 руб. и по 4 чети ржи и овса каждому человеку, казенному кузнецу и казенному плотнику — по 4 руб., 4 чети ржи и столько же овса²²⁴. Денег у правительства постоянно не хватало, жалованье выплачивалось нерегулярно. Поэтому в качестве вознаграждения за службу и вместе с тем как средство для неё служилым людям давалась в личное пользование земля. За каждой из групп служилых людей были закреплены определённые участки пашенной земли и сенных покосов. Находились они, как правило, недалеко от города, на работу люди выезжали в светлое время суток, вечером возвращались обратно. Только охраняемая вооруженным гарнизоном крепость обеспечивала надёжное укрытие и безопасное проживание во время прихода татар. «Малыми людьми» и без охранения выезжать за пределы крепости строго запрещалось, но несмотря на запреты и предостережения об опасности, мало кто придерживался

этих правил. Татары нередко брали в полон служилых волуйчан, их жён и детей, застигнутых на сенокосе или за работой в поле.

Вооружение. В первой половине XVII века у многих ратников на вооружении оставалась рогатина — широкое копьё, насаженное на длинную и крепкую деревянную рукоять. Её постепенно вытесняла огнестрельная пищаль (ружьё). Пищали находились в основном в личной собственности, но некоторым воинам выдавались и казённые. Рогатины и пищали разрешалось иметь сыновьям и свойственникам служилых людей. Ямщикам, гулящим людям и монастырским крестьянам также не возбранялось иметь «всякий бой». Пушкарки и затинщики личного оружия не имели, так как были приписаны к пушкам и затинным пищалам. Из казённого погреба порох и свинец выдавался для походов, для провожания государевой казны, гонцов и послов, на посольскую размену, во время обороны крепости и для стрельбы из вестовой пушки. Приходу и расходу зелья (пороха) и свинца воеводы вели строгий учёт с записью в книгах. Вооружение рейтаров состояло из карабина и пары пистолей (пистолетов).

Хозяйство. Вести домашнее хозяйство и обрабатывать землю ратникам приходилось своими руками в свободное от службы время. Их жены и дети работали в поле, пасли скот, заготавливали дрова и сено. Для облегчения тягот службы в помощь ратным людям приписывали прокормщиков, или помощников. Как правило, это были их близкие родственники. Прокормщики не получали отдельного жалованья, но кормились со средств того, к кому были приписаны, пользовались его поместной землёй и санными покосами. На прокормщиков, которые уваливали от работы и службы, писали жалобы и просили их заменить. При случае прокормщики сами подавали прошения о приёме их в службу, например, вместо умершего одинокого ратника, наравне со служилыми людьми подавали прошения об отставке.

Представление о домашнем хозяйстве даёт сделанная в 1709 г. опись дворов и пожитков служилых волуйчан, которые уклонялись от службы и скрывались. В городе и в слободах, в Оскольском, Волуйском и Козинском

станах набралось 193 нетчика. Семьи дезертиров жили в избах, некоторые избы включали сени и «клетки» — место для содержания домашних животных. Люди побогаче имели свою баню (12 чел.) и конюшню (5 чел.). Хозяйство большинства волуйчан состояло из 2 лошадей, 2 коров, 10 овец, 5 свиней. У «крепких» станичников доходило до 10 лошадей, 10–15 коров, 40–50 овец, 10–30 свиней. Мелкая живность (куры, гуси, утки) при описи пожитков не учитывалась. Примерно, у четверти нетчиков имелось гумно, в котором хранилось немного ржи, проса, гречихи, пшеницы²²⁵.

Налоги. Со служилых и жилецких людей собирали натуральный налог — четвериковый хлеб, или полуосминный. Четвериковый хлеб южнорусских городов направлялся на жалованье донским казакам, ратным людям в полках, для пополнения запасов в осадное время. Ставка четверикового хлеба в течение века менялась, так же, как и величина хлебной меры (4-6-8 пудов ржи). Например, в 1665 г. со двора брали по 2 четверика ржи и 1 четверику овса «в волуйскую таможенную меру». Со всего города собрали 1517 четвериков ржи и овса, при этом волуйский четверик равнялся 5,5 московским²²⁶. «В 1675 г. собрано в полуокладе ржи — 214 четвертей без полуосмины, а авса тож. В 1676 г. собрано по окладу сполна по 3 полуосмины з двора ржи, авса потому ж, в московскую томоженную меру, с 530 дворов: ржи — 397 чети с осминою, авса тож. И тот четвериковый хлеб отослан в Белгород государевым ратным людям на корм, которым быть в крымском походе»²²⁷. В 1680 г. и в 1685 г. служилые волуйчане просили дозволения сыпать четвериковый хлеб в государевы житницы в Волуйке, а не возить в Белгород²²⁸. Прошение осталось без удовлетворения. В 1687–1691 гг. горожане собирали по полуосмине ржи и овса со двора и отправляли в Белгород на жалованье ратным людям.

В 1694 г. волуйчане платили налог хлебными запасами — мукой, сухарями, крупой и толокном. Стрельцы Василий Уланов, Ларион Соловой, казаки Борис Наумов, Лукьян Колесников, Микифор Ланин, пушкарь Василий Старокожев и ещё несколько человек хлебные запасы не сдали. На следующий год воевода Рагозин получил грамоту из Разряда, чтобы запасы с нетчиков

«доправить» (взять) и отправить на их подводах в Коротояк, с сопровождением. Воевода послал в Волуйку и в уезд посыльных, но они вернулись ни с чем, так как все нетчики бежали в донецкие казачьи городки. Воевода опасался, как бы ему за это «в пени и в опале не быть»²²⁹. В 1696–1697 гг. вместо окладного хлеба собирали крупу, толокно, сухари, муку ржаную, которые выслали в Коротояк и Воронеж²³⁰.

Часть хлеба оставалась в городе и хранилась в государевых житницах — зерновых амбарах. Ведали и оберегали хлеб житные целовальники. Из волуйских запасов выплачивалось хлебное жалованье черкасам г. Царева-Борисова (в 1675 г. 313 чел. получили по 2 чети ржи и 213 чети муки), черкасам г. Полатова (в 1675 г. — 65 чел., в 1676 г. — 82 чел. по 2 чети ржи, в 1692 г. — 140 чел. по четверти ржи и овса), черкасам слободы Двуречной (в 1675 г. — 60 чел., в 1676 г. — 80 чел. по 2 чети ржи). В 1690 г. в Маяцк 102 русским людям было дано государево жалованье по 1 чети ржи и овса²³¹. Из житниц служилым людям, отправляемым на посольскую размену, выдавалась рожь или мука на сухари, овёс на толокно и крупу.

До 139-го (1631-го) года старцы Святогорского монастыря получали на всех годовую ругу (содержание) из Белгорода: 10 руб., 12 четей ржи и столько же овса. Монастырский старец Александр с братией «били челом» государю, чтобы им ругу получать не из Белгорода, а из ближней Волуйки. Из Москвы волуйскому воеводе Н.А. Чоглокову направили грамоту, чтобы он с 139 г. давал старцам Святогорского монастыря денежную ругу 12 руб. из кабацких и таможенных доходов, а хлебную — 12 четей ржи и 12 четей овса из житниц²³². Свидетельства о выдаче содержания Святогорскому монастырю встречаются в волуйских документах до конца века.

В окрестностях Волуйки было много пчельников, в городе развивалась торговля. Эти виды деятельности облагались налогами. Собранные деньги записывали в «Книги пчелинова и лавочнова оброку», «Книги оброчным лавочным и кузнечным денгам». В 1703 г. в Волуйке работало 25 торговых лавок, с которых брали оброк от 2 алтын до рубля. Владельцы лавок: Афанасий

и Гаврила Тороповы (3 лавки), Дементий Некрылов, сын боярский Филип Ребинин, Иван Юрьев, казенный целовальник Сафонов, затынщики Никонов и Поздняков, ямщик Проскуряков, ездок Сурин, житель Курска Хлопонин. С трёх торговых полков собирали оброк по 5 алтын. Несколько человек торговали зимой с саней мясом и рыбой. В городе работало 16 кузниц, там трудились кузнецы: Ларион Оглотков, Фёдор Дроздов, Аким Сафонов, Данила Зажарской. На реках функционировало 13 мельниц: на Осколе — 4, на Волуе — 3, в верховьях Мосея — 1, на Козинке — 2, на Сазоне — 1, на Другом Большом Сазоне — 2. Владельцы мельниц: сын боярский А. Торопов владел четырьмя из них, Ф. Ребинин — двумя, по одной было у Ф. Нарыгина и пятницкого попа Ивана. Николаевский поп Никон и ямщик Проскуряков, А. Торопов и М. Савостьянов имели по мельнице в совместной собственности. Своя мельница была у села Осколища на реке Осколе ниже речки Лубянки. На речке Мосея напротив лесных дворов Кирилла Санеева держал мельницу житель Полатова Михаил Жданов. С мельниц брали налог от 3 до 20 алтын за год. Всего же с лавок, кузниц и мельниц в 1703 г. взято оброчных 13 рублей 32 алтына 4 деньги. Предпринимательская деятельность не у всех шла благополучно: Кузма Торопов в 1702 г. оставил лавку, сбежал с семьей в донецкие городки. Бросили лавки и ещё два человека, один кузнец ушёл в Маяцкий²³³.

Жители Чёрной слободы платили в казну налог по 10 алтын с двора.

«Полоняничные» деньги собирали со всяких чинов городской и полковой службы, с жилецких людей, однодворцев — по 2 деньги с двора, с монастырских вотчин, с крестьянских и бобыльских дворов на церковной земле — по гривне, с помещиков и вотчинников — по 10 денег с двора.

Помимо «окладных» жители города платили «неокладные» пошлины. С «судных дел», с «приставной памяти», при подаче «мировой челобитной» брали 6 алтын 4 деньги. За пойманных в степи лошадей с хозяина полагались «приводные деньги» — 4 алтына 2 деньги с лошади. Платили за себя задержанные под Волуйкой оскольцы и полатовцы, так как ездить по Полю можно было только со специального разрешения. Неокладные доходы

тратились на закупку писчей бумаги, сальных свечей, окладов для икон в приказную избу, на жалованье подьячему.

Общие дела. Деревянные постройки городских и полевых укреплений с годами ветшали и разрушались. Все служилые и жилецкие люди постоянно привлекались на текущие работы — ремонтировали стены и башни крепости («городовые поделки»), копали ров («земляное дело»), ставили в степи надолбы («надолбное дело»), делали засеки.

Служилых людей командировали и на выполнение государственных дел вне города. Так, в январе 1696 г. в Воронеж к «струговому делу» — строительству кораблей для похода на Азов, из Волуйки выслали 2 детей боярских, 102 станичных атаманов и ездовых, 40 черкас, 32 недоросля, 8 кузнецов на подводах с топорами, плотничьими и кузнечными снастями и запасами, с пенькой и лубьём²³⁴. В феврале 1701 г. на строительство Троицкого на Таган-Роге нарядили 627 человек волуйчан: детей боярских, полковой службы рейтар и солдат, станичных атаманов и ездовых, конных и пеших стрельцов, полковых казаков, пушкарей и людей пушкарского чина²³⁵. Вскоре оттуда сбежали сын боярский, 4 солдата, 24 станичных ездока, 1 казак. Еще один дезертир вернулся по болезни, а другого не нашли. Воеводе Г. Дубасову государь указал беглецов сыскать в уезде, бить батогами и отправить обратно, служить в Троицкий. В апреле 1702 г. воевода отчитался о выполнении этого указа²³⁶.

В апреле 1695 г. в Белгород на службу в полк к боярину Б.П. Шереметьеву отправили 51 волуйчанина всяких чинов городской службы²³⁷. Поскольку полковая служба подразумевала длительные отъезды ратников из дома, то служилым людям разрешили откупаться, платить деньги «вместо службы». В 1705 г. дети боярские, солдаты, станичники, казаки, стрельцы, пушкари, отставные люди вносили за себя по 1 руб., рейтары — по 1,5 рубля, рейтарские дети — по 7 гривен, солдаты московских полков (182 человека) — по 11 алтын. Всего таким образом собрали 306 руб. 2 деньги²³⁸. Но не все могли и хотели

платить за себя деньги, поэтому только в 1705–1706 гг. в донецкие казачьи городки бежали 165 волуйчан, ещё 52 человека числились в нетчиках²³⁹.

Служилых и жилецких волуйчан по государеву указу отпускали на богомолье к святым местам. К примеру, в 1651 г. пушкари Иван Торопов, Алексей Курашихин и несколько гулящих людей подали в съезжей избе воеводе Михаилу Дмитриеву челобитную с просьбой отпустить их к Соловецким чудотворцам помолиться. Прошение удовлетворили²⁴⁰.

Конные стрельцы и полковые казаки

Конные стрельцы и полковые казаки составляли две основные группы «приборных» служилых людей. Они служили «в ряд», подчинялись непосредственно казачьему и стрелецкому голове, назначаемому из Стрелецкого приказа. В 1623 г., из-за несогласованности в руководстве и отсутствия единоначалия, в городе произошёл конфликт. Воевода Владимир Ляпунов доложил в Разряд о противодействии ему головы волуйских и царегородских стрельцов и казаков Афанасия Сюлюменева. В отписке воевода жаловался, что голова самовольно отпускает на длительное время стрельцов и казаков на промыслы из города, на Поле для добычи зверя и рыбной ловли. Служилые люди отказывались ходить на смотр, ссылаясь, что в наказе из Стрелецкого приказа о том не написано. Многие стрельцы и казаки перестали выезжать в сотни, посылать на вести и в посольство стало некого. При этом сведения об отсутствующих на службе людях голова Сюлюменев велел пятидесятникам приносить лично ему. Сами пятидесятники насмеялись над воеводой и угрожали ему оружием. Ляпунов опасался, что из-за неподчинения ему стрельцов и казаков в приход воинских людей и воров-черкас «какая поруха острогу и городу учинитца»²⁴¹. Столкновения между воеводой и головой происходили и в последующие годы.

Днём по 50 стрельцов и казаков стояли для охранения в сотнях — за рекой Волуем, в 3 верстах от города, и на речке Сазоне, в 6 верстах от города. На ночь они возвращались в крепость. После строительства вокруг города

надолб с башнями в 1640-х годах обе стоянки ликвидировали. Летом и зимой в каждой полевой башне несли караульную службу 10 стрельцов и казаков. Переменялись они поначалу через двое суток, затем через сутки.

Конные стрельцы и казаки ездили «на вести» в города Оскол и Белгород, по 4 человека, и жили там до перемены по 4 недели. После 1637 г. они ездили в Усерд и Яблонов и жили там по 2 недели. В 1648 г. волуйских стрельцов и казаков по их челобитью освободили от посылки в Яблонов, за дальностью расстояния, и позволили стоять для вестей в Царёве-Алексееве (Новом Осколе), переменяясь понедельно.

Днём и ночью конные стрельцы и казаки несли караул у острожных (с 1647 г. — у городских) башен: на воротных по 10 человек, на глухих по 5 человек. Ночью на башнях, вместе с казаками и стрельцами, у пушек дежурили по пушкарю и затынщику. На «сторожах» они стояли с ранней весны до начала зимы, переменяясь понедельно. Кроме того, по 2 человека несли караул у житниц, до 12 человек служили целовальниками в кабаках. По сотне и более приборных служилых людей посылали на посольский размен, отрядами по 20–70 человек они провожали государевых посланников и крымских гонцов до рек Донца, Тора, Косой и Конских вод, по 50–100 служилых выделялось для сопровождения донских казаков и толмачей из Посольского приказа на Дон.

Волуйские сторожи

«Сторожа» (древнерусское слово, с ударением на предпоследнем слоге) — дозорный пост, место, с которого велось наблюдение за степью, дорогой, бродом на реке, или каким-либо иным важным объектом. В зависимости от расстояния, на которое были выдвинуты в Поле такие посты, сторожи делились на «ближние» и «дальние». Кроме того, все волуйские сторожи были «отъезжими», то есть до них добирались не пешком, а на лошадях.

В качестве примера приведём роспись волуйских сторож воеводы Никиты Чоглокова от 16 апреля 138 (1630) г.:

«1-я сторожа с Русково приезде на Белом Созоне на большой дороге у мосту, от города 6 верст. Сторожей на ней стоят по 2 человека.

2-я сторожа на Сазоне ж под лесам на Изроге, от города 7 верст. Сторожей на ней стоят по 2 человека.

3-я сторожа за Созоном верх Волуйского лесу у Кальмиуской сакмы, проезду от ней к Посольской гати 20 верст. Сторожей на ней стоят по 4 человека.

4-я сторожа выше города на речки на Волуйке под лесом на шипу, от города 5 верст. Сторожей на ней стоят по 2 человека.

5-я сторожа за рекою за Волуйкою против Мосеева калодезя на кургане, от города 6 верст. Сторожей на ней стоят по 2 человека.

6-я сторожа на кургане на степе, от города 6 верст. Сторожей на ней стоят по 2 человека.

7-я сторожа на третьем кургане на степи, от города 6 верст. Сторожей на ней стоят по 2 человека.

8-я сторожа на четвертом кургане у дороги, что едет к Борисову городищу, от города 6 верст. Проезду меж тех сторож по версте, от сторожи до сторожи видит. Сторожей на ней стоят по 2 человека.

Дальние сторожи:

1-я сторожа под Волуйским лесом меж реки Волуйки и Полатовой, от города 10 верст. Проезду с ней к Тихой Сосне и х Каменому броду 40 верст. Сторожей на ней стоят по 4 человека.

2-я сторожа за рекою за Осколом верх Бурлуков и Казиной, от города 15 верст. Проезду от той сторожи через Изюмскою и Савинскою сакму к Волчьим Водам 40 верст. Сторожей на ней стоят по 4 человека»²⁴².

В росписи сторож 1640 г. добавлена «9-я сторожа за рекою за Осколом в Праворотье, конец атаманских и стрелецких поль, от города до той сторожи семь верст. Сторожей на той стороже стоят во все лето с переменою понеделно в день и в ночь по четыре человека»²⁴³. Итого, на 11 сторожах несли службу 30 сторожей — конных стрельцов и казаков.

После строительства надолб с башнями в 1645–1647 гг. сократили «1-ю» и «2-ю» сторожи на Белом Сазоне, «6-ю», «7-ю», «8-ю» на курганах за Волуем и «9-ю» в Праворотье.

Во второй половине XVII в. действующими оставались 4 сторожи:

1-я сторожа — на горе Шип, напротив Полатовской башни, 2 версты от города, 2 человека.

2-я сторожа — у полевых крепостей в устье Мосея у брода, 5 верст от города, 4 человека.

3-я сторожа — напротив устья речки Полатовки и Большого Полатовского леса, от города 12 верст, 4 человека.

4-я сторожа — за рекой Осколом за полевыми крепостями на Козинке около Большого Оскольского леса, от города 7 верст, 4 человека. Сторожа менялись понедельно²⁴⁴. В 1697 г. сторож осталось три, сократили ту, что за Осколом.

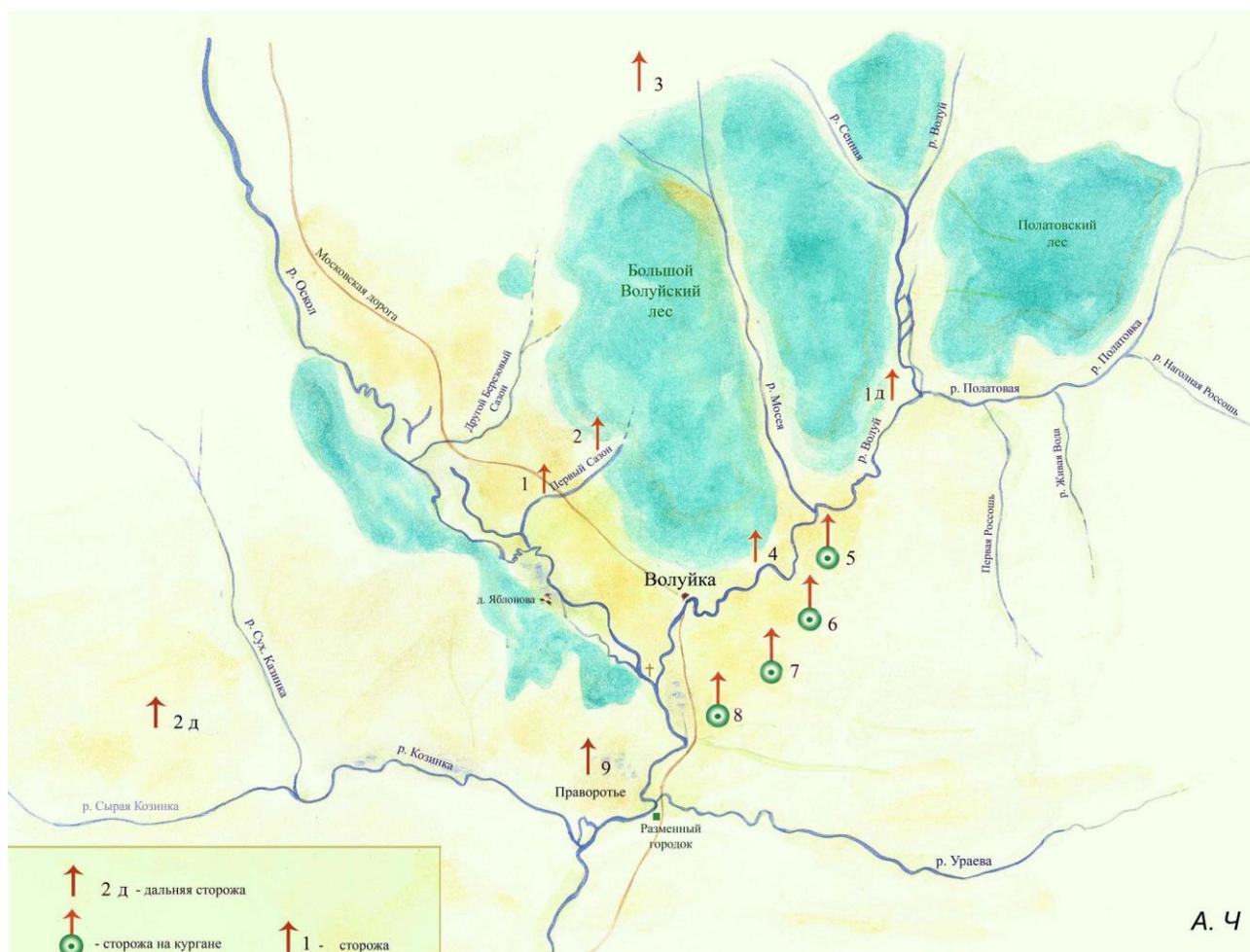

Рис. 28. План волуйских сторож в 1640 г. Реконструкция автора

Полевые крепости

Надолбы и полевые башни в Волуйке были построены по большей части в 1644–1647 годах. Через них татарам стало сложнее пробираться к городу и полям, меньше людей они брали в полон и угоняли скота. В 1651 г. воеводе М. Дмитриеву пришёл указ, «зделать к старым надолобам по надолобине да по связи». В период между сезонами сельскохозяйственных работ волуйские служилые и жилецкие люди поставили от реки Оскола до реки Волюя 4395 сажень (9493 м) надолб со связями. Леса на надолбы пошло с каждого человека по 4 бревна и по 2 столба, для ускорения дела взяли брёвна, которые остались от «городовой поделки». Большие надолбы стали называться «в 3 кобылины»²⁴⁵. В 1652 г., при приёме города у М. Дмитриева, воевода Д. Яковлев так обрисовал этот участок: «Да за рекою, государь, за Волуем, от реки Волюя да реки Оскола полевые крепости — надалабы в три ряды»²⁴⁶. Следовательно, «кобылина» и «ряд» — это одно и то же.

В конце февраля того же года воевода Д. Яковлев получил грамоту из Разряда, по которой служилым волуйчанам и жилецким людям следовало поставить по 5 брёвен длиной 3 сажени с двора. Из этого леса было велено к существующим надолбам поставить ещё один ряд с наметами. «Надолбное дело» завершилось 9 июня 160 (1652) года. Леса ушло гораздо больше, чем планировалось, с каждого человека по 11 брёвен. Волуйчане от реки Оскола до Волюя сделали четвертый ряд надолб длиной 3916 сажень, третий ряд надолб в 586 сажень поставили за рекой Осколом в Праворотье, за Мосеем — ещё ряд в 277 сажень, от Мосея вверх по Волую — в 300 сажень, на перелазах через Волуй в 48 сажень, около Черкасской слободы — в 277 сажень²⁴⁷.

Роспись полевых крепостей 1665 г.

«Да полевых крепостей за рекою за Волуем окола Черкасской слободы надолбы к реке Волую в два ряды с наметы двесте сорок семь сажень в трех аршинною сажень. Да в тех же надолбах построена башня три сажени.

Да за рекою за Осколом вверх по реке по Казинке в Праворотье от Казинскова займища и от болот надолоб пятьсот дватцеть адна сажень. Да в тех же надолбах устроена башня трех сажень. А от той башне к лесу надолоб до болшова лесу и да Козинке надолоб в три реды с наметы сто дватцеть семь сажень в трехаршинною сажень. Да на речки на Казинке надолбы двойныя с наметы, и тех надолоб тритцеть три сажени.

Да у реки у Оскола на берегу надолбы против Розменнова места в три реды с наметы сорок адин сажень.

Да за рекою за Волуем болшия надолбы от болота от лесу и от Осколскова займища да Изрожной башне надолбы в четыре реды с наметы двесте семдесет сажень. Башня Изрожная трех сажень. А от той Изрожной башне да Праломной башне надолбы в четыре реды с наметы тысеча семьсот пятдесят сажень. А башня Праломная згнила, розволилось. Да от Праломной башне да Полатовской башне надолбы в четыре реды с наметы тысеча семьсот пятдесят деветь сажень. А от Полатовской башне до реки Волуя надолбы восемь сажень. А те надолбы все в трехаршинною сажень.

А от тех надолоб вверх по реке Волуя по левою сторону до речки Мосея по татарским перелазом и по брадам в три реды с наметы:

в первом броду тритцеть семь сажень,

в другом броду дватцеть два сажени,

в третьем броду тритцеть семь сажень,

в четвертом броду сорок три сажени,

в пятом месте сорок два сажени,

в шестом месте дватцеть сажень,

в седьмом месте дватцеть шесть сажень,

в восьмом месте от реки Волюя к речки к Мосею двести семдесят два сажени в два ряды.

Да за рекою за Мосеем от реки Волюя от займища и от усть речки Мосея надолбы двести петдесят два сажени. Да от тех надолоб от займища и от озера надолбы к Мосеевскому лесу и до засеки триста пятдесят семь сажень в три ряды с наметы.

Да от города от Волуйки по Московской дароге от займища от балота, что к реки Осколу, да Московской проезжей башне пятьсот шестьдесят шесть сажень в чатыре ряды без намет. А от проезжей Московской башне да другой башне надолоб тысеца двесте тритцеть три сажени. А от той башне до Валуйскова Болшова лесу и до засеки триста дватцеть адна сажень в трехаршинною сажень. И те волуйския крепости надолбы пообалялись во многих местех.

Да вверх речки Мосея, где преж сего прохаживоли тотаровя, и в том месте засечена засека.

Да за рекою за Осколом, что в монастырською в Яблонову деревню дарога степи, и на той дароге поставлены надолбы, а по сторонам засечена засека.

Да на речке на Полатовке около броду по праезжей дароге, па каторой проезживоли с Усерда и с Олшанова и с Рыбнова и с Коротояка всяких чинов люди на Тор мимо Волуйки для соленова промыслу, а от броду да ольха надолоб в два ряды с наметы сто сажень, а брод закреплен честиком»²⁴⁸.

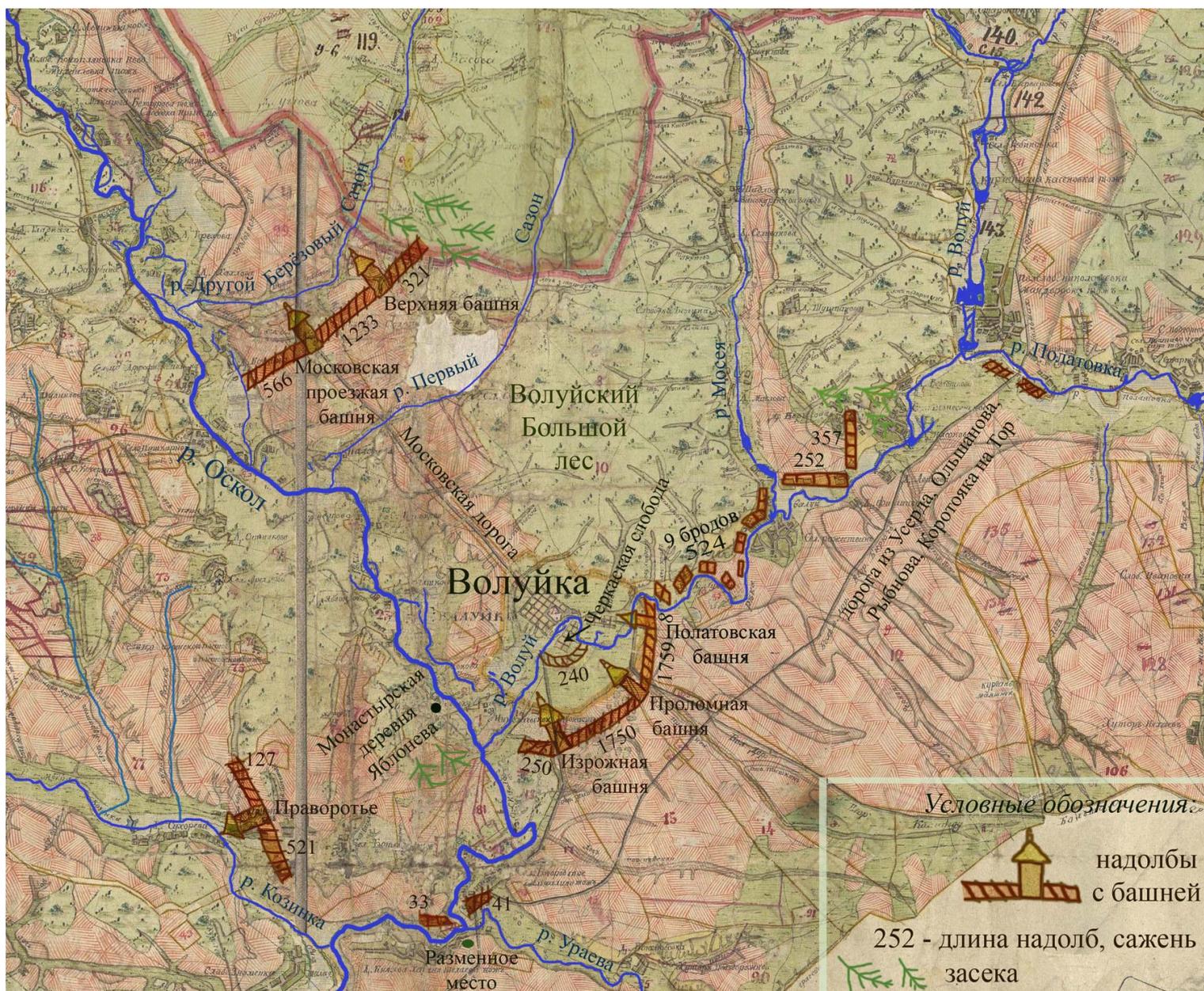

Рис. 29. План расположения полевых укреплений в 1665 г. Реконструкция автора²⁴⁹

В 1679 г. началось строительство Изюмской черты, завершившееся через три года. Волуйчане били челом о разрешении им вместо «валового дела» — возведения Полтавского земляного вала от северной оконечности Волуйского леса до Усерда, продолжить строить волуйские полевые крепости и городские башни²⁵⁰. Результаты этого строительства отражены в росписной книге 1681 г. За рекой Волуем около Черкасской слободы протяженность надолб увеличилась до 885 саженей (было 240), от Царегородской слободы до Горного Волуйского

леса были поставлены дубовые надолбы в два ряда, с поперечными и с косыми переметинами, протяженностью 500 сажений²⁵¹. Таким образом, общая протяженность надолб вокруг Волуйки изменялась следующим образом: в 1647 г. — 9200 саж. (19872 м), в 1676–1681 гг. — 8674 саж. (18735 м), в 1682–1697 гг. — 8853 саж. (19122 м).

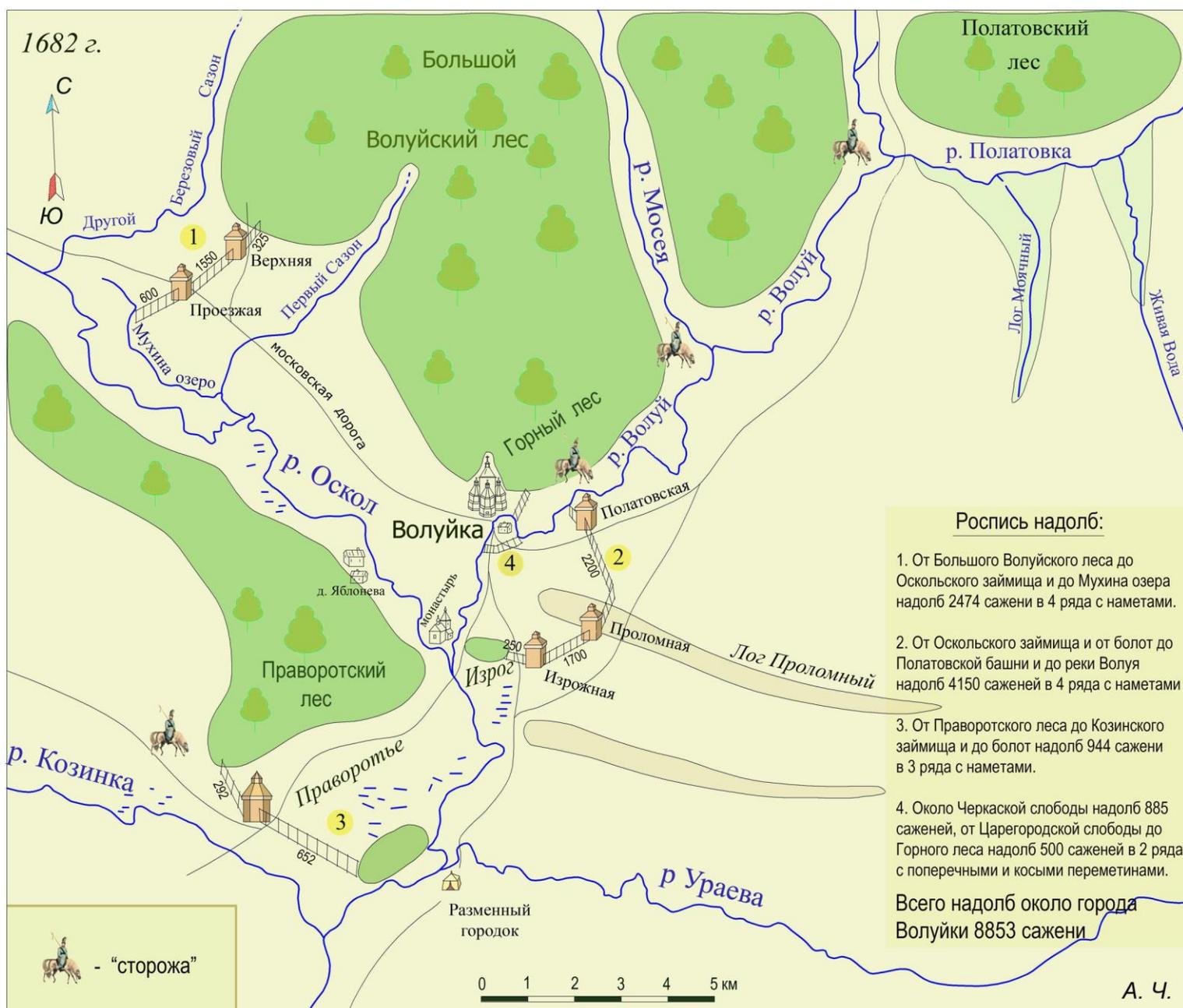

Рис. 30. Полевые укрепления и «сторожи» в 1682 г. Реконструкция автора

Пушкари и затинщики. Остальные службы

Пушкари и затинщики были расписаны по наряду. При осаде они занимали свои места у пушек и пищалей, расставленным по городовым башням и стенам. Днём и ночью пушкари и затинщики стояли у пушек на городских воротах вместе с пешими стрельцами, караулили у казённого погреба — зелейной (пороховой) и свинцовой казны, в съезжей избе, переменяясь посуточно. Всего пушкарей, затинщиков и пеших стрельцов в «ежедневных службах» было задействовано 45 человек. Кроме того, шесть пеших стрельцов сторожили у тюрьмы, двое стояли в летнее время в устье Волуя для «воденова проезда» — собирали деньги за проезд по мосту через Оскол. Пушкарей и затинщиков посылали гонцами в Москву, они доставляли в приказы отписки воеводы, служебную почту.

Артиллерия Волуйки делилась на «наряд медный» и «наряд железный». В росписи наряда указывались: вид орудия (пищаль, пушка), длина (до 2,2 м), вес (от 150 до 880 кг), чьё литье (московское, немецкое, литовское), какие и сколько к нему ядер (от 200 г до 2,5 кг), техническое состояние, готовность к стрельбе («и те все медные и железные пищали в станках на колесах, к стрельбе и к походу готовы»), другие особенности («у дула вылита змея»).

Черкасы круглогодично караулили за рекой Волуем у «ближних крепостей» — стояли по 10 человек в караульной башне и патрулировали вдоль надолб у Черкаской слободы. Они же отрядами по 20-30 человек сопровождали крымских послов и гонцов, когда те приезжали в Волуйку.

Ямщики «гоняли» с Волуйки на подводах с посланниками, крымскими гонцами, с государевой казной до Старого Оскола, Белгорода, Царёва-Борисова, Чугуева и до полков. Возили донских казаков на Дон до Черкасского городка и обратно.

В «разборе» 1675 г. в составе Белгородского полка Григория Полтева записаны волуйские рейтары: из станичников (16 чел.), из ездоков (29 чел.), из стрельцов (12 чел.), из казаков (27 чел.), из пушкарей (4 чел.). Волуйские рейтары несли службу в малороссийских заднепровских городах, были в

зимнем 1674 г. и летнем 1675 г. походах. Маленькая запись говорит об участии в боевых действиях: «...Брату рейтара из ездоков Емельяну Голыгину под Черниговом из пушки оторвало по локоть руку». За старость, увечья и скудость 15 рейтаров на разборе отставили от службы. После 12 лет службы 70-летнего Гаврилу Кузнецова и 80-летнего Семёна Жерлицына за старость перевели из рейтаров обратно в городовую службу. В списках рейтарского строя отмечены и нарушители воинской дисциплины. Основные причины неявки на службу в полк — скудость, болезнь, маленькие дети в семье. Кто-то скрывался из-за «лености, а служить ему мочно». Надо отдать должное, город не бросал в беде дезертиров, просил взять их на поруки и разрешить служить дальше²⁵².

История рейтара Шунина

Григорий Андреев сын Шунин жил в доме отца, со своими братьями, Правороткой и Ивашкой, не состоявшими на службе. Он женился в Короче на вдове Анютке Гончаровой, в семье подрастал сын Семён шести лет. Служить в Волуйке станичником Григорий начал с 1671 года. В 1675 г. из станичников он перешел в рейтары в полк Г. Полтева. Пашенной земли у рейтара было 54 чети²⁵³.

Прожил Григорий Шунин вместе со своей женой Анютой 13 лет. Неожиданно в 1677 г. в Волуйке объявился прежний муж Анютки, Михайло, и подал воеводе Конану Ивановичу Лодыженскому в приказной избе челобитную. Скитался он все эти годы по разным городам, не давая о себе знать, так что его посчитали умершим, а Анютку вдовой. В подобных случаях, когда муж был в плену, жену возвращали первому мужу. Но Михайло без суда помирился с Шуниным, наверное, получив хорошие откупные. Воеводе он дал «запись», что к жене и к рейтару претензий не имеет, и дела никакого ему до них нет. Никакой платы и подарков воевода не получил. Неудовлетворённый таким поворотом событий, Конан Иванович насильно забрал у Шунина двух коней. Одного коня рейтар потом выкупил у воеводы за пять шкур лисиц, по цене 20 алтын за одну шкуру. Второй же конь был необходим Григорию для

несения службы, его стоимость составляла 15 рублей. Выкуп коня за такую сумму грозил рейтару разорением «без остатку». А службу служить надо. Григорий подал челобитную Г.Г. Ромодановскому и поведал о своём горе. Курский боярин и воевода строго велел Лодыженскому взятого коня и пять шкур лисиц вернуть незаслуженно обиженному волуйчанину. А стрелецкому голове Ивану Каторжному послал «память», чтобы он проследил за исполнением указа²⁵⁴.

В 1697 г. рейтар Григорий Шунин подал «скаску». О себе он сообщал, что имеет троих сыновей — взрослых Сеньку и Сережку, Паньку 12 лет. Поместной земли у него 100 четей, сенных покосов 125 копён²⁵⁵. В 1705–1706 гг. Григорий Шунин как старый и увечный получил отставку, прослужив в общей сложности 35 лет. Служили и все его сыновья: Сергей солдатом в московском полку, Семён и Павел — драгунами в белгородском полку²⁵⁶.

ГЛАВА 6. ОРГАНИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ СТАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ

Общие положения

Из-за частых и опустошительных набегов крымских и ногайских татар московское правительство предпринимало меры по предупреждению вторжений и защите южных границ Российского царства. Первым делом организовывалась постоянная пограничная стража, которая наблюдала за движением неприятеля и извещала воевод ближайших городов-крепостей о его приближении. Структура, функции и тактика действий русской украинной пограничной службы определялась «Боярским приговором о станичной и сторожевой службе 1571 года», разработанным под руководством боярина и князя М.И. Воротынского²⁵⁷. Приговор в последующие годы неоднократно дорабатывался с учетом изменившихся условий и накопленного опыта несения службы. Общая история её организации в конце XVI – первой половине XVII вв. подробно изложена в труде И.Д. Беяева²⁵⁸.

На основании архивных документов здесь мы рассмотрим особенности несения станичной службы именно в Волуйке: служебные обязанности, боевые потери, прибор станичников на «выбылые места», выплаты жалованья и компенсаций за утерю имущества. В состав пограничной службы входили заставы («сторожи») и подвижные отряды («станции»). Здесь «станичник» — служилый человек, всадник конного разведывательного отряда, «станции», на южном порубежье. Иной смысл термин «станция» имел на Дону — это поселение, сменившее более раннее название «казачий городок». Соответственно, «станичник» на Дону — казак, житель станицы. Станичный атаман — звание выборного начальника, лидера сообщества.

Основание станичной службы в Волуйке

Крепости Путивль и Рыльск играли важную роль в обеспечении станичной и сторожевой службы на Поле в XVI веке. Организация «бережения» южнорусской окраины в начале XVII в. изменилась. В городах Белгород и Оскол, основанных в 1596 г., Волуйка и Царёв-Борисов — в 1599 г., сосредоточились основные силы сторожевой и станичной украинной службы. Одно из первых свидетельств её существования находим в росписи полоняников, которых в 1604—1605 гг. выкупил гонец царя Бориса Александр Хрущов²⁵⁹. Рязанец Дмитрий Хирин, новосилец Михайло Ярыгин, борисовский вож Фёдор Картавец (жилецкий казак, поместный оклад 50 четей, годовое денежное жалованье 8 рублей) в 111 (1602–1603) г. попали в полон к татарам, когда ездили в станице из Царёва-Борисова к урочищу в верховье Орели к «Каменному маи[дану?]». Рязанских детей боярских Андрея Чевкина и Петра Смердова взяли в полон у Черкасского кургана. Одоевца Григория Васильева сына Зиборова пленили в станице на пути к Донецким Раздорам. Соловлянина (житель города Солова Тульской области. – А. Ч.) Данилу Иванова сына Котенева взяли в полон в 109 (1600–1601) г. на Полатовской стороже у Волуйского города. Поместный оклад Данилы составлял 100 четей, денежный — 9 рублей. Хрущов выкупил его за 70 руб. у Ахмет-паши. Как видим, в

Царёве-Борисове и Волуйке служили люди из разных городов. Для усиления малочисленных гарнизонов вновь построенных крепостей на Руси организовывалась временная служба — из центральных и северных районов посылались служилые люди, через год их заменяли на новых. В крепостях несли службу также «жилые» казаки и стрельцы.

Об истоках станичной службы в Волуйке есть несколько слов в челобитной 1630 г. станичных атаманов и ездоков Василия Фёдорова сына Теребунского, Аникея Савельева сына Некрылова и их товарищей: «А преже, государь, сево, дворяня служили тебе, государю, станишную службу, и у них, государь, были вотчины и поместья, шло им твое царское полное жалованье. И после, государь, тех дворян, нынеча служим станишную службу в их места мы, холопи твои, а идет нам, холопом твоим, твое царское денежное жалованье в полы: атаманом по пять рублей, а ездоком по четыре рубли»²⁶⁰.

Неизвестно, как долго просуществовала дворянская станичная служба в Волуйке. После окончанчания Смутного времени посылку в Волуйку «годовальщиков» прекратили, и службу не возобновляли. Обязанности станичников переложили на конных казаков и стрельцов. Сторожа с двух дальних волуйских сторож уезжали от города за 40 вёрст и переезжали татарские сакмы. В 1623 г. воевода Владимир Ляпунов послал на Дон с грамотой к государевым посланникам Ивану Кондыреву и подьячему Тихону Бормосову станичников — служилых казаков Бориса Антонова с товарищами²⁶¹.

По восшествии на престол в 1613 г. царя Михаила Фёдоровича Романова украинные города укрепляются и снабжаются ратными людьми. После набегов крымцев, ногайцев и азовцев в 1622 г., нанесших немалый урон, московское правительство с большей энергией принимается за устройство сторожевых линий. В марте 1623 г. в Оскол и другие города были посланы грамоты с обновлённым сводом правил о сторожевой и станичной службе²⁶². В феврале 1625 г. государь Михаил Фёдорович направил такую грамоту в Воронеж. В ней содержалось повеление Фёдору Сухотину организовать в Волуйке станичную

службу, состоящую из 24 станиц, по атаману и 5 ездоков в каждой. Станичникам было положено поместное земельное и денежное жалованье: атаманам — по 100 четей и 5 рублей, ездокам — по 50 четей и 4 рубля. Воронежским воеводам вменялось довести указ о наборе в станичную службу до населения — читать вслух по городу «не один день». Если в Воронеже найдутся «охочие вольные люди», то воеводам надлежало их отпустить к Фёдору Сухотину с женами, детьми и «со всеми их животы тотчас безо всяково мотчанья», то есть без промедления²⁶³.

Итак, в 1625 г. в Волуйке к существующим городским службам добавилась станичная. В итоге в станичники набрали не воронежских, как планировали поначалу, а волуйских всяких людей, «из служивых и из гулящих»²⁶⁴. Служба состояла из 24 станиц, в каждой станице по атаману и 5 ездоков, всего 144 человека. По окладу атаманам и ездокам полагался большой земельный надел, чем тот, каким они владели в других службах до перевода в станичники. Кроме того, требовалось разместить их по дворовым местам. В остроге «порозжих» мест не осталось, пашенные земли под городом все были заняты служилыми и жилецкими людьми. Атаманы и ездоки обратились с прошением к государю. По их челобитью 16 марта 7132 (1626) г. писцам М. Т. Хлопову и подьячему Л. Недовескову «велено на Волуйке писать и мерить». В результате перераспределения поместной земли волуйских служилых людей царские чиновники наделили станичников пашенной землёй и санными покосами, расселили по дворам. Пашни и сенокосы атаманам и ездокам выделили в нескольких местах: по Московской дороге от речек Первого до Третьего Сазона, за Осколом на Козиной поляне, за рекой Волуем, по рекам Ураевой и Уразовой, около Лысых гор. Атаманы в итоге получили 1032 чети пашенной земли, по 43 чети «в поле, а в дву потому ж», и 2400 копён сена, по 100 копён на человека. Ездокам на всех дали 2160 четей пашни, по 18 четей «в поле, а в дву потому ж», и 6000 копён сена, по 50 копён на человека. Земля и покосы выделялись отдельно атаманам, отдельно ездокам. Затем люди внутри каждой группы распределяли их между собой на наделы, в соответствии с

окладами. Станичная служба считалась наиболее привилегированной, за неё станичники получали содержание большее, чем служилые других разрядов (казаки, стрельцы, пушкари). Отличительной особенностью Волуйки от других городов Польской украины было отсутствие детей боярских, служилых людей «по отечеству». Вместо них здесь служили станичники. Этот факт не раз отмечали воеводы, да и сами станичники в челобитных иногда называли себя «детишки боярские». Большинство атаманов и ездоков поселили в остроге. Нескольким станищикам, которым не досталось мест, выделили 33 десятины земли за Чёрной слободой, в сторону Пристанского монастыря. В скором времени там образовалась «Атаманская и ездочья» слобода, куда постепенно перебрались почти все станичники города.

Дороги станичников

Главной обязанностью станичников Волуйки и других украинских городов было ездить в станицы по заранее назначенному маршруту, осматривать урочища, патрулировать сакмы, выявлять и отслеживать движение «воинских людей», доставляя «прямые вести» в свой город, «чтоб татаровя и воры черкасы за их станичною службою и за береженьем к Волуйке и к иным украинным городом безвестно не пришли и дурна какова не учинили, и людей не побили, и в полон не поимали»²⁶⁵. Важная составляющая станичных десятен денежной раздачи — роспись дорог, по которым ездили станицы. В волуйской десятне 1628 г. записано: «А ездити станичным атоманом и ездоком переменяся на две половины — первой половине двунатцати станицом с весны з Блговещеньяво (25 марта. — А.Ч.) дни или ранея, смотря по весне, до Оспожина заговена (1 августа. — А.Ч.), а другой половине, двунотцати же станицам, с Оспожина заговена до Филипова заговена (15 ноября. — А.Ч.) и до больших снегов. Первою дорогою к Боучару и до Тору и до Светых гор а переезжати Кальмиюскою сакму а проезду к Боучару и до Тору и до Светых гор станичною ездою о дву конь полчетверта дни (3,5 дня. — А.Ч.), а назад тоже. Другою дорогою на Донец в Совинской перевоз, а переезжать Савинскую

и Изюмскою сакму, а проезду до Савинского перевозу полчетверта дни, а назад тож. Третьей дорогою в Вязов брод и на Черною Калитву, а переезжают Кальмиюскую сакму, а проезду до Черной Калитвы и до Вязова броду два дни, а назад тож»²⁶⁶.

Таким образом, волуйские станичники ездили по трём направлениям и контролировали участки трёх татарских сакм — Изюмской, Савинской и Кальмиусской. Набеги татар продолжались с весны до поздней осени, зимой они «не воевали». Татары прекрасно ориентировались в степи, в их отрядах всегда были хорошие проводники. В некоторых случаях они склоняли к измене пленённого местного жителя, чтобы показал тайные тропы и проходы через полевые укрепления на поля и к городу. Татары избегали лесов, где могли оказаться засады, обходили болота. Их пути проходили преимущественно по границам водоразделов крупных рек. Хорошо видные следы лошади с всадниками оставляли на берегу при форсировании водных преград и у водопоев. Эти места проверялись разъездами русских пограничников с особой тщательностью. Обнаруженные следы «смечали» (считали), чтобы определить численность отряда. Подсчёт мог производиться двумя способами: по следам от лошадиных копыт либо от человеческих ног. Воевода потом обязательно уточнял, по чьим следам вёлся счёт. Станичники следовали за отрядом неприятеля сзади или сбоку и скрытно следили, стараясь выявить его дальнейшие планы. Сообщений о взятии станичниками «языка» в источниках не встречается, видимо, это происходило крайне редко. С донесением о татарском или черкасском приходе атаман направлял в свой город одного или двух ездовых. Воевода при получении вестей слал их дальше, в украинные города и в Москву. Также воевода принимал решение о походе, при необходимости обращался за военной помощью в соседние города.

Станичники обязаны были доезжать до указанных в росписи урочищ, причем за их передвижениями был установлен своеобразный контроль. При отправлении в дорогу атаману давалась «доездная память», некий документ, письмо с воеводской печатью. В конечном пункте дороги в заранее

оговоренное укромное место станичники клали свою «память» и забирали «память», оставленную предыдущей станицей. Этот документ станичники привозили в город и отдавали воеводе в доказательство, что они были в назначенном по росписи урочище. Если конечным пунктом у станицы был населенный пункт, то «доездную память» в съезжей избе подписывал воевода, в монастыре — игумен.

Станичники ездили «в станицы на три дороги, встречаясь, по 36 человек». Что это означает? Когда станица по расчётному времени выезжала с конечного пункта пути, то ей навстречу из Волуйки высылалась другая станица. В городе, соответственно, оставались 108 станичников. По занятости в службе станичников называли «посылочные», «встречные» и «стоялые». Службу им предписывалось нести на двух конях или на коне и мерине. Однако зачастую по причине бедности станичнику приходилось выезжать в станицу на одной лошади. В 1670 г. из 129 станичников 11 служили даже пешими. Ружья тоже были не у всех: 108 человек служили со своими пищалями, 1 — с государевой пищалью, 20 — с рогатинами²⁶⁷.

Маршруты дорог станичников на протяжении века несколько раз менялись. Связано это было, прежде всего, со строительством Белгородской (1635–1658 гг.) и Изюмской (1679–1682 гг.) защитных черт, основанием новых городов и крепостей.

Первая дорога волуйских станичников шла к верховьям рек Айдара и Боучара (Богучар), до Тора и Святых гор. Приток Дона — река Боучар находилась в стороне от Кальмиусской сакмы. Зачем станичникам понадобилось делать такой большой крюк? По всей видимости, виноваты здесь чиновники Разряда, составляющие описание маршрута. В Книге Большому Чертежу написано, что от речки Котла на юг Кальмиусская дорога шла к Каменному броду на Тихой Сосне. «А от Каменова броду, по левой стороне, верховье реки Айдара да реки Баучара. А по правой стороне Колмиюской дороги верховье реки Волуики»²⁶⁸. «А река Боучар вытекла из Кальмиюской дороги, от верха реки Айдара и реки Волуики, протоку реки 150 верст»²⁶⁹.

Книга составлялась в 1627 г. в Разрядном приказе по «старому» и «новому» чертежу. Не имея под рукой достоверных географических карт, в Москве полагали, что верховья Айдара и Боучара находятся рядом. С 1640-х годов река Боучар в описании данной дороги больше не упоминалась.

Переправы на Северском Донце издавна наблюдались русскими сторожами. В 7079 (1571) г. по дозору князя Михаила Тюфякина и дьяка Матвея Ржевского была сделана роспись шести дальних Донецких сторож. Седьмую, Айдарскую, как малоперспективную к тому времени, оставили. В среднем течении реки Донца находились сторожи: 4-я — Савинская и Изюмская, сторожа следили за одноименными перевозами и шляхами и переезжали до Каменного ярка и устья Оскола; 5-я — Святогорская, напротив Святых гор, сторожа наблюдали от устья Оскола до устья Тора за Святогорским переездом, шляхами Малого и Великого перевозов, Торским шляхом; 6-я — Бахмутовская, сторожа доезжали вниз по Донцу до Айдара через Красную речку и Боровой шлях²⁷⁰.

Перевоз в районе Святогорского монастыря (г. Святогорск Донецкой области) называли ещё «Посольским». Здесь переправлялись русские и крымские послы, следующие в Крым и обратно, солевары на Торские соленые озера, всякие люди на промыслы и в угожья, казаки в юрты. Эта переправа через Донец пользовалась популярностью и у воровских черкас. Не один раз они приходили сюда с целью грабежа послов или государевой казны. От перевоза на север, к разменному городку в устье реки Ураевой, через Волуйку и далее к городу Осколу вела Посольская дорога. В ранних документах она называлась «Посольский шлях», «Посольская сакма».

На реке Оскол от Борисова городища до устья Волуйки было множество татарских перелазов. С конца 1630-х годов волуйские станичники на пути к Святым горам переправлялись по перелазам через Оскол с Ногайской на Крымскую сторону и обратно. На левом берегу они пересекали Кальмиусскую сакму, на правом — Савинскую.

На реке Оскол в 1656 г. заново был отстроен Царёв-Борисов. В 1658 г. служилые волуйчане жаловались на малолюдство в своих рядах вследствие высылки их на службу в Борисов²⁷¹. Волуйских станичников направляли туда по 25 человек с переменной помесечно. Из Борисова их посылали с вестями и отписками в Белгород и Чугуев, в проезжие станицы до Тора. Они же провожали государеву казну, «легкия посылки», толмачей и крымских гонцов до урочного места за Донцом на Торе²⁷².

Татары свободно и безнаказанно разбойничали в Поле. На открытых степных просторах станицы часто становились лёгкой добычей для превосходящего силой врага. 10 сентября 1660 г. воевода Юрий Наумов послал в Царёв-Борисов станичного атамана Фёдора Дмитриева с 20 служилыми людьми, на смену Дмитрию Жердеву с товарищами. Не доезжая Царёва-Борисова, напротив Бабьего озера, русские ратники повстречали 200 татар. В горячей схватке 17 волуйчан были ранены и взяты в плен, двоих убили насмерть. Раненый стрелецкий сын Перфилий Нефедов спрятался и отлежался в камыше. Позже от него воевода узнал, что вместе с татарами действовали черкасы с ружьями. Вооружение татарина — сабля, лук и колчан со стрелами, о применении ими огнестрельного оружия известий в источниках не встречается. 20 сентября возвратилась в Волуйку станица Сергея Бобырева. Подписав в съезжей избе «доезжую память», они выехали из Борисова. В 5 вёрстах от города за станичниками погнались 30 «воинских татар». По зарослям высокого камыша станичники едва ушли от преследования, хотя одного коня всё же потеряли. Воевода Юрий Наумов потом писал государю Алексею Михайловичу, что волуйчанам в Царёв-Борисов на службу стало очень опасно ездить — татары перекрыли все дороги по обе стороны реки Оскол, убивают и берут в полон людей²⁷³. 26 сентября 169 (1660) г. воевода получил грамоту из Белгорода от окольного Г.Г. Ромодановского с указанием станичных атаманов и ездоков «на стойку» в Царёв-Борисов больше не посылать²⁷⁴.

Но в 1663 г. на Донце поставили Маяцкую крепость (село Маяки Славянского района Донецкой области). В Маяцк на поселение приходили русские люди, черкасы, туда же направляли «сведенцев» из городов Чугуева, Салтова, Харькова и Волуйки. В 1666 г. в Маяцке насчитывалось 45 волуйчан с семьями²⁷⁵.

В 1676 г. воевода Елисей Зиновьев сделал опись «перелазов» по реке Осколу до Царёва-Борисова: первый – под Лысыми горами, от города Волуйки сухим путём 11 вёрст или 20 вёрст по реке Осколу; второй – Топольский перелаз, 20/40 вёрст; третий – Каменный перелаз, 22/44 вёрст; четвертый – Двуречанская слобода, 30/60 вёрст; пятый – Осиновский перелаз, 40/80 вёрст; шестой – Пещанский перелаз, 49/100 вёрст; седьмой – 2 перелаза на Банских «полоях» (болота, озёра), 52/106 вёрст, ещё один перелаз в 6 верстах от Кулабатских «полоев»; восьмой – Царёв-Борисов, 120/241 вёрст²⁷⁶.

В 1679 г. государем Фёдором Алексеевичем было принято решение о строительстве Новой (Изюмской) защитной черты. Начиналась она от ранее построенной Белгородской черты: от Усерда к Полатову и к Волуйке, по реке Осколу к Царёву-Борисову, далее по Северскому Донцу до Змиева и до Валок, от Валок к Коломаку. На реке Оскол в местах татарских перелазов поставили крепость Острополье (Гороховатка), в Сеньковом долу слободу Сеньковку (1683 г.), слободу Купенскую, Двуречный городок (ок. 1668 г.), Каменный городок²⁷⁷.

Волуйские станицы доезжали до Маяцкого городка и Царёва-Борисова. До конца века маршрут этой дороги больше не изменялся. На путь туда и обратно (более 300 км) у станичников уходило 8 дней.

В 1639 г. повторно был основан Чугуев. Патрулирование участков Изюмской и Савинской сакм возложили на станичников этого города. Вторую дорогу волуйских станичников, следующую ранее до Савинского перевоза,

укоротили. Станицы стали ездить вдоль речки Мокрой Козинки к верховьям рек Волчьих Воды, Нежеголь и Бурлуки. Соответственно уменьшилось и общее время в пути с 6 дней до 4, а потом до 3 дней. Примерно с 1670 г. от речки Бурлуки станичники заворачивали к слободе Двуречной на реке Оскол. Контроль Изюмской сакмы выше Волчьих Вод был возложен на станичников городов Оскол и Яблонов.

Третья дорога волуйских станичников шла вдоль реки Тихая Сосна, которая являлась серьёзным препятствием на пути следования татар по Кальмиусской дороге. После основания в 1586 г. Воронежа на реке поставили две воронежские сторожи: первая — напротив Вязового брода на Тихой Сосне под Терновским лесом, 6 сторожей переезжали на восток, к речке Ольшанице, и на запад, к Каменному броду через Кальмиусскую дорогу и до речки Усерда; вторая — напротив Каменного брода на Тихой Сосне, сторожа доезжали до верховий реки Волуйки. Эта важная сторожа у Каменного брода была «смесная», на ней стояли служилые люди из нескольких городов. По «русской», северной, стороне Тихой Сосны до Дона пролегал путь оскольских станичников²⁷⁸.

У оказавшихся в плену людей судьбы складывались по-разному: кто-то сбегал и возвращался домой уже через несколько дней, а кто-то проводил в неволе многие годы. В 1634 г. оскольский станичник Василий Толмачев просил пожаловать его за «полонное терпение». В 1608 г. в проезжей станице по дороге к устью Тихой Сосны на речке Тростянке взяли его ногайские татары. Из Ногаев продали в Крым. В Бахчисарае жил он у одного татарина 26 лет, «живот свой мучил <...>, всякую полонскую нужду и бедность терпел». После смерти татарина Василия отпустили на волю. По государеву указу вышедшему пленнику дали 2 рубля и отрез доброго сукна²⁷⁹.

Татары, преследуемые русскими ратниками, искали другие переправы и прокладывали новые дороги. Однако ненадолго, так как сторожа и станичники отыскивали эти пути и сообщали воеводам. После осмотра местности по Тихой Сосне в 1637 г. Фёдором Сухотиным и подьячим Евсеем Юрьевым в Москве было принято решение о строительстве города Усерда. По данным воеводы Бутурлина в 1643 г. Кальмиусская дорога разветвлялась и пересекала реку Тихую Сосну по 14 бродам: Каменный, Черёмховый, Александров, Чесночный, Вязовый, Осиновый... Вязовым бродом, по сообщению станичников, татары «лаживали» крайне редко, так как у брода река идёт с «окладиною», то есть делает изгиб, вокруг большие болота и «ржавцы». Броды на Тихой Сосне стали караулить усердские сторожа и станичники. Одна станица из Усерда доезжала до Дона к устью Тихой Сосны, другая — до Осинового острога²⁸⁰.

Дорогу волуйских станичников, которая изначально доходила до Вязового брода, уменьшили на 20 вёрст и сделали до Каменного брода, потом мимо Осинового острога и «гатища» до города Усерда. Вестовщики из Усерда ездили в Волуйку, Оскол и Яблонев. В Усерд приезжали вестовщики тех же городов, а также из Ельца и Воронежа.

28 июня 1644 г. из Волуйки в город Усерд выехала станица атамана Герасима Овчинникова. Между Волуйским лесом и Вислым липягом они увидели свежую татарскую сакму, конница прошла за день до станичников в сторону реки Сосны. Под «Вязовой стежкой» станичники наехали на другую сакму. У Волуйской дороги стояли скрытно около 30 татар. Атаман Герасим Овчинников послал станичного ездока Абрама Понарина с вестями в Волуйку к П. Колтовскому. Воевода переправил эти вести в Оскол. Из Оскола они пошли в Ливны, потом в Елец, из Ельца в Тулу и в Москву²⁸¹.

Рис. 31. Карта-схема дорог волчювских станичников в 1630 г. Реконструкция автора

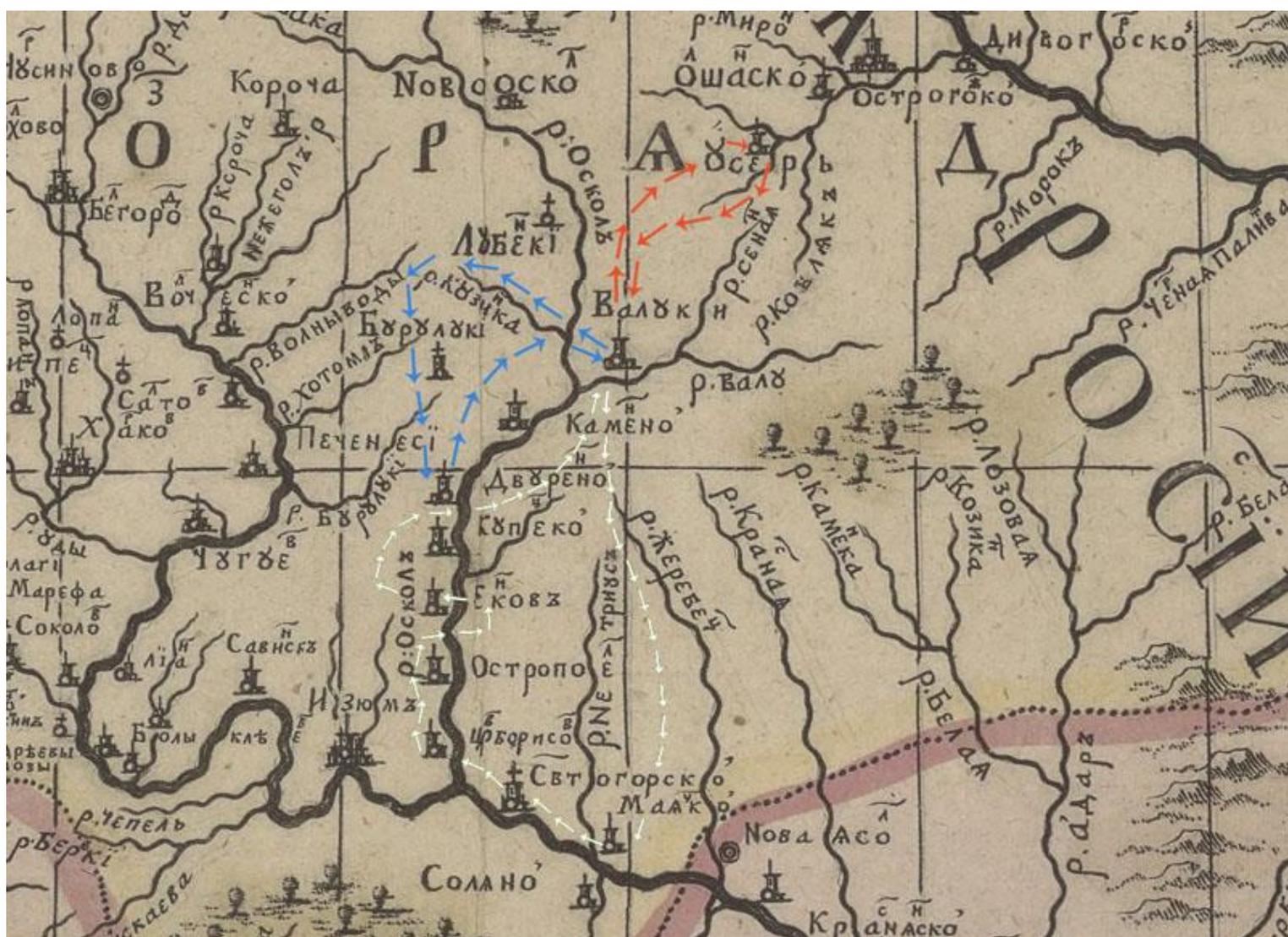

Рис. 32. Схема дорог волуйских станичников во второй половине XVII в. Реконструкция автора²⁸²

Денежное жалованье

За службу станичникам полагалось денежное и поместное жалованье. Вновь назначенный в Волуйку воевода Никита Александрович Чоглоков привёз из Москвы 602 рубля на жалованье станичникам и 12 июля 7136 (1628) г. раздал «по окладом сполна на всем на лицо с поруками, чтоб им государева служба служить – в станицах ездить и до урочищ доезжати, и быть в станичной службе о дву конь или х коню мерин доброй»²⁸³: атаману — 6 руб., 23 атаманам по 5 руб., одному ездуку — 5 руб., 119 ездукам по 4 рубля. Но уже через полтора месяца станичные атаманы и ездуки просили о жаловании на

следующий год. В начале сентября 1628 г. воевода Чоглоков отпустил в Москву челобитчика от станичников Онтюшку Песяукова²⁸⁴.

Как же выплачивалось годовое денежное жалованье? Станичные атаманы и ездоки подавали челобитную о своей бедности и пожаловании за службу. Воевода обязательно писал сопроводительную отписку и называл имя челобитчика, доставляющего коллективное прошение в Москву. Без разрешения воеводы гонца могли посчитать дезертиром. В Разряде делали выпись для доклада государю: число станичников в городе, состав служебных обязанностей, жалованье за предыдущие годы. Затем выходил указ о жаловании, в котором определялось, из каких источников следует произвести выплаты. Рассылались «памяти» (письма) в Приказы о даче подвод и стрельцов для сопровождения и охраны денежной казны. За доставку казны отвечал подьячий или иное назначенное лицо. В «подорожной» грамоте, данной ему, говорилось, чтобы воеводы по пути следования казны выделяли провожатых от города к городу — стрельцов и казаков с оружием. Подьячий с деньгами должен был доехать до конечного пункта «здорово и безстрашно». Воевода-получатель, по наказу в присланной грамоте, первым делом устраивал казну в «крепком» месте с надёжным караулом. Потом созывал станичников на смотр к съезжей избе и пересматривал всех на лицо по списку, присланному из Москвы. Затем оглашал, что великий государь пожаловал их, велел дать жалованье на текущий год «для их станичной службы и для их скудости». После чего воевода вместе с подьячим раздавал жалованье каждому станичнику лично на руки, чтобы не было никакого обмана. За атамана поручались ездоки его станицы, за ездоков — атаман и сами ездоки меж себя. В станичных десятнях денежной раздачи воевода записывал: сколько и кому дано жалованье, кто за кого поручился. А также имена погибших, умерших, попавших в плен, кого взял на их места и из каких людей. Указывался поместный оклад. Одну книгу воевода отправлял вместе с сопроводительной отпиской в Москву, другую — оставлял в съезжей избе.

Не всегда денежное жалованье выплачивалось в полном объеме. В 1630 г. волу́йские атаманы и ездоки в челобитной писали: «Служим мы, [холопи] твои, тебе, государю, станишную службу безпрестано, а даставаетца, государь, нам, холопом твоим, летом во всякой станице по двенатцетью и больши, да нас же, холопеи твоих, посылают на Дон з гонцами для твоих госудревых скорых вестей. <...> И со многих, государь, посылок лошади у нас розгораютца и помирают, да у нас же, государь, холопеи твоих, в станице тотаровя лошади отбивают и нас, холопеи твоих в полон берут. А за те, государь, наши за изронные лошади дают только за конь по четыре рубли, а за мерина по три рубли, а за седла, государь, наши, и за сунки, и за епанчи, и за орканы, и за треноги, и за плети, ничево не дают. <...> И мы, холопи твои, для твоеи царской службы покупаем лошади дорогою ценою: конь купим в десять рублей и больши, а мерина купим в пять рублей и больши. И мы, холопи твои, от той твоеи государевы великой службы одолжали великими долгами, в конец погибли, потому что нам идет твое царское жалованье в полы. Милосердый, (ПТ), пожалуй нас, холопеи своих, для твоеи царской службы и для нашей великие бедности своим царским денежным полным жалованьем, чтоб нам, холопом твоим, твоеи царской службы впредь не отстать. Царь, государь, смилуися, пожалуй!»²⁸⁵

Одновременно с волу́йчанами о полном жалованье на 1630 г. просили белгородские и оскольские станичники. В Разряде сделали выпись о станичниках трёх городов. В Белгороде станичная служба состояла из 400 человек: 40 станичных детей боярских, 40 атаманов, 240 ездоков, 80 вожей. Станичники ездили первой дорогой по Ногайской стороне до Соколых гор на Северском Донце, второй — по Крымской стороне до верховий рек Арели и Самары. Проезд по каждой из дорог занимал 9 дней в один конец и столько же обратно. В 137 (1629) г. белгородские дети боярские и атаманы получили жалованье от 4 до 14 руб. на человека, ездоки от 3 до 8 руб. (219 ездоков по 6 руб.), всем вожам дали по 6 рублей²⁸⁶.

В Осколе станичная служба насчитывала 200 человек: 20 станичных детей боярских, 20 атаманов, 120 ездоков, 40 вожей. Станицы ездили одной дорогой — на Обленскую сторожу, на Присылковскую сторожу в верховьях Котла и Потудони, затем к Тихой Сосне через Грязную Потудонь к бродам Каменному, Александрову, Вязовому, через Ольшанку и Тростянку, через Меринов колодезь до устья Тихой Сосны на Дону. Переезжали Кальмиусскую сакму, большие и маленькие сакмы. Езды до устья Тихой Сосны было два дня, назад тоже. Отмечено, что в оскольских станичных головах прежде служили дети боярские из разных русских городов. После царя Бориса на места голов стали выбирать из полковых детей боярских, в атаманы из жилых казаков. С 129 (1621) г. оскольские дети боярские получали жалованье по 5 руб., атаманы, ездоки и вожи по 4 рубля. В 137 (1629) г. детям боярским выплатили от 4 до 10 руб. на человека, ездокам и вожам всем по 6 руб., атаманам по 4 рубля. В Разряде не могли объяснить, почему оскольские атаманы получили меньше денег, чем ездоки²⁸⁷. Одна оскольская и одна белгородская станица состояла из 10 человек: сына боярского, атамана, 6 ездоков и 2 вожей. Станицы делились пополам: первая половина выезжала в степь с ранней весны до августа, вторая — с августа до наступления снежной зимы.

«А на Волуике наперед того станичников не было, а учинены на Волуике станицы во 133 (1625)-м году: атаманов — 24 человека, ездоков — 120 человек, всего 144 человека. В атаманы взяты из жилых казаков и и[с] стрельцов, а в ездоки взяты ис пушкарей и изо всяких гулящих людей. А денежные им оклады на Волуике учинены: атаманом 1 человеку 6 рублей, 23 человеком по 5 рублей, 120 человеком ездоком по 4 рубли. И государево им жалованье, как они учинены, со 133 (1625)-го году и по нынешней 138 (1630)-й год давано по их окладом сполна, итого 602 рубли. Да в нынешнем, во 138 (1630)-м году, придано за службу: атаманам 1 человеку 2 рубли, 1 ж человеку рубль, ездоком 2 человеком по рублю человеку. Всего и с прибавкою по их окладом — 607 рублей»²⁸⁸. Прибавки к окладу делались, возможно, за какие-то заслуги.

При расчёте жалованья белгородским, оскольским и волуйским станичникам взяли за основу величину жалованья из старых раздаточных книг царя Бориса 109 (1601) и 112 (1604) годов, которые нашли после «Московского разорения». Дети боярские получали по 10 руб., атаманы — по 8 руб., ездоки и вожи — по 6 рублей²⁸⁹. По челобитью станичников трёх украинских городов в Разряде сделали выпись: «Служат де они нашу станичную службу, и в станицы к урочищам ездят безпрестанно встречаясь, и от того де они стали скудны и вперед им нашей станичной службы служить будет нечем, а наше де им жалованье дано в полы окладов. И нам бы их пожаловати для их станичной службы: велети им дати наше денежное жалованье на нынешней на 138 (1630)-й год, как им давано в прежних годех»²⁹⁰.

21 января 138 (1630) г. государь Михаил Фёдорович указал дать станичникам полный оклад: детям боярским по 10, атаманом по 8, ездокам и жокам по 6 рублей. По указу в Устюжской четверти отпустили 1300 руб., в Казанском дворце — 3500 рублей²⁹¹. 15 февраля из Москвы деньги послали с подьячими по городам: с Михаилом Волошениным в Белгород 2640 руб., с Томилой Васильевым в Оскол 1320 руб. и в Волуйку 912 рублей²⁹². Подьячий привёз деньги в Волуйку и с воеводой Никитой Чоглоковым раздали на 138 (1630) г. атаманам по 8 руб., ездокам по 6 рублей²⁹³.

Проследим выплаты жалования в разные годы. 22 мая 7148 (1640) г. по указу стольник и воевода Мелентий Квашнин и подьячий Давыд Мардасов раздали жалованье атаманом по 10 руб., ездокам по 6 руб. «всем на лицо с поруками»²⁹⁴, всего 960 рублей. Ряды станичников в 147 (1638–1639) г. уменьшились: один человек умер, один пропал без вести, двое взяты в плен (атаман Яков Жерлицын и ездок Тарас Гридин), один отставлен за старость и увечья, один — за «неслужбу» и бедность. На «выбылые» места взяты в станичники — 3 из гулящих людей, по одному из старых ездоков, чернослободцев, а также сын атаманский. Одного ездока перевели в атаманы.

15 февраля 154 (1646) г. в съезжей избе 144 волуйских станичных атаманов и ездоков подали воеводе челобитную. Станичники просили

отпустить в Москву атамана Микиту Зарубина «бить челом» о даче жалованья и о своих нуждах. Воевода отпустил в Москву челобитчика и дал ему сопроводительную отписку²⁹⁵. После получения денег воевода Перфирий Колтовский с подьячим Яковом Курлаковым раздали на 1646 г. жалованье атаманам по 10 руб., ездокам по 6 руб., всего 960 рублей²⁹⁶.

1 февраля 156 (1648) г. воевода Фёдор Байков раздал государево жалованье волуйским станичникам: атаманам по 10 руб., ездокам по 6 руб., всего 960 рублей. За атаманами было сохранено поместное жалованье по 120 четей, за ездоками по 50 четей земли. За прошедший год из станичников выбыло: 8 человек по старости, увечьям и бедности, 2 умерли, 6 попали в плен (Фотей Бронников, Трофим Немого, Анофрий Жерлицын, Иван Исаев, Емеля Палков, Иван Добрынин), 2 пропали без вести, Васька Луковников отпущен на Дон для выкупа сына и брата, один сбежал, всего 20 человек. Взято новых станичников: 7 человек из родственников, 8 из казаков, 6 из стрельцов, один из гулящих людей²⁹⁷.

Служилых людей отпускали выкупать из полона своих детей и родственников. Место в службе при этом за ними сохранялось. Родного брата станичного ездока Василия Луковникова ездока Любима в 1646 г. взяли в плен. А в следующем году в станице у Святых гор ногайские татары захватили его сына Томилу. Вскоре в город пришла весть, что брат и сын находятся в Азове. Василий просил отпустить его для сыска и выкупа своих родных. В марте 1647 г. воевода отпустил Василия Луковникова на Дон с «порукой»²⁹⁸.

В апреле 1649 г. государь пожаловал волуйских станичников жалованьем без их челобитья «в полы»: атаманам — по 5 руб., ездокам — по 3 руб., всего 480 рублей. Деньги из Москвы доставил жилец Исаак Тяпкин²⁹⁹.

На 1650 г. воевода Михаил Дмитриев с подьячим Разрядного приказа Фёдором Посниковым раздал станичникам по указу «для их бедности и за службу»: атаманам по 7 руб., ездокам по 5 руб., всего 768 рублей. После раздачи осталось 22 руб., так как станицы были недоукомплектованы. Эти

деньги государь велел воеводе положить в казну и без указа никому не давать³⁰⁰.

На 1652 г. из Разрядного приказа в Волуйку с подьячим Иваном Малышевым были посланы 768 руб. на жалованье станичникам без их челобитья. Воевода Д.С. Яковлев с подьячим пересмотрели всех станичников на лицо и раздали 24 атаманам по 7 руб., 120 ездокам по 5 рублей³⁰¹.

Последующие 8 лет жалованье станичники не получали. В 1660 г. в челобитной они писали: «Оскудали большою скудостью и лошадми опали, служим <...> многие пеши и без ружья, взять негде»³⁰². Из разрядных доходов со станичником Дмитрием Бабенковым и казаком Григорием Санеевым было послано на жалованье 620 руб., из расчета — атаманам по 6 руб., ездокам и вожам по 4 руб. на человека. Данные о денежном жаловании за последующие годы нам обнаружить не удалось.

Поместное жалованье

Фактическое количество пашенной поместной земли в городских полях у служилого человека зачастую отличалось от установленного по чину оклада. «Новику», начинающему службу, как правило, давали не весь оклад, а только часть его, делая потом прибавки. В «разборе» 1675 г. в Волуйке записаны 23 станицы с общим количеством 135 человек. Время нахождения в службе большинства станичников составляло от 1 до 10 лет, больше 20 лет служили единицы. Во владении у станичных атаманов записано по 129, 120, 64, 54, 27 четей поместной земли, у большинства ездоков по 54 чети, у некоторых — 27, 43, 120 и встречается даже 129 четей, независимо от срока службы. Например, атаман, прослуживший более 30 лет, мог иметь 64 чети пашни, а ездок со стажем 3 года — 129 четей. Второй случай относился к сыну, унаследовавшему землю отца, станичного атамана. У 23 станичников земли не было совсем. Удивляет ездок, прослуживший 32 года: «Мокей Ананьин сын Елшин. По скаске, какову подал у розбору, служит со 151 (1642-43)-го году. У него два сына: Ивашка болшой дватцати пяти лет, не в службе, Ивашка меншой девяти

лет. А иных свойственников, пашенной земли, мельниц и никаких угодей нет»³⁰³. Неужели безземельные служилые люди довольствовались одним денежным жалованьем? Известно, что отдельные люди самовольно захватывали «дикие поля» — участки свободной необработанной земли в уезде. Эту землю они скрывали, и она не сразу попадала под учёт. Некоторые предприимчивые волуичане имели дополнительные доходы — разводили пчёл, торговали мясом и рыбой.

Прибор станичников на «выбылые» места

Станичная служба оставалась очень опасной, требовала мужества, смелости, выносливости и смекалки. Документы о службе содержат множество примеров гибели и пленения атаманов и ездоков.

30 апреля 136 (1628) г. воевода Никита Аладьин послал на Донец до Савинского перевоза станицу Алексея Кубаева. По дороге к урочищу у Волчьих Вод, в 40 верстах от Волуйки, на станичников напали 10 татар. Ездоков Тихона Аладьина, Фёдора Голякова и Долмата Сулюменова взяли в плен, забрали у них лошадей с сёдлами и уздами, епанчи, самопалы. Ездокам Богдану Алексееву и Парфену Кондратьеву удалось спрятаться, 2 мая они пешими вернулись в город. Воевода сообщал в отписке государю, что татары знают стёжки (дороги), по которым станичники ездят к урочищам, по 10–20 человек приходят из кошей и подкарауливают русских ратников. Он послал в поход за татарами атаманов Первушу Ребинина и Сидора Донецкого с волуйскими служилыми и жилецкими «охочими» людьми³⁰⁴. 21 мая в Волуyku из полона вернулись станичники Тихон Аладьин, Фёдор Голяков, двое волуйских казаков и один белгородский. Казаки отвозили в Белгород государевы грамоты, и на обратной дороге у Волчьих Вод их захватили те же татары. С пленными татары переправились через Донец выше Савинского перевоза и направились в Крым. За речкой Самарой 8 мая они повстречались с отрядом из 90 черкас атамана Фёдора Олтуха. Черкасы напали на татар, в схватке одного убили, взяли «языка» и отбили полон. Правда, волуичанина

Долмата Сулеменева освободить не удалось, уцелевшие татары увели его в Крым³⁰⁵.

Пограничная служба несла потери и нуждалась в постоянном пополнении. Воеводы следили, чтобы станиц оставалось 24, с одним атаманом и пятью ездоками в каждой. Вместо старых и увечных, бедных и «худых», умерших и убитых, взятых в полон станичных атаманов, ездоков и вожей по грамотам из Разряда предписывалось брать в первую очередь их детей, братьев и племянников, которые «в службу успели и собою добры». Если атаманские дети не служили станичную службу, то их вначале писали в ездоки. В атаманы же переводили опытных ездоков.

В 1627 г. Никита Аладьин за старость отставил от службы станичного атамана Кузьму Васильева сына Коскова, а на эту должность назначил его сына Филимона. В десятне следующего года Никиты Чоглокова записано, что атаман Филимонка Косков пленён в проезжей станице, а «в его место» взят атаманский брат Евсейка Рябинин. В 1637 г. под Волуйкой Евсея Рябинина убили в бою татары, вместо него стал служить атаманскую службу Сафон Бобырев. В 1633 г. Кузьмы Коскова «судом Божьим» не стало. Двор, земля, сенные покосы и всякие угодыя после Кузьмы и Филимона Косковых перешли во владение другого сына, Марка. Марк служил ездоком, а работы выполнял наравне с атаманами. Отцовское место и атаманское жалованье не давали Марку покоя. Через 14 лет службы в ездоках он обратился с просьбой о переводе в атаманы. По государеву указу за службу отца и за полонное терпение брата велено записать Марка Коскова в атаманскую службу³⁰⁶. Судя по спискам последующих лет, станичный ездок Марк Косков атаманом так и не стал, после 1647 г. в службе он не значился.

Атамана Степана Резанова взяли в станичную службу из полковых казаков при воеводе Никите Чоглокове в 1627 г., на место атамана Якова Белогурова. По указу пахотную землю, сенные покосы, дворовое место, гумно и огород Якова отдали во владение Степану. Вдова Якова вышла замуж за станичного ездока Илью Винокурова. После Волуйского разорения 1633 г.

Илью убили в бою татары, на место Винокурова заступил его пасынок, Кирилл Белогуров. Земля, покосы, двор, гумно и огород Ильи перешли к нему. Сын Степана Резанова Сергей погиб. У атамана остались два внука — Петрушка 16 лет и Ларька 13 лет. Старый и увечный атаман в 1647 г. просил записать вместо себя в атаманскую службу внука Петрушку. Москва удовлетворила его ходатайство, и воевода Фёдор Байков получил государеву грамоту с указанием взять Петра в атаманы после смерти деда. Список (копию) этой грамоты воеводе было велено хранить в съезжей избе, а подлинник отдать Степану Резанову³⁰⁷.

В челобитных служилые люди просили о назначениях и отставках. Так, в 1631 г. раненый и увечный ездок Ончутка Созыкин просил записать в его место шурина Родиона Антонова. Сирота из жильцов Дмитрий Павлов сын Чуркин женился на вдове станичного ездока Якова Митрохина, которого убили на Покров московские стрельцы, и просился служить вместо Якова. Зять ездока Алексея Русанова, Ивашка Русанов, хотел служить вместо умершего тестя. Станичный ездок Степан Трофимов сын Жерлицын подал челобитную об отставке по старости и увечьям, попросив записать в его место сына Аноску. О себе Степан сообщал, что написал его из затинщиков в станичную службу в 133 (1625) г. воевода Фёдор Сухотин³⁰⁸.

Переводы из одной службы в другую не всегда проходили гладко. В 1628 г. в станичную службу на «выбылые» места взяли из полковых казаков Василия Теребунского и Василия Ащеулова, из стрельцов Савостьяна Князева, Иева Болдина, Григория Микляева. Пашенные земли, сенные покосы у них отняли и отдали тем казаком и стрельцам, которых прибрали на их места. В станичники также взяли из гулящих людей Родиона Голева, у которого никакого хозяйства не было. Прибранным станичникам в новой службе земли и сенных покосов не дали. Оказалось, что имуществом убитых и взятых в полон станичников, вместо которых они заступили, продолжали владеть их вдовы, жёны и дети. Воевода Н. Чоглоков сослался на грамоту государя Михаила Фёдоровича: «Каторых станичников убьют или татарове возьмут или умрет, и у их жон и у

детей до твоево государева указу пашенных земель и дворовых мест отнимать не велена»³⁰⁹.

Воеводы прибирали в станичники из стрельцов и казаков по грамотам из Разряда, не ставя в известность Стрелецкий приказ. Волуйский стрелецкий и казачий голова Юрий Чуфаровский в 1629 г. докладывал в Стрелецкий приказ о запустении и малолюдстве в своей службе. Оказалось, что воеводы «худых» атаманов и ездоков отставляли, а в полковую службу не переводили. Отставные атаманы и ездоки жили в «вызбылых», а в их места выбирали из стрельцов и казаков. При этом новые атаманы и ездоки продолжали владеть своими дворами, пашнями, гумнами, огородами и всякими угодьями, какие были у них в прежней службе. О переводе стрельцов и казаков в станичники в Стрелецком приказе не знали. После разбора дела несогласованность между Разрядом и Стрелецким приказом была урегулирована, сведения о переводах подавались в оба приказа. В приказы послали память: «Да будет, которые станичные атаманы и ездоки и вожи побиты и померли и в полон поиманы, или будет, которые станичные атаманы и ездоки и вожи стары и увечны или хто беден или худ и с государеву станичную службу не будет, и в тех побитых и в старых и взятых и в увечных и в худы место велено на Валуйке выбирать ис полковых казаков и ис стрельцов и ис пушкарей самых добрых и конных людей, которых бы станичную службу стало и полевое дело было за обычей, чтоб станичная служба была сполна. А худых и бедных и старых станичников, будет которой еще службы не отбыл, велено им служить полковая служба. <...> А опричь стрельцов и казаков на Волуйке в станичную службу vybrати не ис ково»³¹⁰.

Тяжелее всех служилось одиноким ратникам. В челобитных они писали: «За одиночеством служить стало невмочь, оскудал и обеднял, нищ глазами». Для облегчения тягот службы в помощь, как одиноким, так и семейным ратным людям приписывали прокормщиков, или помощников. Как правило, это были их сыновья, братья или близкие родственники. Они подменяли главу семьи на службе, работали в поле. В 207 (1698–1699) г. Парфён Ащеулов писал в Разряд, что служил ездоцкую службу «многое время», обеднял из-за одиночества.

Просил приписать к себе свойственника Степана Луковникова. Осипа Артемова приписали в ездоцкую службу к брату Василию «на прокорм». Но из-за поврежденной руки Осип работать не мог и просил государя «за скорбь и за увечья» из прокормщиков выписать. Атаман Семён Болдин, «обедняв и оскудев» от службы и от одиночества, просил приписать к нему свойственника Семёна Адуевцева. Атаман Григорий Асеев прослужил более 40 лет, бывал в Крымском походе, в гонцах до Черкасского городка, в ближних походах. Воевода Сергей Жданов на разборе за старость, увечья и что «нищ глазами» Григория отставил, записав «в его место» сына Бориса³¹¹.

Другие виды службы станичников

Неоднократно воеводы пытались заставить пограничников, которые были временно свободны от поездок в станицы, выполнять разного рода работы. В 1626 г. от имени волуйских станичных атаманов и ездоков Пимин Котельников сетовал, что воевода Никита Панин отправлял их без государева указа во всякие посылки, с вестями в города, на сторожи, заставлял караулить по городу и острогу. Кроме того, у станичников забирали лошадей, которых они держали для службы, в подводы для посольских людей и на всякие нужды. Государь указал следующему воеводе Никите Аладьину, чтобы атаманы и ездоки служили одну станичную службу и лошадей у них не забирать³¹².

Оскольские станичники аналогично жаловались государю Михаилу Фёдоровичу, что воевода Фёдор Соковнин после возвращения из проезжих станиц отправляет их провожать послов и гонцов до Волуйки и до Ливен, посылает на утомлённых конях в походы за татарами, заставляет караулить на сторожах, по городу и острогу. И всё это он делает без грамот, по своему усмотрению, тогда как при царе Борисе они служили только одну станичную службу³¹³. Царь потребовал от Соковнина объяснений. Воевода оправдывался и ссылался на неких полковых детей боярских, будто бы они сказали, что при прежних воеводах станичники стояли на сторожах и ездили на вести по городам. В результате он вынужден был отменить своё распоряжение³¹⁴. Но

последующие воеводы вновь начали посылать станичников «на вести» и заставляли стоять в карауле. После повторного челобитья в 1630 г. государь послал на Оскол грамоту и вновь приказал действующему воеводе, чтобы станичники служили одну станичную службу³¹⁵.

Между городскими службами случались споры. Предметом разногласий являлось, главным образом, количество и тяжесть выполняемых повинностей. Волуйские конные стрельцы и казаки неоднократно просили ряд своих обязанностей переложить на другие плечи. Так, в марте 1629 г. они писали государю Михаилу Фёдоровичу и патриарху Филарету, что станичники и чернослободцы ни в чём им не помогают. С 1627 по 1629 год из стрельцов и казаков взяли в станичные атаманы и ездоки 54 человека. С попавшими в полон и погибшими, стрелецкая и казачья служба опустела на 96 человек. Они просили о помощи: «И велите, государи, тем станичным отоманом и ездаком и чернослоботцам с нами, холопи вашими, крымским послом и гонцом кормы и подводы давать с нами поровну, и всякие ваши государские городавые поделки делать, и на короуле по острогу с нами, холопи вашими, ночевать в ряд. А чернослоботцы, государи, петюдесят человеки, велите, государи, стрелецкие и козачье [службы] наполнить»³¹⁶.

Такая же по содержанию челобитная была подана в 1632 году. Вновь стрельцы и казаки жаловались о непосильных тяготах службы. В качестве примера они ссылались на станичных атаманов и ездоков Белгорода и Оскола. По их словам станичники этих городов в походы ходят, на вести по городам ездят, в сотнях для охраны полей и стад стоят, по острогу караулят, всякие работы по городу делают, посольские корма и подводы дают. «А на Волуике, государи, станичные отаманы и ездаки <...> в поход <...> не ходят, разве которой сам охотою в поход поидет, <...> и ни в чём нам, холопом вашим, з городом не подмогают»³¹⁷.

В 1635 г. жалобы стрельцов и казаков на станичников повторились. В своё оправдание 144 волуйских станичных атаманов и ездоков отправили письмо к государю в Москву с Микиткой Зарубиным. Они просили, чтобы их

не заставляли вместе со стрельцами и казаками караулить по городу. «И мы, государь, холопы твои, погибли в конец, стали от станичной службы бедны. И многих, государь, нашу братью в станицах тотарове емлют и побивают». Станичники не выдержали нападок в свой адрес и от души добавили: «А волуйския, государь, стрельцы и козаки с нами, холопы твоими, твое государева жалования емлют равно, а ездят на вести в два города — в Белгород да на Оскол. А но Воронеж на вести не ездят, и на указных сторожах не стоят, и окола поль не обежают. То, государь, они в своем челобитье написали ложна»³¹⁸.

Несмотря на сопротивление станичников со временем в постоянную их обязанность вошли посуточные дежурства в городе. Шесть человек летом и зимой досматривали полевые крепости, выполняли «скорые» поручения по вестям о воинских людях, проверяли караульщиков и сторожей на отъезжих сторожах.

Важной составляющей пограничной службы были поездки с поручениями. Через Волуйку проходили две стратегически важные дороги — одна в Крым, другая к низовьям Дона, к донским казакам и Азову. Для путешествия по пустынным и опасным местам требовались хорошие проводники — «вожи» (от «воживать», водить). Вож обязан был провести вверенных ему людей по кратчайшему, удобному и относительно безопасному маршруту. Он хорошо знал дороги в степи, переправы через реки, татарские сакмы, «укромные» места, где лучше стать на ночную стоянку. Волуйские вожи не входили в составы станиц, как это было в Белгороде и Осколе. Для разовых посылок воевода выбирал вожа из неслужилых людей или из станичных атаманов и ездоков.

Свидетельство об одной из первых поездок волуйчан в качестве провожатых на Дон относится к 1629 году. По государеву указу воевода Н. Чоглоков на кабацкие и таможенные деньги купил в Волуйке трёх лошадей государеву посланнику жильцу Ивану Порошину и дал для сопровождения вожа Ивана Турандина и две станицы (12 человек)³¹⁹.

С 1637 г. интерес Москвы к Дону возрос, в связи со взятием казаками Азова. В декабре того года к донским атаманам и казакам с государевой грамотой был послан воронежский сын боярский Трофим Михнев. Ему поручили разведать обстановку на Дону и планы крымских и ногайских людей. В Москве Трофим получил на поездку 30 рублей. В Волуйке воевода Андрей Лазарев дал государеву гонцу вожей — атамана Сидора Донецкого и неслужилого человека Самошку Деревягина. «На подъем» им выдали по 10 рублей. Правда в казне, которую ранее прислали в Волуйку на содержание крымских послов и гонцов, нашлось только 16 руб., а недостающие четыре рубля воевода добавил из своих. В путь вожи отправились на собственных лошадях. Всадники переправились через Донец в устье речки Каменной, где наткнулись на «воинских татар», которые погнались за ними и отбили трёх лошадей с тюками. Чудом спасшиеся посланник и вожи всё же добрались до Азова. Кстати, в доставленной ими грамоте царь призывал донских казаков к службе: на сакмах и на перелазах рек над татарами и их юртами «промышлять всякими мерами и поиск чинить». Государь просил донцов отписать запорожским казакам, чтобы они заодно с ними не пропускали на Украину крымских и ногайских воинских людей. Москва обещала донцам посылать жалованье «смотря по службе и по раденью». В общей сложности на всю дорогу у русских гонцов ушло без малого 3 месяца. За донскую посылку Михневу в Москве дали жалованье 12 руб. и прибавили к поместному окладу 50 четей земли, вожи получили по 2 руб. и по доброму сукну. За потерю лошадей и походной амуниции деньги жолам выплатили отдельно: Деревягину 10 руб., Донецкому 10,5 рублей³²⁰.

О приготовлении Турции и Крымского ханства к походу на Азов, о решимости донских казаков отстоять город рассказал в Разрядном приказе возвратившийся из полона волуйский станичный атаман Сафон Бобырев. Летом 1637 г. в бою с татарами под Волуйкой тяжелораненого Сафона взяли в плен. В Крыму под Бахчисараем жил он два месяца у татарина Алмаметя, потом 15 недель у турка Бахметя в Кафе. Русские пленники на чужбине вели

себя подчас как разведчики, стараясь собрать как можно больше сведений о противнике. От турецких людей и старых русских полоняников в Крыму Сафон слышал, что из Царьграда (Стамбула) движется под Азов по суше, через Волошскую землю (Дунайское княжество) мимо Крыма, визирь с турецким войском. По морю же идёт Бей-паша с 70 каторгами и 300 стругами. Турецкий султан велел крымскому царю со всеми своими людьми выступить под Азов, перекрыть все дороги, чтобы казакам по реке и по суше не могли доставлять в город запасы. Кафинский паша получил такой же приказ. Сам же султан, по словам Сафона, заключил с литовским царём мир и с основными силами намеревался пойти воевать с кизилбашским шахом (Иран), который захватил у Турции 4 города. Когда конкретно пойдут крымские татары к Азову, Сафон вызнать не успел. Кафинский паша заметил его у турка и забрал насильно, чтобы обменять на своего брата, находящегося в Азове «на откупе». Весной 1638 г. паша послал за братом корабль с полоном и товарами. На третий день стоянки под Азовом Сафон сбежал с корабля и пришёл в город. Там он увидел множество казаков с Яика, Терека и с других рек, из Запорожья приехали черкасы. В верхние городки азовцы послали весть, чтобы все казаки с Дона шли к ним в Азов на подмогу. Про ожидающийся приход турок они знали, готовились и не боялись. Запасов всяких в городе собрали много, пороховыми бочками была заставлена целая башня — это Сафон видел лично. Казаки вошли в его положение, дали небольшую лодку и отправили домой. Сафон в одиночку плыл по Дону и Донцу до Белой Калитвы. В пути он встретил караван из 50 стругов с белгородцами и черкасами, которые везли запасы в Азов. От Калитвы до Волуйки атаман станичников добрался пешком³²¹.

Прошло три года, но турки под Азовом не показывались. Султан решал свои первоочередные дела и к походу на Дон готовился не спеша и основательно. 21 марта 1641 г. волуйский вож Самойла Деревягин вновь отправился в Азов. На этот раз он сопровождал Анофрия Кожухова с государевой грамотой. Атаманы и казаки после прочтения грамоты послали по Дону во все места письма, чтобы люди срочно ехали в Азов для осады. Кто же

из казаков не пойдет в Азов, тех приговорили грабить и бить. Крайний срок сбора установили в день Светлого Воскресения. В поездке Кожухов и Деревягин находились 8 недель, в степи терпели всякую нужду. К тому же на обратной дороге в верховьях реки Лугани татары отбили у Анофрия коня стоимостью 22 рубля, а у Самойлы конь пал от стужи и голода. Перед посылкой на Дон вож Деревягин получил 10 рублей, после отчёта в Москве за изрон коня ему дали 5 руб. и сукно доброе. Самошка Деревягин ещё не один раз ездил на Дон, терял лошадей, вступал в бой с татарами, был ранен. В 1644 г. он подал челобитную, что прослужил в вожевой службе 12 лет, годового денежного и хлебного жалованья не получал, земли не имеет и просил дать ему свободный участок в поместье. В приказе за очередную донскую посылку Деревягину выдали сукно и 5 рублей. Не состоящие на службе вожи довольствовались только деньгами «на подмогу» от разовых посылок и незначительными компенсациями за потерю имущества.

19 апреля 1641 г. из Волуйки в Азов с государевой грамотой отправились станичный атаман Томила Бобырев и ездок Фёдор Лазарев. За четыре дня пребывания в Азове от казаков они узнали, что обстановка в городе спокойная, турецкие и крымские люди морем и по суше не приходили. Перед Пасхой казаки взяли в плен крымского татарина. «Язык» рассказал, что 4000 турецких и крымских людей стоят в Крыму и вскоре пойдут в поход к Азову. Казаки ждали с Дона подмогу. На обратной дороге волуйчане наехали на татарскую сакму: через Северский Донец вдоль реки Деркул прошли в сторону Волуйки, Усерда и Воронежа по счету больше 1000 человек. Станичники так спешили доставить важную весть в свой город, что Томила загнал коня³²².

13 июня из Волуйки в Азов, с государевой грамотой к донским атаманам и казакам, к атаману Науму Васильеву, воеводой Фёдором Голенищевым-Кутузовым были посланы станичный атаман Савостьян Князев и ездок Степан Пригаринов. Атаману на поездку выдали 10 руб., ездоку 8 рублей. Под Азов к Мертвому Донцу волуйские станичники прибыли 25 июня. В тумане они наехали на татарские шатры, татары подняли шум и кинулись на перехват.

Станичники пустились вплавь через речку Темерник. Грамоту пришлось утопить, чтобы не досталась врагу. Камышом они пробрались к устью реки Аксай, переплыли ее и помчались к Черкасскому городку, что в 30 вёрстах от Азова. От непрерывной скачки все лошади волуйчан — 2 коня и 2 мерина, — пали замертво.

На следующий день атаман Черкасского городка Степан Иванов отпустил Савостьяна Князева в разведку с казаком Лукьяновым, который понимал по-татарски. Ночью на лодке они приплыли под Азов, к устью речки Каланчи. Там и по Дону стояло огромное число турецких судов, дозорные на одном из них заметили лодку и подняли шум. Савостьян с казаком решили, что это погоня, стали уходить вверх по Дону, а когда рассвело, спрятались в камыше и простояли весь день. Пока «хоронились» в камыше, слышали, как вёлся массированный обстрел города из пушек. Через день атаман Иванов послал к Азову на вылазку есаула со 100 казаками. Спустя два дня отряд вернулся из похода, привели пленного раненого татарина. Перед смертью «язык» рассказал, что стоят под Азовом крымской рати 40 тысяч людей и турецких 40 каторг (гребных больших судов), не считая мелких суденышек. На подходе к городу еще 20 каторг, и крымские мурзы с 20 тысячами татар стоят в двух днях пути. Если пушечной стрельбой и штурмом турки не возьмут город, то возведут земляной вал, с помощью которого взяли Багдад. И пока Азовом не овладеют, никуда не уйдут.

Татары приходили и к Черкасскому городку, казаки выходили с ними на бой. При этом двое татар, служивших в городке, изменили и сбежали, прихватив 45 лошадей. Атаман сетовал волуйским станичникам, что если турки с татарами возьмут Азов, житья от них не будет. Придется казакам оставить Черкасский и на судах отправиться по Дону в верхние городки. Савостьян и Степан 10 дней дожидались хоть каких-то вестей из осажденного Азова, но ни одному человеку не удалось вырваться из крепости или пройти в город. В конце концов они приобрели у казаков в долг две лошади и отправились домой. Ехали по Дону до Маныча, потом к Раздорам. На Глубоком перевозе волуйчане

видели, как прошли из Руси в сторону Азова 1000 татар с полоном и стадом скота. 21 июля в Москве в Посольском приказе волуйские вожи доложили вести с Дона. За донскую посылку и за убытки Князеву и Пригаринову дали государево жалованье по 15 рублей и по доброму сукну³²³.

3 июля в Волуйку из Азова приехал станичный атаман Беляй Лукьянов с товарищами. Они рассказали, что 24 июня пришёл под Азов крымский царь с войском и осадил город. На следующий день морем приплыли на каторгах и мелких судах «турецкие люди». В Азове собрались донские атаманы и казаки, люди из верховых городков, Литвы, запорожские черкасы, всего 5 или 6 тысяч человек. Старшиной у казаков выбрали атамана Наума Васильева. Хлеба в городе осталось мало, государевых запасов из Воронежа не прислали. Хорошо ещё, что казаки успели загнать в город лошадей, коров и быков, всего около 1200 голов. Колодцев в Азове много, воды хватит. За свою истинную и непорочную во Христа Бога православную веру, за святую церковь, Иоанна Предтеча порешили казаки в Азове сидеть «крепко», за государя кровь пролить и свои «души положить». Даже если всем до единого человека придется помереть, вотчину государеву они не отдадут³²⁴. Так началась героическая оборона Азова, получившая впоследствии название «Азовское сидение». Через три месяца, 25 сентября, осада крепости закончилась, турецкие и крымские войска отступили.

География посылок волуйских станичников с годами расширялась. В росписном списке 1697 г. значится: «Да они ж, станичные ездаки, на Дон великого государя з грамоты и с отписки, с посланники в вожах, через степь в войска к донским козаком летом и зимою, и в Белгород, и в Куреск, и до полков, да Самары с отписки и в вожах. Другою дорогою да Дону и да Паншины городка, и за Дон до Волги до Царицына, и за Волгу»³²⁵. В 1688 г. число станиц увеличилось до 30, в 1697 г. — до 36. В новых станицах оказались сыновья, братья, племянники и свойственники ездоков и атаманов, рейтаров и полковых казаков.

Поначалу военные походы местного значения не входили в обязанность станичной службы. Иногда из-за этого случались конфликты. Днём 10 марта 147 (1639) г. в Волуйку с запольной речки Айдара из Рогового юрта пришли литовские казаки Кузьма Юсов с товарищем. У Красных вершин они видели 40 кочующих татар и у Белых вершин 30. «Тихой ходьбой» до тех урочищ было три дня пути, а «станичной ездой» — два. Воевода послал в поход волуйских станичных атаманов и ездоков, конных стрельцов и полковых казаков во главе со стрелецким и казачьим головой Василием Каменевым. Проводником отправил черкашенина Юсова. Станичные атаманы и ездоки Томила Бобырев, Павел Толстой, Евтифий Болдин, Яков Жерлицын, Василий Луковников, Карп Резанцев с товарищами не подчинились воеводе: «В поход-де нам за тотарами не хаживать. Почему-де нас посылаешь за татароми в походы? Без государева нам указа в походы не хаживать, и тебя-де ни в чем слушать не станем». В рядах станичников произошёл раскол. Некоторые ратники по своему желанию поддержали воеводу. Степан Резанов, Микифор Деревягин, Ломака Некрылов, Харитон Беляев, Сидор Забобурин в съезжей избе сказали, что пойдут на государеву службу в поход. Из зелейной казны станичникам выдали по фунту ручного зелья (пороха) и свинца. На запрос воеводы — что делать с ослушниками, из Москвы пришла грамота: выбрать из атаманов и ездоков и «из всяких служилых людей», которые не пошли в поход, трёх человек и перед съезжей избой «при многом народе» бить нещадно батогами, «чтоб на то смотря иным неповадно было так воровать»³²⁶.

К сожалению, скудные строки воеводских отчётов не раскрывают подробностей каждодневных боевых действий на границе. Можно только догадываться, сколько смелости и отваги проявляли русские ратники. Так, в сентябре 1660 г. под Волуйкой «розъещики» Трофим Бырин с товарищами заметили около 90 воинских татар. Воевода Юрий Наумов послал на поиск станичных атаманов и ездоков Семёна Подшивалова, Карпа Бусловского с товарищами, всего 20 человек. В верховьях речки Уразовой станичники

съехались с татарами, схватка продолжалась с полудня до вечера. Никто из волуичан не пострадал, но к городу и полевым крепостям татары не прошли³²⁷.

Начало русско-турецкой войны 1672–1681 гг. сопровождалось массовыми вторжениями крымцев. В мае 1673 г. татары действовали против укрепленной линии по реке Тихой Сосне, реке Осколу и прилегающим уездам. 15 мая татары числом до 200 человек приходили под Верхососенск, сожгли караульную башню, выжгли полевые укрепления, убили 6 человек, взяли пленных и угнали стада. Бежавший от них стрелец показал, что за Тихой Сосной стоят кошем более 2000 татар. Под Усердом с ними произошёл бой, противник отступил к реке Волую. Также крымцы напали на окрестности новопостроенного города Полатов, людей покололи, стада отогнали, разорили волуйские хутора и пчельники³²⁸.

Те же или другие пять сотен татар приходили 4 июня 1673 г. от реки Сосны под Волуйку к Белому Сазону. У пчельников и на хуторах они захватили двух сторожей, угнали стада и табуны, переломали полевые укрепления и хотели идти к посаду. Воевода Ермолай Баскаков собрал служилых горожан, взял наряд (артиллерию) и выступил против неприятеля. В пяти верстах от города, на Первом Сазоне, произошёл бой, длившийся с 3 часов дня до вечера. Русские ратники убили 7 татар. Выбив неприятеля из засечных укреплений, волуичане без потерь отошли обратно к городу. Два дня спустя татары напали на Новый Оскол: проделали брешь в засеках, сожгли башню, проникли на посад и угнали стада. Потом степняки отправились грабить деревни по речкам Окунеевка и Котел, захватив там много пленных. Татары окружили Волуйку со всех сторон, перекрыли дороги и станичные стёжки (тропы). Выехать из города не могли ни вестовщики (гонцы), ни станицы. Как только неприятель отошёл от города и встал станом в степи, Ермолай Баскаков написал воеводам и приказным людям в Новый Оскол, Усерд и Верхососенский, прося их соединиться с волуичанами и идти в поход. Его поддержали усердский воевода и ольшанцы. Стрелецкий и казачий голова Кузьма Шеховцов во главе волуичан и ратных людей из других городов догнал татар на речке Боровой. В бою они

отбили у степняков полон, скот, взяли одного «языка» и бунчук. Никто из русских воинов не пострадал. С отпиской о походе воевода Баскаков послал в Москву станичного атамана Терентия Корякина. «Сеунщикам» — сотенному голове Андрею Хоборову из Ольшанского города и волуйскому атаману Терентию Корякину, за радостную весть о победе на речке Боровой, из Приказа Большого прихода выдали по 2 рубля и по доброму сукну³²⁹.

Для затруднения действий татар на границе часто применяли старинный проверенный способ — осенью в степи выжигали траву. Отсутствие подножного корма для лошадей вынуждало неприятеля отказываться от грабительских рейдов. 27 сентября 155 (1646) г. в Волуйку пришла государева грамота с приказом: выжечь траву по татарским сакмам и около колодцев. Через два дня воевода П. Колтовский послал за реку Оскол на Изюмскую и Савинскую сакмы, на речки Бурлук и Двуречную, до Северского Донца станицы атаманов Наума Кубаева и Дмитрия Бабенкова, всего 12 человек. На Кальмиусскую сакму в верховья речки Полатовой до Чёрной Калитвы, на реки Айдар и Богучар отправились две станицы атамана Свирида Елшина с товарищами. По третьему маршруту, на Северский Донец к Мжанскому устью и Боровскому татарскому перелазу, на запольные речки Боровую, Красную, Лозовую, Белую и Козинку, где бывали прежде татарские становища, воевода 5 октября послал людей из семи станиц — Сафона Бобырева с товарищами, всего 39 человек. 3 октября первые два отряда станичников вернулись в Волуйку и отчитались о проделанном. Работу станичникам облегчила природа: в отдельных местах трава сгорела во время летних пожаров, в других её съела саранча. 28 октября вернулась третья группа: Сафон Бобырев сказал, что они жгли траву в степи на татарских сакмах от Волуйки до верховий речки Уразовой, по Нижней Белой и реке Айдару, в верховьях Козинки, Боровой и Красной. На Северском Донце же станичники сжечь траву не успели, так как начались осенние дожди³³⁰.

Компенсации за ущерб на службе

За ущерб, понесенный в дальних поездках и боях с татарами, станичникам полагалось возмещение. На этот предмет, о станичниках, разбитых на Поле в проездных станицах, воеводам был дан государев указ. Предварительно выяснялось: кто, когда и в каком месте напал на станичников, кого пленили или убили, каких лошадей забрали? Если свидетели под присягой подтверждали факт причиненного ущерба станичнику во время несения службы, то воевода выплачивал за коня 4 рубля, за мерина 3 рубля. Деньги брали из волуйских кабацких и таможенных доходов. За лошадь убитого или взятого в плен станичника деньги получала его жена или дети. Вот два конкретных казуса по таким делам.

9 апреля 155 (1647) г. из Волуйки до урочища к Святогорскому монастырю выехала станица атамана Трофима Немого. А 15 числа в Волуйку вернулся пеший ездок станицы Томила Носатой. Он рассказал, что 11 апреля из монастыря станичники отправились домой. В пяти верстах от обители, у Бабьего озера, на них напали 10 «воинских людей». Атамана и четырёх ездоков взяли в плен. 13 апреля воевода Фёдор Бойков послал до Святогорского монастыря станицу атамана Евтифья Болдина. У Бабьего озера станицу разогнали те же «неведома какие воинские люди». Воевода запросил Москву о разрешении организовать поход, но получил ответ: «Будет те воровские черкасы учнут для воровства приходить блиска Волуйки, и их имать. А в даль за ними не посылать, чтоб людей не потерять»³³¹. Станичному ездуку Томиле Носатому за потерянную во время боя лошадь было велено дать государево жалованье из Донского прихода. Воеводе надлежало сообщить, нет ли известий о взятых в полон станичниках, убиты они или живы?

10 апреля 156 (1648) г. в съезжей избе «били челом»: атамана Трофима Немого жена Настасьица, ездоков Амеляяна Колоскова жена Катериница, Ивана Исаева жена Агафьица, Аноса Жерлицына жена Авдотьица. Мужья их попали в полон на государевой службе в проезжей станице в Святых горах. По дороге в Усерд на государевой службе от рук воровских черкас погибли другой

станции атаман Василий Лазарев и ездок Тит Зернов. За них просили жена атамана Анница и отец ездока. Воевода Иван Голенищев-Кутузов провёл сыск по их обращению и выдал челобитчикам за потерянных лошадей и «за изрон» на всех 42 рубля³³².

17 апреля 156 (1648) г. из Волуйки к Святогорскому монастырю выехала станица атамана Дмитрия Бабенкова. 23 апреля атаман с ездоками вернулись в Волуйку пешими и ограбленными. Станичники рассказали воеводе Ивану Голенищеву-Кутузову, что 21 числа они подписали в монастыре «доездную память» и отправились обратно в Волуйку. На следующий день, на дороге напротив Боровского ерка и Банного юрта, на станичников напали 13 литовских воровских черкас. Атаману Дмитрию Бабенкову рассекли голову и правую руку в запястье. Черкасы забрали у него двух лошадей, епанчу (плащ), сумку и пищаль, у ездоков — лошадей, снаряжение и оружие. Черкасы продержали станичников в своем стане до вечера и отпустили домой. Волуйские станичники — атаман Бабенков, ездоки Игнатий Котыганов, Василий Немого, Иван Чернеев, Сергей Дехтев, Иван Жерлицын по возвращении из полона отправились в Москву, с челобитьем о пожаловании за потерю лошадей. Раненый атаман отдельно просил о выделении ему денег на лечение. 11 мая в Москве в Разряде Дмитрия Александрова сына Бабенкова освидетельствовали. По результатам осмотра записали: «Раны на голове выше лба спереди и на запястье правой руки больны, не зажили». По государеву указу на лечение атаман получил 3 рубля. Волуйскому воеводе И.Ф. Голенищеву-Кутузову послали грамоту, чтобы он выделил из волуйских кабацких и таможенных доходов станищикам за изрон и за отбитых лошадей компенсацию — за каждого коня по 4 рубля, за мерина по 3 рубля³³³. Воевода в конце июня выдал на всех 42 рубля³³⁴.

Итак, на начальном этапе освоения Польской украины русская станичная и сторожевая службы играли важную роль в деле борьбы с татарскими вторжениями. По своевременно доставленным от станичников и сторожей сведениям оповещалось мирное население в городах, гарнизоны крепостей

готовились к осаде и давали посильный отпор противнику. При крупных вторжениях татар готовились к обороне центральные области и Москва. Ситуация в корне начала меняться после возведения Белгородской, затем Изюмской защитных черт, построения новых крепостей и заселения Поля. Главная роль в отражении татарских нападений отводилась войскам Белгородского разряда. С созданием регулярной армии при Петре I в конце XVII в. необходимость в людях, несших дозорную и сторожевую службу на южных рубежах государства, постепенно отпала. Сторожевые посты ликвидировались. Станичные атаманы и ездоки переходили в другие службы, уходили в донецкие казачьи городки, становились «однодворцами».

ГЛАВА 7. ИСТОРИИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Дебошир Кондрашка Чоботов

Много людей в Волуйке пострадало от известного скандалиста и забияки станичного ездока Кондрашки Чоботова. В ездоки его взяли из казаков в 1647 году. В 1661 г. на Кондрашку пожаловался за беспричинные избиения и увечья черкашенин Фёдор Филонов. Воевода Юрий Наумов послал за драчуном пристава и велел привести его к съезжей избе. Но Чоботов оказал приставу сопротивление, идти отказался и добавил: «Коли сам воивода по меня придет, тогда пойду в съезжую избу». Тогда за нарушителем общественного спокойствия послал повторно уже двоих приставов. Они доставили Кондрашку в съезжую избу силой. Тут станичный ездок неожиданно вынул нож и стал размахивать перед воеводой, говоря при этом всякие «невежливые» слова. Все присутствующие опешили, а он тем временем выскочил из избы и побежал по городу, отмахиваясь от приставов и подьячих ножом. Воевода приказал закрыть городские ворота, чтобы «вор и заводчик» не скрылся. Наконец приставы с добровольными помощниками изловили Кондратия у Водяных ворот и снова привели в съезжую избу. Воевода стал расспрашивать его, зачем

и на кого именно он кидался с ножом, был ли у него какой преступный умысел? Поникший Кондратий ничего не мог сказать и в результате Юрий Наумов просто пожалел его, отдав на крепкие поруки. Хотя станичник Чоботов и в прежние времена не отличался спокойным нравом. Предыдущего воеводу Михаила Дмитриева он бил и бесчестил. От «воровского умыслу», задир и бузы Кондрашки служилые люди в городе ссорились, потерпевшие потом приходили к воеводе и подавали челобитные. В 1659 г. на целовальника Чоботова жаловался голова с кружечного двора (кабака) Фёдор Крашенинников — Кондратий из-за стойки украл 6 рублей. Конечно, после этого воевода его из целовальников живо «выкинул». Непонятно, как вообще на эту должность выбрали известного дебошира.

За все обиды и проступки Чоботова хотели бить в Волуйке принародно кнутом. Но грамоту из Москвы, в которой было сказано о наказании, Кондрашка по дороге выкрал и был таков. Нет указа – нет и наказания. После этого от государя Алексея Михайловича пришла уже другая грамота, на этот раз стрелецкому и казачьему голове Анфиногену Петрову. Ему было велено провести расследование по челобитным от людей, а правонарушителя станичного ездока Кондрашку Чоботова бить батогами³³⁵.

Дьячок Татаринов против воеводы Дубасова

Непростые отношения складывались порой у волуйчан с некоторыми из своих воевод. В этом смысле заслуживает особого внимания деятельность одного из последних городских воевод Гаврилы Ивановича Дубасова, который управлял Волуйкой целых 5 лет, тогда как обычно срок воеводства ограничивался 1–3 годами, в редких случаях четырьмя. На воеводскую службу в город он заступил 25 апреля 7208 (1699) года, сменив Сергея Жданова. Уже через несколько месяцев дети боярские, атаманы и ездоки, конные и пешие стрельцы, полковые казаки, пушкарки и затинщики, черкасы, ямщики, рейтары, казенный кузнец, дьячок, ларечный голова и целовальники, всего 85 человек, подали государю Петру Алексеевичу челобитную с прошением, чтобы Гаврила

Дубасов оставался у них воеводой на третий год. Челобитчики объясняли это тем, что воевода великого государя дела делает «безволокитно» (без промедления, немедленно), «налог» и обид людям «не чинит». Как уж за такой короткий срок они смогли до такой степени проникнуться талантами нового руководителя — история умалчивает.

В конце 1699 года государь пожаловал челобитчиков и повелел боярину Т.Н. Стрешневу издать указ о продлении воеводства. В начале третьего года управления городом Гаврила Дубасов сообщал, что находится на государственной службе с 1650 года, бывал в двух Крымских и в двух Троицких походах «с приезде до отпуску». Два его родных брата, Михайла и Артемон, служили под Нарвой, Михайла погиб. Дубасов просил царя оставить его воеводой в Волулке ещё на год. 19 июня 1701 г. по именному указу Г.И. Дубасову за его заслуги и за смерть брата велено быть воеводой четвертый год, «государевы и иные дела делать по указу и по наказу из Разряда»³³⁶.

Между тем, челобитная дьячка Пятницкой церкви Осипа Татарина донесла до нас совершенно иную картину воеводского управления в Волулке. Осип жил там вместе со своим отцом Яковом, который службы никакой не служил и податей не платил. Сам Осип в воровстве и содействии воровским людям ранее замечен не был. Как-то полковой казак Алексей Леонов попросил на улице Осипа поднести сноп овса. Осип — «человечишка добрый», не отказал казаку в помощи. Но тот оказался в сговоре с воеводой и подьячими. Казак привёл Осипа на воеводский двор, где его тут же схватили и обвинили в краже овса. Взяли, так сказать, с поличным. Воевода посадил Осипа в тюрьму, а на его двор послал подьячего с денщиками и своими людьми. Оттуда они забрали: медную, железную и деревянную посуду, 2 лошади, 7 коров, 20 свиней, 20 овец, 3 козы, 40 гусей, 70 русских кур, 3 телеги, 3 хомута, 2 бочки вина, коробка с бельём и платьями, с гумна вывезли 20 копён ржи и столько же овса. Все свои пожитки дьячок оценил в 150 рублей. В коробке Осип держал 50 рублей наличных мелочью, их воеводские люди забрали тоже. Надо сказать,

что дьячок был не бедный. Подьячий переписал дом и запечатал, семья Осипа оказалась на улице.

Дальше потерпевший приводит в своей челобитной впечатляющий список воеводских злоупотреблений, начиная со своих родственников. Дубасов узнал от Акима Шелаева, что в доме зятя Осипа черкашенина Пимена Тишакова есть краденый перстень. Воевода послал за ним подьячего Абросима Жердева с людьми. Пимена, его жену и мать связали и привели в приказную избу. В тюрьме Тишаков провёл немало времени. За освобождение воевода «вымучил» у Пимена 100 рублей и по «адоню» (мера сыпучих тел) пшеницы и овса. Осипа воевода тоже отпустил на свободу. При этом потребовал с клятвой на кресте, чтобы он молчал об этом деле. Однако Осип поехал в Белгород жаловаться генералу и князю И.М. Кольцову-Мосальскому «о своих мучениях и разорении». Из Белгорода в Волуйку приехали приставы, чтобы взять для допроса А. Шелаева и А. Леонова. Но воевода их не отдал, а Осипа снова посадил в тюрьму. Причем перед этим силой заставил его помириться с Алексеем Леоновым, у которого Татаринов будто бы украл овёс. Получив 8 рублей откупных, воевода освободил Осипа и вновь потребовал никуда не писать и не жаловаться.

В 1700 г. в Волуйку приезжал переписчик населения, спрашивал у воеводы о пришлых людях — вольные переселенцы подлежали учёту и налогообложению. Тот уверенно ему сказал, что никаких пришлых людей в городе и уезде нет. И тем самым скрыл больше 500 человек, которые пришли в Волуйку из других городов для работы и на поселение. Воевода взимал с этих людей от 3 до 10 рублей, брал у них лошадей и коров, заставлял работать на себя — косить сено, возить дрова, делать вино, пахать в поместьях. Посылал их с подводами на Дон и в Таганрог для продажи вина, погонщиками скота, гребцами на «бударах» (судах). Жены пришлых людей пряли и ткали полотно для воеводы. Каждый год женщины сдавали по «четверику» (26,24 л) орехов, груш, яблок, терна, ягод и вишни. Некоторые пришлые люди желали поступить на государеву службу, но подававших такие челобитные Гаврила Дубасов

наказывал, бил и сажал в тюрьму. Случалось, что после тяжких побоев люди исчезали бесследно. Воевода делился дешевой рабочей силой со своими верными подьячими: Иваном Путилиным, Иваном Горяиновым, Микитой Хлопониным, Яковом Смолевым и Иваном Мориновым. Люди работали у них во дворах и в поместьях. При сборе с волуйчан в государеву казну на год «рублевых денег» (откупные «вместо службы» в полках, в Азове и Таганроге), воевода с подьячими вымогали с пришлых по два, пять рублей и более со двора и оставляли их себе.

Старых волуйских помещиков воевода за большие взятки отпускал на житье в донецкие казачьи городки. В этом случае у помещика оставались в Волуйке дом и хозяйство. Обилие свободной земли, зверья и рыбы привлекали в низовья Донца и Дона вольных людей, так что от воеводского разоренья и «наглых нападков» Гаврилы Дубасова туда ушло немало волуйчан. Другие от «оскудания» (бедности) оставили службу и перебрались в иные города.

В 1701 г. по царскому указу волуйчанам велено было ехать служить в Таганрог. Туда предстояло отправиться каждому второму жителю города. Дубасов объявил, что можно вместо службы заплатить деньги. Собрав 150 рублей, воевода положил их в свой карман, а обманутые люди всё равно отправились строить Таганрог. Дети боярские и атаманы давали воеводе взятки по 5-6 рублей, и он посылал вместо них других людей, с кого взять было нечего. При этом ни одного из пришлых воевода в Таганрог не направил.

Неоднократно Гаврила Дубасов использовал как предлог для поборов якобы полученные из столицы указы. Так велено было взять с волуйчан овёс и сено для отправки в Белгород. Вместо продовольствия и фуража собрали со всех 150 рублей, которыми «покорыстовался» (присвоил) воевода. В другой раз он собрал всех горожан и сказал, что в Москву нужно отправить пушки. Для этого потребовал собрать 150 рублей, пушки никуда не отправил и деньги никому не вернул.

Волуйчане обеспечивали «кормами» турецких и крымских послов во время проведения посольских размен. Воевода затеял сбор запасов для

турецкого посла и получил с населения 21 рубль, 150 возов сена, 100 четей овса, 10 четвертей круп и столько же овса, 1500 яиц, 8,5 пудов коровьего масла. Все это отправилось не в посольство, а в закрома воеводы.

Для оплаты работы плотников, строящих в городе церковь, со всех волуйчан собрали 21 рубль, 700 «коврег» хлеба, 700 кур, 10 четвертей круп и пшена, 50 пудов соли, 100 четвертей пшеничной и ржаной муки. И опять деньги и весь запас продовольствия Дубасов забрал себе. Со строящейся церкви Гаврила воровал брёвна и доски, из них делал телеги и сундуки.

С атаманом черкас Микифором Лисиным произошла и вовсе вопиющая история. Он принёс в приказную избу от всех черкас праздничное подношение. Дубасов же прознал, что там не хватает пяти яиц, их не дал один черкашенин. Воевода велел избить атамана батогами, да так, что тот на третий день умер.

Неплохой доход получал Дубасов от продажи клейменной бумаги, принуждая волуйчан покупать её силой. С человека он брал за бумагу по 5 и 10 рублей, у кого не было денег — забирал коня или корову. Пострадавших на этом деле набралось больше двухсот человек.

Присланного из Москвы в Волуйку с государевой казной подьячего определили на постой к попову сыну Григорию Васильеву. Последний украл из казны 100 рублей и с разрешения воеводы уехал в донские городки. Задобрённый подарками, воевода продолжал покрывать Григория, тот потом свободно приезжал в город и не боялся разоблачения. Зато полковых казаков, которые стояли у казны в карауле, Дубасов пытал, отобрал у них всю домашнюю скотину, а одного казака заporол до смерти.

По государеву указу с волуйчан собирали «полоненичные» деньги на выкуп пленников: на год со двора по 2 деньги. Воевода же по своему усмотрению установил сбор в 4 деньги со всякого двора, а с пришлых людей брал по 8.

Волуйские служилые люди разбили в степи на речке Ураевой битюгских черкас, захватили 300 овец, 13 волов, 8 лошадей, 7 кафтанов, 17 «понев» шелковых (нарядная женская одежда), 70 золотых, с женщины-черкаски силой

сняли перстень. Всю скотину воевода отогнал в своё поместье, выдавая её за собственность дьяка Степана Ступина, с которым, возможно, делился награбленным.

Пошлины с подачи челобитных Гаврила Дубасов оставлял себе, с преданных ему пошлин не брал. Воевода заставлял ремесленных людей работать на себя бесплатно. Кто ослушивался, бил батогами и сажал в тюрьму. Понравившегося коня и другую собственность отнимал насильно. Дубасов делал деньги даже на своей жене, которая была далеко не красавицей. Он заставлял мужиков целовать жену, а потом обвинял в бесчестии и брал за это сомнительное удовольствие по 20 рублей. Для отправки в Москву «колодников» (арестантов) Дубасов выбирал провожатых из служилых людей. Чтобы они не изменили и не сбежали по дороге, брал с них по рублю, но ни в Москву с «колодниками» не отсылал, ни денег не возвращал.

Каждую неделю по пятницам и воскресеньям воевода устраивал смотры волуичанам и по несколько часов их не отпускал. Кто уйдет со смотра раньше времени, того писал в «неты» (дезертиры) и брал с них по барану и по четверти пшеницы. Доходило до того, что ратника, не явившегося на смотр, воевода писал в беглецы, а в его поместье пускал других людей, дворовые строенья продавал, обмолоченный и посеянный хлеб забирал себе. Полковые казаки и стрельцы по службе обязаны были ездить «на вести» в города и жить там по две недели. Воевода в отчётах записывал, что они ездят и служат исправно. Сам же брал с них по четверти пшеницы и ржи, и принуждал с ястребами ловить для себя перепёлок.

Вот с таким объемом компромата пришёл Осип Татаринов в Москву «бить челом» на воеводу. Это был невероятно смелый для того времени поступок, на который мог решиться только отчаявшийся человек, которому терять уже было нечего. Однако Дубасов побывал в Разряде раньше и обвинил Осипа в краже овса и том, что у него были найдены чужие овцы. По его словам Осип был пойман с поличным и под пытками во всём признался. Правда, когда 28 января 1704 г. боярин Т.Н. Стрешнев с товарищами допросил в Разряде

самого Татаринова, тот утверждал, что воевода со своими людьми последовали за ним в Москву и, найдя Осипа, всячески угрожали ему, чуть было не убили до смерти. Выслушав дьячка, Стрешнев приказал послать грамоту в Волуйку для проведения расследования. Под угрозой ссылки на каторгу Осипу запретили уезжать из Москвы на время следствия и велели ежедневно отмечаться в Разряде³³⁷.

Итог этой истории неизвестен, найти другие документы по делу в архиве не удалось. Но за полвека до описанных событий в Волуйке произошел похожий случай. Тогда против воеводы Дмитриева выступал не один человек, а весь город.

Волуйчане против воеводы Дмитриева

Воевода Михаил Дмитриев настолько донял волуйчан смотрами, вымогательствами, грубым и жестоким обращением, что осенью 1648 г. жаловаться на него от имени всего города поехали в Москву семь челобитчиков: Наум Кубаев, Кондратий Чоботов, Павел Духанин, Прохор Кондабаров, Григорий Уколов, Василий Луковников, черкашенин Пётр Данилов. По государеву указу для проведения следственного дела о конфликте воеводы с горожанами в Волуйку прислали Данилу Яковлева. Ему надлежало опросить как можно больше местных жителей, выяснить истину про деятельность воеводы Дмитриева, а также, действительно ли от всего города поехали в Москву Наум Кубаев с товарищами? Опрошено было 283 человека. Станичники подтвердили, что семеро волуйчан ездили в Москву от имени всего города. Воевода держал в городе 8 станиц в летнюю рабочую пору, устраивая смотры по 2–3 раза в неделю, вследствие чего они остались без урожая хлеба. Жену и детей Наума Кубаева Дмитриев посадил на неделю в тюрьму и морил голодом. Конные стрельцы жаловались на то, что воевода заставлял их находиться в городе подолгу без дела. Пушкари и затинщики поведали, как Дмитриев занимался рукоприкладством, наказывал их батогами за то, что в карауле смотрели не в ту сторону — в город, а не за город. На грубость и

мздоимство воеводы указали 50 человек. Один ездок рассказал, как Дмитриев приказал ему караулить крепостные стены, чтобы их не разгребали куры, отменив своё распоряжение только за 10 алтын (30 коп.).

Дело закончилось тем, что воеводу обязали вернуть часть полученных взяток. В сентябре 1650 г. Дмитриев на смотре объявил волуйчанам о начале работ по укреплению стен крепости. Те заявили ему, что не пойдут к «городовому делу» до окончания уборки полей. Воевода приказал денщикам схватить одного из зачинщиков, Михаила Шацкого, и наказать. Волуйчане освободили Шацкого, а воеводу били «в душу и по щекам». Напуганный Михаил Дмитриев запёрся в своем доме и написал обо всем в Москву. В Волуйку послали для расследования Алексея Хрущова. Государь гневался и повелел ему сыскать «непослушников», которые бесчестили воеводу. Велено выбрать из них 5–6 человек, в торговый день водить по улицам и бить, чтобы «иным так неповадно было воровать». Потом отправить их в тюрьму в Корочу или иной город, а двоих самых активных «заводчиков» после исповеди повесить за городом у дороги. Хрущов допросил около 600 человек. Все они обвиняли воеводу Дмитриева во взятках и побоях невинных людей. Волуйчане никого не выдали. Из людей, которые освободили М. Шацкого и били воеводу, Хрущов не нашел. Дело прекратили. Для порядка несколько человек всё же били кнутом и батогами³³⁸.

Воевода жаловался в отписке, что собирать волуйчан на городовые и полевые «поделки» стало трудно. «А разъежаютца, государь, волуйченя всяких чинов служилые и жилецкие люди по пашнем в дальние места, и в городе не живут, и заводу никакова в городе не держат, и изб и клетей для осаднова времяни не ставят, а живут по пчельником з жонами и з детьми и со всеми животы от города в дальних местех, от города верст по дватцати и по тритцати. А ездят пахать в отъезды в дальние места против своих пчельников»³³⁹.

В сентябре 1651 г. служилые и жилецкие люди снова просили государя Алексея Михайловича переменить в Волуйке воеводу-самодура. От всего города отправились «бить челом» атаман Наум Кубаев, ездок Кондратий

Чоботов, Василий Луковников, казак Павел Духанин. В челобитной, поданной боярину Борису Репнину в Белгороде, волуйчане писали: «Чинит он, Михаило, нам, холопом твоим, налоги и тесноты тюремные большие, и смотры делает частые по вся дни. Велит кликать с утра, а смотрит нас, холопей твоих, часу во седьмова и [пол]ольсмова дни. А расходитца нам, холопом твоим, от смотру не велит. А которой, государь, из нашей братьи атаман или ездок или стрелец или казак или какова чину человек будет в нетах, и побредет для своей пашнишка на поле, и он, воивода Михаило Михайлович Дмитриев, велит нас, холопей твоих, писать в неты, и бьет, и увечит, и в тюрьму, и в чепь, и в железа сажает для своей бездельной корости»³⁴⁰. Воевода в свою очередь написал государю, что Кондрашка Чоботов, Васька Луковников, Панька Духанин при всем народе ни за что, ни про что позорили его «большим позором»³⁴¹.

В феврале 1652 г. по государеву указу город и дела у Михаила Дмитриева принял новый воевода Данила Яковлев³⁴². Таким образом, Дмитриев оставался воеводой в Волуйке четыре года. Несмотря на долгую тяжбу и следственные дела, сместить его жителям города так и не удалось.

Вестовой колокол

Самым надёжным способом оповещения людей о приближающейся опасности издревле считался сигнал колокола, слышимый на большом расстоянии. Специальные «вестовые» колокола, от слова «вещать», были неотъемлемой принадлежностью всех городов-крепостей на Руси. Колокола отливали в Москве на Пушечном дворе. Вестовые колокола мало чем отличались от колоколов, предназначавшихся для церквей и монастырей. Вес вестового колокола находился в пределах от 10 до 35 пудов и зависел от величины и значимости города, для которого его изготавливали. После Волуйского разорения 1633 г. воевода И. Байков жаловался царю: «А колокол, государь, вестовой мал и не звучен, а весу в нем 6 пуд, в приход татарских людей на полях не слышат. А преже, государь, Волуйского розаренья на

Волуйке вестовой колокол был в 20 пуд»³⁴³. Для сравнения, в 1640 г. вестовой колокол весил 21,25 пуда (348 кг), язык — 23 гривенки (9,4 кг), в 1648 г. колокол весил 18 пудов 35 гривенок (309 кг). Вестовой колокол подвешивали, как правило, на самой высокой башне, которая и называлась «Вестовой». В той же башне стояла вестовая пушка, которая дублировала сигнал тревоги. По звону колокола и выстрелу из пушки служилые люди должны были собираться в городе, готовиться к обороне и занимать свои места в башнях и на городской стене. Мирным людям, работающим в поле и на сенокосах, а также жителям слобод, надлежало спешно идти в крепость в свои осадные дворы. Городовые ворота закрывались.

Часто колокола разбивались, их качество оставляло желать лучшего. Битые колокола возвращали в Москву для обмена или на переплавку. 21 августа 1652 г. новый воевода Данила Яковлев в отписке в Разряд сообщал: «А приехав на Волуйку принял у Михаила Дмитриева город земной со всем строеньем, и по городу наряд, и на башне вестовой колокол, а весу в нем осмнатцать пуд тритцать пять гривенак. А ныне, государь, тот колакол и достал, разбился весь, как были вести татарские в нынешнем во 160 (1652)-м году июля в 14 день. И впредь, государь, больших колаколов нет»³⁴⁴. По отписке воеводы государь указал послать вестовой колокол в Волуйку весом 15 пудов³⁴⁵. Не дождавшись колокола, 13 мая 1653 г. воевода вновь написал в Москву. По государеву указу Алексея Михайловича через три дня была послана память в Пушкарский приказ, велено отпустить в Волуйку вестовой колокол в 20 пудов, а разбитый взять в Москву. Из приказа ответили, что колокола в 20 пудов не нашлось, поэтому подобрали и отправили в Волуйку колокол весом 16 пудов 20 гривенок (270 кг). Воевода Яковлев получил наказ, чтобы «тот колокол взял и устроил иво на городской на караульной башне, и к тому колоколу велел береженье держать, чтоб тот колокол был в деле»³⁴⁶.

Как черкасы получали жалование

Порой получить заслуженное жалование служилым людям было непросто. Ивашка Москалев от имени 80 волуйских черкас подал в селе Коломенском челобитную о денежном и хлебном жаловании на 7154 (1645-46) год. Государь пожаловал черкас и велел заплатить. Решение было принято, но указом его почему-то не оформили. Но именно в указе определялось, из каких средств и где получать деньги. Через четыре недели Иван подал новую челобитную, не забыв добавив несколько слов о бедности и нужде, а также о заслугах и подвигах своих товарищей. За прошедший год татары 15 раз приходили под Волуйку, черкасы вместе со всеми ходили против них в походы и бились «не щадя голов своих». Черкасы подавали такие челобитные ещё четыре месяца, а указа о денежном и хлебном жаловании всё не было³⁴⁷. Когда он наконец вышел, черкасам указывалось дать годовое денежное жалованье в Волуйке из казны, которая была ранее прислана на «городовое дело».

Находящиеся в Москве Григорий Семенов и Иван Москалев подали в Разряде челобитную, в которой просили государя вычесть их деньги из общего списка и отдать на руки в Москве. Они собирались к Рождеству Христову «выменять» крест Благословенный и сделать разные церковные покупки. Московские товары были в два-три раза дешевле, чем в Волуйке³⁴⁸.

Через какое-то время Ивашка Москалев вновь подал прошение, на этот раз лично от себя. Он писал, что долгое время «волочился» в Москве в челобитчиках от своих товарищей, клячу свою продал и проел, ехать ему в Волуйку не на чем и служить тоже. Просил государя выдать его жалованье в Москве, чтобы купить лошадь³⁴⁹. Ходатайство удовлетворили, деньги дали.

Воспользовавшись тем, что черкасам вышел указ о жаловании на 7154 год, в Москву приехал за деньгами волуйский черкашенин Степан Бушинский. Он три года находился в турецком плену, терпел «всякую нужду и муки», вышел из полона «наг и бос». Степан просил государя пожаловать его «беднаво, разореново и беспомошново» и выдать жалование в Москве, чтобы он смог купить лошадь и ружьё³⁵⁰.

Пример черкас, получивших в Москве свои вычеты из общего жалования, оказался заразительным. Волуйский служилый черкашенин Лёвка Антонов и ездок Черник Зарубин доставили в Москву на подводе языков — воровских черкас. Зарубин возвратился один, а Лёвка Антонов задержался в Москве, может, загулял. Ехать домой ему было не на чем, и он подал в Разряде челобитную. Время шло, а решение не принималось. Через какое-то время черкашенин написал повторно: «И живу на Москве многое время, помираю голодную смертью... Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне выдать своего государева жалованья, мои вычет, zde[сь], на Москве, из Розряду против моей братьи, чем мне, холопу твоему, домой сволочися, и на што искупить для твоеи государевы службы служивая рухлядь, и чтоб мне, холопу твоему, в конец не погинуть и впредь твоеи царской службы не отбыть»³⁵¹. Неизвестно, получил Лёвка в Москве деньги или нет. Бывало, что в подобных случаях самовольного челобитчика били батогами и отпускали домой. Из позднейших документов следует, что Лёвка вернулся в Волуйку и продолжил службу.

Роль волуйчан в Крымских и Азовских походах

Для Крымского похода под командованием князя Василия Голицина в 1686 г. жители Волуйки и уезда заготовили 4002 воза сена. Но по невыясненным причинам оно не было отправлено войску. Только в 1690 г. по указу из Разряда выкупили 802 воза за 56 руб. 4 алтына, и несколько возов отдали донским казакам. В скирдах погнило 3100 возов³⁵². Выжженная за Конскими водами степь, отсутствие воды и фуража заставили в июне 1687 г. повернуть обратно 100-тысячную русскую армию. Она не добралась даже до Крыма. Кто знает, если бы волуйское сено было востребовано, судьба похода могла бы сложиться иначе. Цель похода — обезопасить южные границы

России, не была достигнута и решение этой задачи досталось молодому царю Петру.

В ноябре 1695 г., после первого неудачного похода на Азов, через Волуйку возвращались генеральские полки русской армии. Городской цейхгауз принимал на хранение полковые припасы: знамена, барабаны, пушки, мушкеты, карабины, пистолы с жаграми и с замками, бердыши, ремни с бонделер и многое другое. Волуйчане заготовили 675 возов сена, которое пошло на корм полковым лошадям. Больных и раненых ратников оставляли в городе. Вылеченных людей потом отпускали в Москву, а умерших хоронили. От больных солдат волуйчане заразились неизвестной болезнью, в простонародье названной «огницей». В феврале 1696 г. для расследования «упадка» городских и уездных жителей из Москвы в Волуйку приехал стольник А.М. Редриков. Ему было поручено выяснить, от какой болезни и сколько человек умерло. Никаких смертоносных язв на телах больных стольник при обследовании не обнаружил — четыре-пять недель люди лежали, а потом умирали. Умирали не скоропостижно, перед смертью успевали исповедоваться и причаститься. Всего в городе и уезде взрослых и детей скончалось около 100 человек. С 1 января 1696 г. «упадок» прекратился. Остальные больные вылечились «с Божией помощью»³⁵³.

Командующий вторым Азовским походом А.С. Шеин в 1697 г. вместе с ратными людьми выступил против крымских татар, готовившихся воевать с западными союзниками России. По союзному договору русские войска своими действиями намеревались отвлечь татар от нападения. Этот поход получил название «Третьего». В результате были приведены к покорности ногайцы и татары, живущие на Кубани, ускорено окончание русско-турецкой войны и заключение Константинопольского мира в 1700 году.

Из Тулы 11 апреля 1697 г. боярин и воевода Большого полка Алексей Семенович Шеин писал воеводе А.Г. Рагозину, что вскоре проследует в Острогжск, а затем в Волуйку. Служилым волуйчанам надлежало отправиться

на реки Айдар и Северский Донец делать переправы, чтобы походу к Азову «ни малые остановки и мешкоты не было».

Тем временем, в Волуйке произошла смена воевод. Новый воевода Сергей Степанович Жданов послал на вышеназванные реки служилых людей строить новые мосты и гати, так как старые переправы весной «полою водою рознесло». Он наказал строителям работать «с великим радением и поспешанием, неоплошно». Сделав один мост на Северском Донце, волуйчане бросили «мостовое дело» и самовольно поехали домой. Станичные ездоки Данила Ланин с товарищами не пошли со всеми в Волуйку, а явились в лагерь Большого полка у реки Айдар и доложили о побеге воеводе А.С. Шеину. В тот же день беглецов Кузьку и Ларьку Посоховых, Андрюшку Потанина, подьячего Аброську Жердева с товарищами схватили и привели в обоз полка. За самовольный отъезд их били батогами, после чего выслали обратно строить мосты. Через два дня в полк вернулись Кузьма Посохов и Андрей Потанин. Они сказали, что их товарищи — казак Устинов, станичный ездок Суганяикин, черкасской службы Вобликов с товарищами, всего около ста человек, по подговору площадного подьячего Аброськи Жердева повторно покинули «мостовое дело» и бежали в Волуйку. А.С. Шеин отписал С. Жданову, чтобы он сыскал беглецов, Устинова и ещё 10 человек посадил в тюрьму и держал до прихода полка. Подьячего Жердева с женой и детьми воевода сковал и с провожатыми послал на вечное житье в Азов. Остальных дезертиров бил кнутом и выслал обратно на Северский Донец делать 4 моста. В случае нового побега подговорщиков ждала смертная казнь, а соучастников ссылка с семьями на вечное житьё в Азов.

Из Азова П. Львов в письме сообщал воеводе Жданову о приеме 6 июня 1697 г. у провожатых Ивана Гладкого с товарищами на вечное житьё жены площадного подьячего Агаши Жердевой с детьми Насьткой и Анюткой.

Подьячий Абросим Леонтьев сын Жердев каким-то образом сумел избежать наказания и продолжил службу в волуйской приказной избе, возможно, за него заступился воевода. Думается, что со временем Абросим

сумел вернуть из ссылки жену и дочерей. Подьячий — мелкий канцелярский служащий в приказах и в местных учреждениях в XVI–XVIII вв. Основные обязанности — ведение переписки, приём челобитных, участие в смотрах служилых людей, выполнение поручений воеводы. Они получали денежное, хлебное, иногда и поместное жалованье.

Дорогу войскам до Азова показывали волуйские вожи. Поездка для них оказалась убыточной, на одной из стоянок у вожей украли лошадей.

В августе Большой полк возвращался из Азова через степь и Волуйку в Москву. Волуйчане и люди из уезда с «выборным» Денисом Угловым, всего 365 человек, вновь отправились наводить переправы на реках Айдар и Северский Донец. В городе зачитали царский указ — торговым и промышленным людям предлагалось ехать на реку Северский Донец навстречу полкам с хлебом, калачами, всякими съестными припасами и с конскими кормами. Государь обещал купцам, что «насильного взятья в тех их продажных всяких съесных припасов и в конских кормех и никакой обиды от ратных людей им не будет».

После прохода войск через реки волуйчане разобрали мосты, брёвна и доски сложили в «пристойных и крепких местах, чтоб тех мостовых лесных припасов водою не разнесло». Такой хозяйский подход имел цель держать строительные материалы для будущих походов в целостности и сохранности. На обратной дороге голова и служилые люди взяли в донском казачьем городке Гундорове у атамана Тихона Васильева полотняную церковь со всякой утварью, три колокола и на своих подводах привезли в Волуйку³⁵⁴.

ГЛАВА 8. ЗАСЕЛЕНИЕ УЕЗДА

Волуйчане не хотели жить в тесноте и стремились любыми путями переселиться из плотной городской застройки. Вокруг города образовался посад — слободы служилых и жилецких людей. В уезде было много пасек. Как временное жилище на время посевной и уборки урожая жители города

сооружали «лесные дворы». Они находились в глухих, укромных местах — на лесных полянах, по берегам речек. Стихийно возникали хутора.

Пашенной земли вокруг города не хватало. В конце XVII в. в Волуйке возросло число прошений от небольших групп служилых людей о выделении им поместной земли не в общих, а в отдельных полях. Служилые люди сами приискивали пустующие земли в уезде и просили дать их в поместье. Находились они на достаточном удалении от города. На дорогу до поля и обратно уходило много времени. Поэтому вместе с пашней челобитчикам давались места под усадьбы. Таким образом, людям впервые официально разрешалось селиться не в городе и близлежащих слободах, а в уезде, рядом со своими полями. Владения эти были обыкновенно временные, пока ратник находился на государственной службе. С выходом в отставку или после смерти главы семьи место в службе и соответственно земля переходили по наследству к одному из сыновей или братьев.

С древних времен выбор места жительства во многом был обусловлен географическими причинами. Предпочтение отдавалось местам у реки, леса, недалеко от дороги и города. Выбирались высокие места или, наоборот, в отлогих оврагах, защищенные реками, обрывами, крутыми склонами, лесами и болотами. Этому принципу придерживались и волуйчане. Новые деревни называли по фамилии основателя или предводителя поселенцев. На привычный вопрос «чья деревня?», её жители отвечали: «Безготкова», «Курганская», «Насонова», «Старокожева», «Ланина», «Чепухина». Разве задумывались первопоселенцы, что таким образом войдут в историю края? Но их фамилии надолго сохранились в названиях населенных пунктов, логов и оврагов, где находились владения. Истории появления большинства деревень и сёл в Волуйском уезде в конце XVII – начале XVIII вв. схожи, поэтому остановимся подробнее на одной из них.

Дело о выделении в 1694 г. земли, места под усадьбы и сенных покосов И. Безготкову, А. Чепухину, П. Путилину с товарищами является примером типичного процесса получения поместной земли группой служилых людей.

Челобитные волуйчан, их рассмотрение в Поместном приказе, сыск земли, мерная и межевая грамоты склеены в свиток и составляют один архивный документ³⁵⁵. Выписи из волуйских мерных³⁵⁶ и межевых книг³⁵⁷ находятся в другом документе того же приказа.

Сперва была челобитная волуйчан об измерении пустоши дикого поля. «Холопы государевы, Игнатка Акимов сын Безготков, Акимко Васильев сын Чепухин, Петрушко Тимофеев сын Путилин с товарищи», всего 21 человек, 5 июля 7201 (1693) г. «били челом» великим государям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу. Они писали, что в Волуйском уезде имеется пустующая земля, ничьих усадебных мест на ней нет: от Полатовского устья и от рейтарских дач вверх по левой стороне реки Полатовой до Мельникова лога, и вверх по реке Волую до Ельмина лога. От устья речки Сенной вниз по обе стороны реки Волуя до Полатовского устья находились владения рейтаров Петра Косого, Григория Курганского, Степана Ланина, Афанасия Жирова и ездока Михаила Елшина. На этой территории челобитчики нашли много четей свободной земли. Сверху от казачьих дач по Первой Полатовской Россоши есть «порозжие» (пустые, запустелые) сенные покосы. Все это волуйчане приглядели заранее и, наверное, не без помощи соседей-помещиков. Не случайно в списке о прошении земли оказались пять их сыновей и близких родственников. Волуйчане просили государей смиловаться и пожаловать: прислать к воеводе мерную грамоту, названные территории измерить и положить в четверти. Таков был порядок: прежде, чем претендовать на землю, её вначале нужно было документально описать и измерить.

Затем последовало решение Поместного приказа. Перед рассмотрением челобитной там сделали выпись, добавив: «Великих государей службу они служат по Волуйкам розные, а помесными оклады не верстаны и поместья за ними нет нигде». Верстать — наделять окладом жалованья или поместья по службе. После слушания дела боярин П.В. Шереметьев «приговорил» (принял решение) послать грамоту в Волуйку к воеводе о сыске со свидетелями земли «большим повальным способом».

Такой документ, именованный мерной грамотой, был составлен. В мерной грамоте от 5 июля 1693 г. к стольнику и воеводе Селиверсту Петровичу Иевлеву сообщалось, что к великим государям обратилась группа волуйчан с прошением о даче в поместье дикого поля, лишней земли и сенных покосов в Волуйском уезде. Воеводе было велено, вместе с разными людьми — старостами, целовальниками и крестьянами, произвести по «Евангельской заповеди Господни» сыск земли, о которой просят челобитчики. «Сыскным людям» требовалось выяснить, действительно ли земли «лежат порозжи, в поместье и в вотчину, и на оброк наперед сего кому не отданы ль, и в вотчину не проданы, ни к каким землям не приписаны, и не владеют теми землями хто, и буде владеют, по крепостям или без крепостей? И буде по крепостям, и с тех крепостей взять списки за рукою. А буде, хто теми землями и сенными покосы владеют без дач самовольством, и для чего, и давно ль владеют? Потому ж у них взять скаски за руками». Имена и речи обыскных людей следовало записать в книги. Свободную землю воеводе было приказано измерить в десятинах и «изверстать» (поделить) на три поля поровну. Десятины мерялись в длину по 80 саженой, поперек по 30 саженой, сенные покосы измерялись в десятинах или копнах, леса подразделялись на пашенные и непашенные. После завершения всех замеров обыскные и мерные книги воевода должен был прислать в Поместный приказ.

Для сыска и измерения земли и сенных покосов 20 октября 1693 г. подьячий Иван Попов вместе с волуйчанами «тутошними и сторонними многими людьми» (7 атаманов, 4 ездока, 6 пятидесятников, 1 есаул, 8 рядовых, всего 26 человек) побывали в уезде. Сыскные люди сказали: «Пустошь — дикое поле, земля есть и никто тою землею преж сего не владели и ныне не владеет, и до той земли нам, сыскным людем, дела нет, и великим государем на ту землю не челобитчики, потому что та земля - пустошь дикое поле, и в крепостях у нас, сыскных людей, ни у ково нет. <...> А сенные покосы от речки Полатовой Первоя Россашь сверх козацких дач есть, а владели теми сенными покосы они ж, козаки и иных чинов многия люди. А по крепостям ли владели

или нет, про то мы не ведаем». Под этими показаниями от имени и по велению сыскных людей «руку приложил» подьячий (или рукоприкладствовал, то есть подписался). Измеренную в десятинах землю перевели в четверти (1 десятина=2 чети=1,093 Га). 2 ноября воевода вместе со своей отпиской послал сыск и мерные книги в Москву с челобитчиками Акимом Чепухиным со товарищи. Копии документов воевода оставил в Волуйке в приказной избе «для ведома и спору». В последний день января 1694 г. бумаги в Поместном приказе подал Игнатий Безготков.

После получения в приказе «мерных» документов волуйчанам разрешили подать новую челобитную, о выделении поместной земли, то есть сделать следующий шаг в деле получения земли. «Беспоместные детишки боярские», — так они себя называли в этот раз, писали: «Милосердые великие государи ... пожалуйте нас, холопей своих: велите, государи, ис того дикого поля и из лишней земли под усадьбы дать нам, холопом своим, против своего, великих государей, указу по дватцати чети человеку. И ту землю от розных земель, великие государи, отмежавать во всех урочищах порознь: под усадьбы — от Петрова огорода Косого через реку Волуй да Усердской дороги, и вверх по речке Волую по обе стороны по Лысою горку, а от Лысой горки через реку Волуй по Усердскую ж дорогу на пятьдесят четий; да дикого поля на пашню — от броду Полатовского с урочищи на триста семьдесят четий, всего на чатыреста на дватцать четий; да сенные покосы сверх казацких дач по Первой Полатовской Розсоши по обе стороны Розсоши и вверх по Розсоши по обе стороны да верховья с потеклями против мерных книг, и о том дать свою, великих государей, межевую грамоту на Волуйки к воеводе. Великие государи, смилуйтеся!» Усадьба здесь — это комплекс жилых, хозяйственных и других построек, составляющих единое архитектурное целое. «Потекл» — ручей по балке, по оврагу. Как первую, так и вторую челобитную писал подьячий приказной избы Иван Путилин. Ровный, размеренный почерк на листах говорит о том, что занимался он этим не спеша, со старанием.

Перед рассмотрением дела в Приказе со второй челобитной сделали выпись, добавив: «Если о земле они бьют челом ложно, и та земля и покосы за кем-нибудь объявятся в дачах, то взять с них пеня и учинить наказанье». 3 февраля, после слушания дела, боярин П.В. Шереметьев с товарищами велел послать к воеводе грамоту, по которой землю Игнатию Безготкову с товарищами отмежевать. Межевание земель представляло собой комплекс работ по установлению, восстановлению и закреплению на местности границ землепользований и юридическому оформлению полученных материалов.

Тем временем в Волуйке произошла смена воевод. Межевую грамоту из Поместного приказа получил новый стольник и воевода Афанасий Рагозин. Межевание земли следовало так же, как и сыск, производить при свидетелях. Воеводе по результатам выполненных по грамоте действий надлежало прислать в Поместный приказ отчёт.

О процессе измерения земли подьячим И. Поповым со свидетелями рассказывает выпись из волуйских мерных и описных книг. Это почти дословное повторение отчёта из мерной грамоты. Другая же выпись, из волуйских межевых книг, повествует о проведении межевания поместной земли и сенных покосов по челобитью Игнатия Безготкова, Акима Чепухина, Петра Путилина с товарищами. Межевые книги писал подьячий приказной избы Иван Попов. Как видно, путь от начала прошения земли и до её фактического получения оказался нелёгким. Группе служилых людей потребовалось на его преодоление чуть менее года.

15 мая 7202 (1694) г. по указу великих государей Иоанна и Петра Алексеевичей и по грамоте из Поместного приказа стольник и воевода Афанасий Гаврилович Рагозин, взяв с собой «тутошних и сторонних всяких чинов людей» (16 человек), приехал в Волуйский уезд. Воевода отмерил и отмежевал при свидетелях дикое поле и сенные покосы по мерным книгам. На берегу возле Полатовского брода и Усердской дороги поставили «починной» (начальный) столб, рядом вырыли яму, в которую положили «уголья» (угли). На столбе насклаки грань, указывающую направление межи. От столба межа

пошла по левому берегу речки Полатовой напрямком на три осины, стоящие на берегу в болоте. На одной осине сделали две грани: одна грань указывала направление межи назад к столбу у брода, другая — вперёд, на «утиной» столб на горке у родника колодезя за Мельниковым логом. На этом столбе были две грани, под ними ямы с углями. Грань вперед поворачивала круто налево по Мельникову логу к Большому Полатовскому лесу, к дубу на взгорье. При межевании вместо столбов иногда использовались приметные отдельно стоящие деревья, грани делались на них. Лесные угодья оставались в пользовании всех волуйчан, «...а леса в тех урочищах Полатовской и Волуйской у гратцких у всяких чинов людей во всех местех вопче». Далее межа шла через лес к Елмину логу. При выезде из леса на отроге лога стоял дуб с гранями. Справа от дуба находились дачи и сенные покосы волуйских полковых казаков и черкас, слева — помещная земля Игнатия Безготкова с товарищами. Вниз по Елмину логу межа шла к другому «утиному» столбу, установленному на горке у Усердской дороги. И у этого столба были две грани, под гранями ямы с углями. Одна грань столба указывала назад к дубу у Полатовского леса, а другая — по меже вдоль Усердской дороги к Полатовскому броду на «починной» столб. Межа замыкала периметр, внутри которого волуйчанам отмерили 370 четей земли под пашни.

Справа от Усердской дороги челобитчикам выделили места под усадьбы. Межа усадебным местам начиналась от одинокого дуба на возвышенности у окраины Большого Волуйского леса, напротив огорода Петра Косого. На дубе наскли грань, рядом вырыли яму и положили угли. Через огород межа шла к реке Волую на три лозы, стоящих в болоте. Справа от межи были помещные земли рейтара Петра Косого, слева — Безготкова с товарищами. На средней лозе были сделаны две грани, под ними ямы с углями. Одна грань указывала направление назад к дубу, вторая — вперёд через реку Волуй, прямо на столб около Усердской дороги. Грань на столбе поворачивала налево, к другому

столбу на той же дороге. Межа от этого второго столба снова поворачивала налево, далее через реку Волуй к столбу, стоящему под Лысой горкой. Справа от межи находилась поместная земля Михаила Елшина, слева — Безготкова с товарищами. От столба под Лысой горкой межа шла на «взлысок» и смыкалась у дуба с «починной» гранью. Площадь земли под усадьбы составила 50 четей. Итого, волуйчанам дали земли 420 четей «в поле, а в дву потому ж», по 20 четей на человека.

Граница сенных покосов начиналась от речки Полатовой и верха казачьих дач, далее шла по правой стороне Первой Полатовской Россоше на большой курган с камышом, с кургана на отдельно стоящий ивовый куст и на «хмелевские боераки» или «буераки» — неглубокие овражки, поросшие хмелем. С левой стороны Россоши межа начиналась от трёх осин на берегу речки Полатовой, растущих из одного корня, по грани шла вверх по Россоши на большой курган, а с кургана до «хмелевских бояраков». Всего покосов выделили по 100 копён на человека.

Что же ныне находится на месте сенокосов у речки Полатовки, сохранились ли какие-нибудь ориентиры? Первая Полатовская Россошь сегодня носит название «балка Плутовской Яр». Что означает слово «россошь»? В старину это слово означало определённый вид водной системы. Впадающие в реку малые речки выходят из устья оврагов. Во время весеннего таяния снегов овраги превращаются в бурные реки, которые несут вместе с водой большое количество смытой с полей земли, глины и песка. Плодородная земля выносится дальше по течению и оседает в устье в виде ила. Часто именно там наблюдается наименьшая скорость течения, заиливание и сильное обмеление, образуются заливные луга и болотца. Долина речки в таком случае приобретает характерные признаки урочища, ориентира на местности.

Возможно, происхождение слова «россошь» идет от «рассыхаться», «разсохнуть», «расщеляться от сухости». Название Россошь могло быть дано не из-за полного пересыхания водного потока, но вернее всего из-за мелководья этих речек, или распада потока на цепочку озёр в русле, отделённых друг от друга участками суши. То есть появления потока воды меньшего, чем река и большего чем ручей. «Иссыхающая речка», «рассыхающийся поток», «сухая река» — все эти признаки характерны для речек, впадающих в Полатовку.

Напротив устья балки Плутовской Яр (Первой Россоши) находится село Вороновка. В 1986 г. была произведена археологическая разведка долины речки Полатовки по левому берегу, под руководством доцента исторического факультета Липецкого педагогического университета А.Н.Бессудного. Обследовались древние селища и курганные могильники. Могильник в районе села Вороновки состоит из 11 насыпей. В отчете экспедиции привязка сделана к кургану № 4 (диаметр 38 м, высота 1,3 м) — расстояние 800 м юго-восточнее от центра села по направлению к шоссе Валуйки – Никитовка. Ближе к Вороновке находятся курган № 1 (диаметр 45 м, высота 1,5 м), курган № 2 (диаметр 30 м, высота 1 м). Датировка могильников затруднена. В этих двух курганах найдены мелкие фрагменты керамики эпохи бронзы (2 половина 2-го — начало 1-го тыс. до н. э.). Отмечено, что все насыпи интенсивно распахиваются³⁵⁸. В настоящее время пашня не обрабатывается, поросла травой и мелким кустарником, курганы не просматриваются.

Другой примечательный ориентир из дела о межевании 1694 г. — те самые три осины. На окраине села Вороновки на берегу речки Полатовки стоит рощица высоких осин. Нигде поблизости такие деревья больше не растут. Очевидно, в этом месте стояли и те три осины, сослужившие добрую службу древним землемерам. Заросли хмеля встречаются по реке и в оврагах повсюду.

Ширина реки Полатовки в летнее время 5–10 м, берега утопают в зарослях клена, ивы и вяза, течение спокойное, дно густо заросло травой.

Очевидно, новые помещики и их близкие родственники вскоре после межевания поселились рядом со своими полями. Так образовывались небольшие хуторки, которые потом территориально объединили в деревни. По 1-й ревизии населения России 1719 г. в «Валуйском уезде» отмечены «деревня Курганская и Старокожева» и «село Чепухина». На плане Генерального межевания земель 1780 г. в Валуйском уезде показаны деревня «Курганская Касеновка тож» (совр. Касеновка) и село «Полатово Чепухина тож» (совр. Ватутино). Они входят в периметр описанной в 1694 г. территории. Поэтому справедливо считать датой основания этих населённых пунктов 15 (26) мая 1694 г. — окончание межевания и получение служилыми волуйчанами поместной земли и усадебных мест в коллективную собственность.

Волуйчане, получившие в 1694 г. поместную землю:

Игнатий Акимов сын Безготков (станичный атаман³⁵⁹), Яков Акимов сын Безготков (станичный ездок), Аким Васильев сын Чепухин (станичный ездок), Петр Акимов сын Чепухин (сын ездока), Петр Тимофеев сын Путилин (брат ездока), Иван Кондратьев сын Мальцов/Ливенцов (казак), Федор Тимофеев сын Подерегин (брат казака), Иван Семенов сын Подерегин (полковой казак), Алексей Иванов сын Старокожев (брат рейтара), Игнатий Исаев сын Старокожев (рейтар), Фома Кондратьев сын Родионов (станичный ездок), Кузьма Леонтьев сын Луншин (брат казака), Петр Тимофеев сын Курепин (племянник ездока), Семен Григорьев сын Курганской (полковой казак), Тимофей Кирилов сын Курганской, Алексей Кузьмин сын Волошенинов (черкаской службы), Федор Кирилов сын Санеев (сын ездока), Иван Леонтьев сын Кондобаров (полковой казак), Денис Петров сын Косого (сын рейтара), Лукьян Степанов сын Ланин (рейтар), Михаил Сидоров сын Жиров (брат рейтара).

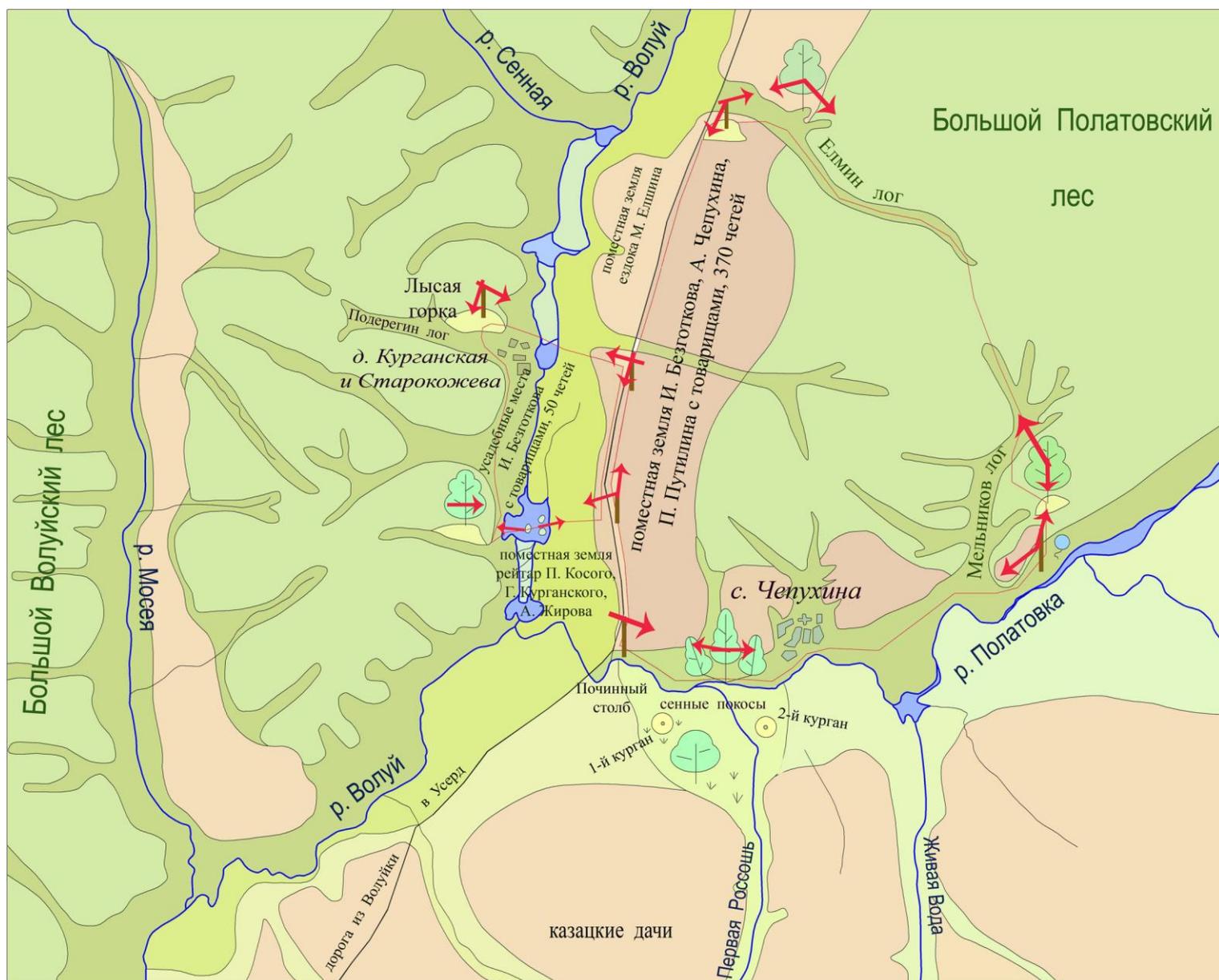

Рис. 33. Карта поместной земли И. Безготкова с товарищами в 1694 г. Реконструкция автора

Рис. 34. Современный вид с окраины с. Вороновки на помещную землю у села Чепухино

Рис. 35. Одна из меловых «лысых» горок у села Чепухино

Рис. 36. Село Ватутино, бывшее Чепухино. Фото сентября 2013 г.

В 1714 г. деление на вотчины и поместья было прекращено, введено новое понятие «имение». Помещики получили право полного и неограниченного распоряжения землёй, не будучи обязанными, как ранее, находиться на государственной службе. Из людей, нёсших дозорную и сторожевую службу на южной границе России, образовали одну из категорий государственных крестьян, именуемых «однородцами». Поместные владения служилых волуичан в начале XVIII в. подверглись существенному переделу.

«Книга переписная окладная однородцев солдатской, казачьей, городской и др. служб г. Валуйки, однородцев и монастырских крестьян Валуйского, Оскольского, Козинского станов Валуйского уезда, положенных на содержание 9 и 10 роты Новгородского полка»³⁶⁰ 1722–1725 гг. содержит списки жителей сёл и деревень уезда — это люди городской службы, солдаты и вольные переселенцы, так называемые «новоприходцы».

Список населённых пунктов Валуйского уезда 1722 г.

Валуйский стан: д. Салоти, д. Углова, д. Тимина, д. Басовская, с Хмелевое (Хмелевец), деревня по Моисею Белоглазова, д. Авилова и Насонова, д. Старокожева и Курганская, д. Ланина, с. Полатовка, Ураевские Липеги, новопоселенная слободка Николаевка князя Александра Меньшикова.

Оскольский стан: д. Лубянки, д. Старцева (Старосельцева?), с. Осколище, д. Яблонева, д. Ветчинина, с. Троецкое, д. Авчинникова, д. Макарова, с. Княжее, д. Гладкая, с. Посохова, д. Туликова, д. Кочкина, с. Пушкарское, д. Микляева, д. Жерлицына, д. Огошкова, д. Симонова, д. Монастырских крестьян.

Казинский стан: с. Богоявленское, д. Пристенная, д. Сухарева, д. Князева, с. Лысые горы, с. Двучное, д. Харина, д. Колыхалина, д. Бутырки, д. Казинка.

Извест рейтара Д. Косого на рейтара И. Старокожева

В группе служилых волуичан, получивших в 1694 г. поместную землю, сенные покосы и места под усадьбы по реке Волую и речке Полатовой, были Денис Косого, Алексей Иванов и Игнатий Исаев сыны Старокожевы. Места эти им были, можно сказать, родными. Ездок Пётр Михайлов сын Старокожев в 1626 г. имел пчельник на реке Волуе. Отец Дениса, рейтар Пётр Косого, владел там же поместной землей. Служилые волуичане и их родственники основали на Волуе деревню, которую называли «Курганская и Старокожева». Видимо, население деревни состояло преимущественно из представителей этих фамилий.

22 августа 207 (1699) г. на съезде двора в Волуйке рейтар Денис Косого «словесно извещал» (донёс) дьяку Степану Ступину на рейтара Игната Иванова сына Старокожева. Он говорил, что накануне на смотре Игнат утаил своих племянников Игнашку и Андрюшку — сыновей брата Алексея. Денис просил дьяка, чтобы его известие записали, а Игната Старокожева сыскали и допросили. Последний при расспросе признал, что у его родного брата Алексея «в прописке» есть два сына — Игнатка и Андрюшка. На смотре он про них не сказал потому, что они не записаны в переписные книги. А в книги не записаны потому, что не написаны в сказках.

Из переписных книг 7205 (1697) г. сделали выписку. У Игнатия Иванова сына Старокожева оказались внесены два сына — Максимка и Сидорка, да три брата — Алёшка, Бориска, Ивашка; у Алёшки же два сына — Тимошка и Трофимка.

На смотре 21 августа перед дьяком Ступиным рейтары Григорий Курганский с товарищами, 26 человек, «по Евангельской заповеди» сказали, что сверх переписных книг 7205 г. и смотрового списка 7207 г. у них детей, свойственников, приёмышей, захребетников и никаких пришлых людей нет. «А будет, они сказали ложно, и за ту ложную скаску, что великий государь укажет»³⁶¹. Получается, что племянники Игнатия Старокожева, Игнат и Андрей, не состояли на воинском учёте, то есть их скрыли. За сокрытие в своём

доме лиц мужского пола «от старости и до младенства» в то время сурово наказывали, вплоть до лишения всех пожитков и поместной земли. Но известно, что рейтар из станичников Игнатий Иванов сын Старокожев продолжил дальнейшую службу. В 1706 г. за старость и увечья его от службы отставили.

В начале марта 1713 г. воинские люди — крымские и кубанские татары, а с ними изменники некрасовцы (Некрасов — один из атаманов Булавинского восстания, ушедший с казаками от преследования правительственных войск на Кубань), всего около 10 тысяч человек, совершили невиданный по жестокости рейд по сёлам и деревням Усердского, Ольшанского, Верхососенского, Палатовского, Новооскольского, Валуйского уездов Воронежской провинции. Коменданты городов, подвергшихся нападению, позже сообщали в своих донесениях о массовых разорениях и сожжённых деревнях. В донесении коменданта Валуйской крепости И. Мякина в концелярию Воронежской провинции Азовской губернии от 10 мая 1713 г. записаны по чинам имена людей мужского и женского пола, «возрастные» и малолетние дети деревень и сёл Валуйского уезда, взятые в полон, убитые и порубленные неприятельскими людьми³⁶². Общие потери в 16 селениях Валуйского и Оскольского станов — захвачено 1468 (730 взрослых, 738 детей), убито 37 человек (29 взрослых, 8 детей). Из деревни Курганской и Старокожева взяты в плен: Дениса Косого жена Евдокия 53 лет, пасынок Иван 9 лет, две падчерицы — Марья 13 и Лукерья 11 лет. Не обошла беда стороной и семью Ивана Косого (брата Дениса): дочь Матрёна, племянница Ирина, два племянника и два внука уведены в полон, мать Татьяна 70 лет зарублена. Никого из Старокожевых, ни в этой, ни в соседних деревнях среди угнанных в неволю не было. Не исключено, что к тому времени их все же лишили поместной земли, и семейство съехало в город.

Действительно, в списках жителей Валуйки 1719 г. находим нескольких мужчин Старокожевых. В 1722 г. из города в деревню «Старокожева и Курганская» вновь перебрались: рейтарской службы Борис Иванов сын 60 лет,

Иван Иванов сын 55 лет, Игнат Алексеев сын 40 лет, Андрей Игнатов сын 40 лет Старокожевы. Ни один человек с фамилией Косого в деревне тогда не проживал.

Причины извета Дениса Косого на Игната Старокожева остались неизвестны. Стремление исполнить свой гражданский долг? Или желание выслужиться перед начальством? Утаивали своих сыновей от армии в то время многие, а завистники и доносчики, желающие досадить своему соседу, всегда находятся среди людей.

Спор черкас с казаками о захвате сенокосов

В 1696 г. в Волуйке произошёл спор между служилыми черкасами и полковыми казаками, длившийся 5 лет. Земельное дело составляет один архивный документ, в него вошли:

- челобитная черкас,
- указ из Разрядного приказа на сбор данных,
- отписка воеводы,
- выписки из дач черкас, полковых казаков и станичников Санеевых,
- сыск земли со старожилами,
- допрос полковых казаков,
- документы Разрядного приказа (на листах 34-53 проставлена гербовая

печать): повторные челобитные спорщиков, краткое изложение материалов дела, статьи закона, дьячья резолюция, итоговая роспись поместных дач³⁶³.

Итак, в 1696 г. в Поместный приказ на имя государя Петра Алексеевича волуйские черкасы писали, что служат великим государям много лет, за это их дедам и отцам дано денежное жалованье — 10 рублей в год на человека и 9 четвертей хлеба. Черкасы стояли в карауле у башни ближних крепостей по 10 человек, переменяясь посуточно, караулили по 30 человек у крымских гонцов, когда те бывают в Волуйке, сдавали полуосьминный хлеб погодно и возили его на своих подводах в Белгород, платили «всякие подати», ходили с воеводой в походы за воинскими людьми. Многие черкасы в тех походах были ранены,

убиты и взяты в полон, так что от тягостей и лишений на государевой службе у них наступила «нужда и большое обеднение». Украинцы жаловались, что санными покосами по Живой Воде, речке Полатовой и Моячному логу владеть им не дают полковые казаки Аким Чепухин с товарищами, а четвертную землю насильно отнимают люди «разных чинов». Ничего поделать с этим произволом черкасы не могли, так как «крепости» (документы) на землю и покосы у них утерялись. Они просили милосердного государя «за многие службишки, и за ту долю, и за раны, и за полонное терпенье» пожалеть и разрешить далее владеть санными покосами по Полатовой и четвертной землей по речке Мосею за казацкими дачами, «чтоб им было с чего службы служить и всякие подати платить». И о том прислать грамоту к воеводе.

Челобитную черкас переслали в Разрядный приказ. После её слушания боярин Т.Н. Стрешнев 2 декабря 1696 г. приказал послать грамоту в Волуйку к стольнику и воеводе А.Г. Рагозину. Ему предписывалось ехать в уезд на землю черкас и при свидетелях и старожилах дворовые их усадьбы, огородные и гуменные места, дачи, земли и санные покосы описать и измерить. Если на месте выяснится, что кто-то из волуйчан действительно завладел землями черкас, то следовало в приказной избе их допросить и проверить документы. Затем воеводе приказывалось переслать в Разряд описные и мерные книги, чертёж, допросы и копии земельных документов спорщиков.

А.Г. Рагозин выполнить действия по указу не успел, на посту его сменил новый стольник и воевода Сергей Жданов, который на земли черкас также не ездил: шла третья азовская кампания, через Волуйку следовали правительственные войска, обозы и было не до того. Прошло два года, весной 1699 г. Жданова сменил следующий воевода Гаврила Иванович Дубасов. Тем временем черкаский атаман Микифор Иванов, при начале спора служивший ещё есаулом, подал следующую челобитную. В ней он сетовал, что прежний воевода Рагозин не выполнил надлежащее по грамоте, и просил государя про их четвертную землю и санные покосы провести расследование воеводе Дубасову.

19 июня 1699 г. Гаврила Дубасов при старожилах и «сторонних» людях измерил пашенную землю черкас, получилось 980 четей. Сенных покосов по Живой Воде и по речке Полатовой воевода насчитал 1000 копён. Дворовые, огородные и гуменные места черкас находились за рекой Волуем «на старых селищах», то есть в Черкасской слободе. Остаётся загадкой, почему главные обидчики черкас Аким Чепухин с товарищами в процессе не участвовали, никого из них не допрашивали и документы на землю не проверяли. Как мы помним, в 1694 г. группа служилых волуичан разных чинов получила по указу поместные земли по рекам Полатовой и Волую и санные покосы по Первой Полатовской Россоше («Первая Полатовская Россошь» и «Моячный Лог» — разные названия одной речки. — А. Ч.). Эти «лишние, нишейные» земли предварительно сыскали и обмерили со свидетелями, среди которых находился черкасский есаул Микифор Иванов. Тогда он почему-то согласился, что найденные земли «в поместье и в вотчину никому не отданы, не проданы, не приписаны, и никто ими не владеет».

В ходе расследования выяснилось, что спорные санные покосы затрагивают интересы казаков. Полковые казаки Андрей Потанин с товарищами на допросе сказали, что «сенными-де покосы от Верхнева Колодезя вниз по Живой Воде, по обе стороны речки Полатовой, по Нижней борак на Терновую поляну, и по курганы, по Моячному логу владеют по указу великого государя и писцовой выписи со 1626-го году. А четвертною де землею вверх по речки Мосею, по Нагольной вершине, что вымерено за их казачими дачами, и тою де, четвертною землею, ани не владели и ныне не владеют. А хто де тою четвертною землею, их черкасскими дачами владеит, про то де они, Андрей с таварыщи, не ведают».

Воевода Дубасов в приказной избе допросил старожиллов города. Служилые люди разных чинов по «святой непорочной Евангельской заповеди Господни» сказали: «В урочищах от Верхнева Колодезя вниз по Живой Воде по левою сторону да речки Полатовой, и вниз по речки Полатовой по обе стороны по Нижней борак да Терновой поляны, и по курганы, теми санными покосы

преж сего они, черкасы, владели, а не полковые козаки. И те сенные покосы даны им, черкасом, вместо денежного и хлебного жалованья. Про то они, сторожилы, введуют». Можно заметить, что границы спорных сенных покосов в показаниях старожилов отличаются от заявленных черкасами. Моячный лог старожилы не упоминали совсем, а покосы по Живой Воде назвали только по левую сторону.

Следующим шагом воеводы стал сбор документов на землю черкас, полковых казаков и станичников Санеевых. Кирилл и Аким Санеевы — это те самые люди, которые будто бы захватили у черкас четвертную землю по речке Мосею. Дачи черкас переписали с «памяти» воеводы М.М. Дмитриева. По указу царя Алексея Михайловича и по грамоте из Стрелецкого приказа за приписью дьяка Григория Кунакова еще 2 апреля 1651 г. было велено устроить землей черкас на речке Мосее за казачьими дачами. Им отмерили по обе стороны речки «пахонные дубровы» 700 четвертей и дали «от Нагольной вершины подле Большого лесу и Хмелевая поляна и до большой дороги, что ездят с Усерда на Волуйку, а от Хмелевой поляны подле Большова лесу, подле дороги Усердской до надолоб к Верхней башни, что стоит под лесом, пашни паханья, и перелогу, и дикова поля 980 четвертей». Таким образом, 56 черкас получили по 10 четей земли на человека «в поле, а в дву потому ж», всего 1680 четей. «Да за ними ж, за черкасы, по Россоши по Ногольной с верховья до засеки, по Розсоши Самострельной от Бальшова лесу да засеки сенных покосов, и по заполью, и за их пашнями 1000 копен». Эти сенокосы черкасы в челобитной не называли, то есть умышленно или нет, но скрыли. Получается, владели они одними сенокосами, а просили дать грамоту на другие.

Что касается дач полковых казаков, то в 1626 г. писцы Мирон Хлопов и подьячий Левонтий Недовесков произвели перепись и перераспределение земель волуйских служилых людей. 285 конных казаков получили по 50 четей пашенной земли на человека, всего 4454 чети с осминою «в поле, а в дву потому ж». Поля казакам выделили в нескольких местах: по Московской дороге, по реке Мосею по обе стороны и на росошах, на Городищевой поляне,

на сенных урочищах до пчельника Петрушки Старокожева и за Волуем. «Сено косить им около своей пашни, около рек Сенной и Полатовой, по Мосею и за Волуем, всего 9000 копён». В 1667 г. по челобитью 220 конных казаков Филиппа Еремеева на эти угодья сделали выпись из книг «письма, меры и раздела». Обилие свободной, никем незанятой земли способствовало тому, что границы территории описывались без подробностей, приблизительно. Поэтому являлись ли спорные сенокосы по Живой Воде и Моячному логу казачьими – это был вопрос.

Волуйские станичники Кирилл и Аким Санеевы в 1672 г. лишились своей поместной четвертной земли, которая отошла к «новопостроенному городку» Полатову у северной оконечности Волуйского леса. Станичники в Курске в разрядной избе подали челобитную боярину и воеводе, князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому и просили дать им поместную землю в другом месте. Воевода Ермолай Боскаков с городскими всяких чинов людьми перемерил на речке Мосее пашенную землю волуйских черкас атамана Матвея Иванова с товарищами. По окладу 54 черкасам полагалось по 10 четей «в поле, а в дву потому ж», всего 1620 четей. В черкасских дачах высвободилось 60 четей земли, так как черкас стало на два человека меньше. По указу царя Алексея Михайловича князь Г.Г. Ромодановский по отказным и мерным книгам воеводы Е. Боскакова отдал эту пашенную землю с расположенными рядом сенными покосами и «всякими угодьями» Кириллу и Акиму Санеевым. Новые владения Санеевых находились: «от Поликарова вражка и от реткодубной перелески пашни паханые добрые и средние земли Городищева поляна до Засечной перелески, и через Засечную перелеску, и от Засечной перелески вверх речки Мосея по правую сторону, и Самострелная поляна да Михаилава вражку Швецова шестьдесят чети». На случай спорных вопросов с отказных книг сделали выпись на землю и передали Санеевым. На речке Мосее Кирилл Санеев поставил «лесные дворы», свидетельства о них сохранились в документах того времени. Земли Санеевых — это верховья речки Верхний Моисей в районе современной деревни Филиппово. Таким образом,

станичникам отдали 60 четей земли, которые ранее числились за черкасами. Естественно, это вызвало у них недовольство.

Итак, воевода Дубасов выполнил все указания из царской грамоты: произвёл обмер земли, опросил свидетелей и старожилов, провёл очные ставки и допросы, начертил чертёж, сделал копии документов на землю. Собранные бумаги 30 июня 7207 (1699) г. он отправил в Разрядный приказ с черкасским челобитчиком Микифором Ивановым.

1 января 7209 года в России наступил Новый 1700 год. Летоисчисление стало вестись от Рождества Христова вместо прежнего от сотворения мира. Жителям Волуйки зачитали указ о новом счёте времени³⁶⁴. Тем временем, прошло больше года после сбора всех необходимых документов по спорным сенокосам и захваченной земле, прежде чем в Разряде дело сдвинулось и получило дальнейшее развитие. От черкас и полковых казаков потребовали новые челобитные, чтобы выяснить, не был ли решён спор за прошедшее время «полюбовно», то есть мирным путём.

Первыми 27 сентября 1700 г. в Москве подали челобитную черкасы атаман Микифор Иванов с товарищами. Вновь они просили: «Пожалуй нас, холопей своих, великий государь, по прежней выписи, которая выпись нам, холопом твоим, дана ис Стрелецкого приказу и по нынешним книгам землею и санными покосы владеть нам, холопом твоим, от Шурупова перелеску вверх по Мосею да засеки. А им, казаком, от той нашей земли и санных покосов вели, государь, отказать, для того, что та земля и санные покосы нам, холопом твоим, дана по выписи ис Стрелецкого приказу вместо твоего, государева, денежного и хлебного жалованья. И о том вели, государь, послать свою, великого государя, отказную грамоту на Валуйку к воеводе. Великий государь, смилуйся!» Можно заметить, что Аким Чепухин в челобитной уже не упоминается, санные покосы по Живой Воде, Полатовой и Моячному логу черкасы вернуть не просят. Пересмотрели ли они свои претензии или не хотели лишний раз повторяться?

На следующий день, 28 сентября, подали челобитную конные казаки Клемён Дятлов с товарищами. Они напомнили государю, что в прошлые годы получили казённые земли по 50 четей на человека и владеют этой землёй по писцовой книге и выписи. Просили не верить ложному и «напрасному» челобитью черкашенина Микифора Иванова сына Лисина. Вот так с лёгкой руки казаков Микифор получил новую фамилию — «Лисин». По обеим челобитным видно, что в споре черкас о земле и сенных покосах с полковыми казаками миром ничего не разрешилось.

Не дождавшись государева решения, казаки вернулись обратно в Волуйку. «И подав к делу челобитную, видя свою неправду, за делом не ходили, и с Москвы они, казаки, съехали», — похвалялись черкасы. Знали бы они, что те задумали. «С озорничеством, надеясь на свою мочь», казаки свезли со спорной земли 500 стогов сена, которые заготовили черкасы. По челобитью последних о воровстве сена из Белгорода генерал-майор Х.А. Ригимон прислал в Волуйку пристава, чтобы взять полковых казаков на допрос. Кто знает, что могло бы с ними случиться, не вступись воевода Г. Дубасов: «Дружа и нороя им, казакам, их с Волуйки в Белгород не отдал и не выслал». Не получив поддержки в Белгороде черкасы Михаил Жердев с товарищами 23 июля 1701 г. подали в Разрядный приказ челобитную уже о воровстве сена, которую приурочили к материалам спорного дела о сенокосах. Они обратились за помощью к государю, не забыв напомнить и про старые свои просьбы: «Вели, государь, на тое нашу землю и на сенные покосы и на всякие угоди против прежняго нашего челобитья и по выписке из Розряду дать свою, великого государя, отказную грамоту. И для отказу той земли и сенных покосов послать с Москвы из Розряду подячего. Тако же о свозе сенных покосов их казачьих пятидесятников Ивана Золоторева, Кирила Артемава, Ивана Колтакова, Клемена Дятлова, Селивана Саламатина с товарищи допросить против нашего челобитья тому ж розрядному подьячему». Кстати, среди черкасских челобитчиков уже нет атамана Микифора Иванова (Лисина). Оказывается, за

мелкую провинность воевода Дубасов приказал наказать его батогами и на третий день атаман от побоев умер.

Спорное дело о сенных покосах и четвертной земле рассматривалось в Разрядном приказе в соответствии со статьями № 23 и № 24 писцового наказа для городов Белгородского полка 1686 года. Дачи спорщиков пересчитали на существующее количество людей. Из волуйских книг Никифора Озерова 1700 г. выписали:

- 197 полковых казаков, 227 их детей и свойственников, которых при последнем разборе зачислили в казаки, 171 малолетних детей;

- 59 черкас городской службы, 70 человек написаны вновь, 94 недоросля.

Писец, производящий пересчёт, явно был не на стороне последних. По его мудрёному раскладу казакам поместной земли не хватало, а у черкас она образовалась даже лишняя: «а за тем доведетца той черкасской земли быть в остатке 1060 чети». Землю черкасам посчитали без учёта трехполя.

Как видим, не всё ладилось в Волуйке у служилых черкас. Отношения с русскими людьми оставались долгое время напряжёнными. Так, ещё в 1646 г. черкасы «били челом» государю и воеводе П. Колтовскому, что «не устроены» пашенной землёй и сенными покосами. Дана им, будто бы, в пользование одна запольная речка Полатовая. И на той речке конные стрельцы, полковые казаки и всякие жилецкие люди самовольно косят сено, а черкасам не дают. Они просили государя дать им грамоту на эти сенокосы. В сентябре 1646 г. П. Колтовский получил грамоту, государь встал на сторону украинских казаков: «И будет так, как нам волуйские черкасы атаман Петрушка Данилов с товарищи били челом!» Было указано отдать во владение черкасам речку Полатовую и сенные покосы при условии, что речка и сенные покосы ранее никому не были отданы на оброк или во владение и в городских книгах ни за кем не записаны³⁶⁵. Видимо эта последняя фраза осталась без особого внимания. Черкасы получили сенные покосы по речке Полатовой и долгие годы ими пользовались. В 1694 г. эти покосы отдали в поместье Акиму Чепухину с

товарищами. После чего пострадавшие черкасы и обратились за разрешением конфликта к властям.

В Разряде выяснили, что в 1651 г. черкасам дали помещную землю и сенные покосы. Новое жалованье не давалось им в дополнение к предыдущему. Получается, что черкасы скрыли и оставили за собой покосы, данные им в 1646 г. по речке Полатовой. Ни в одной челобитной они не обмолвились о своих законных сенокосах по Россоши Ногольной и Самострельной. А по закону о землевладении того времени за сокрытие используемых земель при получении новых преследовали и строго наказывали.

Несовершенные законы, большое количество статей и наказов провоцировали отдельных людей использовать их недостатки в своих целях. Вероятно, этим воспользовались и волуйские черкасы, которые придумали ход с потерей документов и представили дело так, что землю и сенные покосы у них насильно захватили. Они просили государя дать новую грамоту и вернуть ранее принадлежавшие им земли. При отсутствии документов надлежало устанавливать принадлежность земель владельцу путём опроса проживающих поблизости людей. Черкасы надеялись, что показания старожилов окажутся решающими.

Захват чужой земли расценивался как уголовное преступление. Захватчик должен был вернуть землю прежнему владельцу с крестьянами, строениями, хлебом. Черкасы хотели, чтобы им вернули земли, которые будто бы захватили станичники Санеевы. В ходе следствия установили, что станищикам дали землю по указу, на законных основаниях. Описывать и мерить спорные земли по наказам предписывалось согласно ранее выданным документам на право владения и старым писцовым книгам, излишки отписывали на государя. Казакам, черкасам и Санеевым пересчитали и заново отмерили помещную землю. В конечном итоге черкасы спор проиграли. Но стоило ли его затевать? После этих событий черкасы оставались в Волуйке недолго, в 1707 г. их перевели служить в Изюмский полк.

Станичник Аким Чепухин и его село

В 1697 г. служилые люди на съезде двора подавали сказки о службе, семейном составе и имущественном положении стольнику Т.А. Ляпунову. «Валуиченин», станичник Аким Васильев сын Чепухин о себе сообщил: «Вправду у меня шесть сынов: Петрушка да Сенька, Ивашка возросте, Гришка девяти лет, Терешка шти лет, Пронька дву лет. А опричь того, иных никаких свойственников, крестьян и бабылей, и пришлых гулящих людей, и оброчных статей, и промыслов, и угодей нет. Помесной земли за мною сорок чети, сенных покосов двесте капен. А будет, я сказал ложно, и за ту мою ложною скаску, чтоб великий государь указал помесною землю и всякия мои пожитки отписать на себя, великого государя. То моя и скаска»³⁶⁶. В «росписной книге» того же года у ездока 1-ой станицы Акима Васильева сына Чепухина записано: «У него два сына — Петрушка 22, Ивашка 19 лет»³⁶⁷. В список внесли только совершеннолетних сыновей.

Как выяснилось, Аким служил ездоком в 1-ой станице. В «разборе» 1675 г. в 1-ой станице обращает внимание: «Кирила Иванов сын Санеев. По скаске, какову подал у розбору, служит со 174 (1665-66)-го году. У него сын Федка мал, да зять Якимка Василив тритцати лет, не в службе. А иных свойственников нет. Пашенной земли за ним на Волуйке в гороцких полях пятьдесят четыре чети. Мелниц и никаких угодей нет»³⁶⁸. Получается, что дата рождения «Якимки Василева» — 1644 или 1645 год.

В «росписном списке» 1679 г. у Кирилла Санеева: «У него сын Федка 9, да зять Екимка Василев 35 лет»³⁶⁹. Нет изменений в 1682 г.³⁷⁰ и в 1683 году³⁷¹. Зятьёв и родственников ратников вносили в списки по-разному: одно имя, имя и отчество со словом «сын», имя – отчество – фамилия. Так что нелегко понять, «Василев» — это отчество или фамилия?

Итак, в списке 1688 г. у ездока 1-ой станицы Кирилла Иванова сына Санеева: «У него сын Федка 15 да зять Акимка Василев сын Чепычин, у Вокимки сын Петрушка 13 лет»³⁷². Далее, в 1692 г. у Кирилла Санеева: «У него сын Федка 19 лет да зять Акимка Василев сын Чепучин, у Окимки сын

Петрушка»³⁷³. В «росписном списке» 1694 г. мы уже не находим Кирилла Санеева, на его место записан, не трудно догадаться, зять, теперь уже ездок 1-ой станицы «Аким Василев сын Чепухин. У него сын Петрушка 19 лет»³⁷⁴. Вот и он, наш Аким.

При знакомстве жениха или невесты принимались во внимание вероисповедание, национальность, социальное положение. Многие служилые волуйчане роднились с семьями своих же сослуживцев. О том, где жил и чем занимался Аким до появления в доме станичника Кирилла Санеева, никаких сведений найти не удалось. Отец и братья Акима в списках волуйчан XVII в. не встречаются. В ряде русских городов по Белгородской черте представители фамилии также не обнаружены. Санеевых же в Волуйке знали хорошо и уважали:

Осип Санеев, пушкарь, двор в Царегородской слободе, 1626 г.; целовальник в 1665 г. в хлебной житнице.

Артем (Артемий) Санеев, пушкарь, 1637 г.

Григорий Санеев, пеший стрелец в 1637 г., казак в 1660 г., брат Кирилл.

Кирилл Иванов сын Санеев, ездок 1-й станицы.

Яким (Аким) Григорьев сын Санеев, ездок 22-й станицы, служил целовальником на кружечном дворе в Чугуеве, сын Ивашка 5 лет, земли 54 чети в гор. полях, 1674 г.

Иван Акимов сын Санеев, ездоцкой службы, 59 лет, сын Никон, с. Хмелевец, 1722 г.

Федор Артемьев сын Санеев, пушкарь, 1679-97 гг., у него племянник Ивашка Матвеев сын Санеев. Саня, Саша, Санёк, Саной, Саней — всё это просторечные формы имени Александр.

За годы семейной жизни Аким стал отцом шести сыновей. Последний из них родился, когда ему было под 50 лет. Кто знает, сколько ещё росло дочерей? Первый сын у Акима появился на свет в 1675–1676 году. Можно предположить, что примерно за год до этого Аким женился. К тому времени территория Малороссии к востоку от Днепра, включая Киев, с 1654 г. входила в состав

России. Земли западнее Днепра находились под властью «изменника Петрушки», гетмана Дорошенко, которого поддерживали турки и татары. В 1672 г. турецкие войска перешли в Заднепровскую Украину, осадили Львов, разбили поляков, много народа взяли в полон. По всей Украине творились массовые бесчинства и разорения. Русские войска под командованием Ромодановского и Самойловича выступали против Дорошенко. В 1674 г. они перешли Днепр, взяли Черкасы и подошли к Чигирину. В 1675 г. войска возобновили поход. В этот раз турки и татары больше не стали поддерживать Дорошенко, он вынужден был сдаться и перейти на сторону Москвы.

В книге Д.И. Багалея говорится, что «усманцы, ольховчане, звенигородчане, бугославцы, колниболотене, межигорцы, збаражане, зеславцы, тернопольцы и иных заднепрских малороссийских городов жители, которые от войны турецкого султана и крымского хана со 183/1675 года собираются обозом в районе новопостроенного Полатовского вала, на реке Валуге и малого Валуйца». Царь Федор Алексеевич и Боярская дума приговорили разрешить выходцам из Малороссии селиться и строиться между Полатовом, Валуйкой и Новым Осколом, около Усерда в верховьях Сосны. Воеводам, приказным людям и полковникам было отписано, чтобы беженцам из заднепровских малороссийских городов, которые пойдут мимо них к Полатовскому лесу и к Валуйке «задержанья никакова и тесноты не чинили, пропускали их в те места недосаждая им ничем, <...> пропускали и держали к ним во всем совет добрый и ласку»³⁷⁵. Таким образом, правительство приветствовало процесс малороссийской колонизации и поощряло переселенцев, давая им льготы на 15 лет. Планомерная организация обороны и совместное заселение Поля русскими и украинцами в конечном итоге ликвидировало крымскую опасность для Российского царства.

Возможно, Аким вместе с другими жителями Украины вынужденно покинул свои родные места и искал убежища в России. Лесные дворы Кирилла Санеева как раз находились в верховьях речки Мосея, недалеко от Полатова. Аким нанялся работником к Кириллу и так познакомился с его дочерью. С 1675

по 1688 гг. Акима записывали без фамилии, по имени-отчеству. Почему писцы так упорно не хотели вносить его фамилию в списки служилых людей? Фамилии Чепычин, Чепучин, Чепухин мало похожи между собой, как по звучанию, так и по написанию. В грамотах они написаны отнюдь не небрежно, но очень даже разборчивым почерком. На оплошность писца это никак не походит. Почему Акима называли разными фамилиями?

«Чепычин» образовано из базовой основы «Чепыч» и фамильного окончания «-ин». В свою очередь, из имени обеспеченного «Чепыч» выделяются корень «чеп» и суффикс «-ыч». Древние патронимические суффиксы «-ич/-ыч» характерны для белорусской антропонимики, встречаются на Украине, особенно в северных землях и в Закарпатье, в северной Польше, широко распространены у сербов и хорватов. Фамилии данного типа обозначают принадлежность к роду. Представителя рода Чепы именовали Чепыч(Чепич).

Власти относились к выходцам с западных территорий, имеющих фамилии на «-ич/вич», неоднозначно. Всё дело в том, что отчества на «-ич» являлись на Руси уважительным обращением к важным и влиятельным особам. Так именовались лишь те, кто принадлежал к княжеской и боярской аристократии. Эти отчества выражали именитое происхождение, знатность, были престижны. Русификация «иноземных» фамилий происходила вследствие административной и образовательной политики властей. В XVII веке фамилии, хотя и становились важнейшей частью именованья, еще не приобрели юридического статуса, который бы гарантировал устойчивость их форм. Адаптация фамилий к той или иной социальной норме не вызывала особого удивления и сопротивления у самих носителей фамилий. Иногда власти ставили и такое условие: «Хочешь служить, соглашайся на новую фамилию!» Документальная запись фамилий правильно «по-русски» производилась простым добавлением национальных форм «-ов/ев», «-ин» (Савич — Савичев), или путём усечения неудобного патронима (Иваныч — Иванов, Петрович — Петров, Федорович — Федоров). В этом проявлялось стремление к единому

стереотипу, стандартизации, так как большинство русских фамилий имело эти окончания. Причем тогдашние писари глубоко не задумывались о значении базовой основы и какого она рода, прибавляя в одном случае «-ов/-ев», в другом «-ин», а иногда и оба окончания одновременно: Немич–Немичев–Немичин–Немичинов. В некоторых случаях «-ич/-ыч» заменяли на продуктивный суффикс «-ух-а/-их-а». Суффикс «-ух-а» образует стилистически сниженные синонимы мотивирующих имен существительных — личных имен и нарицательных существительных: Петруха, Гришуха, братуха, клетуха, комнатуха; аналогично и «чепа–чепуха».

По одной из версий «Чепа» происходит от сербского или хорватского личного имени *Чѣпа* (Чепа): в сербской кириллице *Ч* — это мягкое «ч». Походит на *Стјебан*, Стефан, укр. Степан, Степа или угорский эквивалент *Ссера*. В Сербии это *Ѕсерап* (Шчепан, Степан), сокращенно — *Ѕсера* (Шчепа, Степа). Есть и другая версия происхождения Акима, которая выглядит не менее правдоподобной. В Воронежской дозорной книге 1615 г. есть «Куземка Чипух». Обращает внимание фамильное прозвище, которое в последующие годы могло превратиться в «Чепухин». Аким мог приходиться Куземке, к примеру, племянником или внуком³⁷⁶.

Своё место в службе и поместную землю служилые люди, уходя в отставку, просили передать «сынчишке» или близкому родственнику, который до этого был у него в помощниках. Так в уже известной 1-й станице место атамана Терентия Корякина занял его сын — Семен Терентьев сын Корякин. Вместо ездока Ивана Сидорова сына Носатого заступил его брат Сергей Сидоров сын Носатого. Кирилл Санеев передал службу своему зятю, который до этого 19 лет добросовестно помогал ему. Наверное, Кирилл посчитал, что служба многодетному зятю более необходима, чем одинокому сыну. Акима зачислили на официальную службу, когда ему исполнилось 48 лет. Родной сын Кирилла, Фёдор Санеев, тоже не остался без службы и жалованья. Вместе с Акимом в 1694 г. он получил поместную землю. В 1706 г. он числился в «нетчиках», то есть уклоняющихся от службы³⁷⁷.

Итак, в 1694 г. Аким Чепухин и его старший сын Петр получили землю и основали «село Чепухина». Однако спокойная жизнь у них продолжалась недолго. Аким оказался втянут в досадную продолжительную тяжбу с волуйскими черкасами, о которой мы рассказывали выше. На нескольких листах посвященного ему дела вместо «Чепухин» записано «Чюпахин». «Чупаха» — это грязнуха, чумичка, неряха, замарашка, образно — грязный; «чупахать» — грязниться, мараться. Возможно, даже это была шутка Разрядного писаря, а может он просто ошибся, когда писал под диктовку.

Как оказалось, это не единственный случай неправильного написания фамилии Акима. В августе 1699 г. на съезде двора дьяк С.Я. Ступин вносил дополнения в личные данные служилых людей³⁷⁸. В списке станичников есть Аким Шапухин, так записали нашего Акима. Вероятно, фамилию называл человек с южнорусским говором, для которого характерно «ч» как среднее между «ч» и «щ» и мена «е» на «а». В этом же документе встречаются и другие «неправильные» фамилии: Некрахлов (на самом деле Некрылов), Хордаков (Колтаков), Боров (Бобров), Лутсин (Луншин) и другие, что указывает на невнимательность писаря.

Последняя запись об Акиме найдена в «Годовой сметной книге городов, ведавшихся Белгородским столом 1699 года». В 1-й станице — ездок «Аким Василев сын Чепухин. У него пять сынов: Петрушка 24, Ивашка 21, Сенка 18, Гришка 10, Терешка 7 лет»³⁷⁹. По сравнению с 1697 г. отсутствует младший Пронька. Акиму в это время 54 года, на службе он 6 лет.

Что стало в последующие годы с Акимом — неизвестно. В феврале 1701 г. по указу царя Петра Алексеевича для «государева дела» в Троицкий на Таганроге послали большинство волуйчан³⁸⁰. В первой станице вместо Акима Чепухина записан его старший сын Пётр. Помечено, что списки составлялись на основании переписных и разборных книг 1700 года. Значит, в тот год Аким по каким-то причинам передал свою службу сыну. Возможно, он получил отставку по болезни или скоропостижно умер.

В начале 1702 года в Волуйку к воеводе Г.И. Дубасову пришли грамоты от царя Петра Алексеевича и воеводы Азова С.Б. Ловчикова со списками беглецов из Троицкого. Воеводе Г. Дубасову велено беглецов в Волуйке и уезде «сыскать, а сыскав и учиня им наказанье, бив батоги, выслать в Троецкой»³⁸¹. Среди таковых оказался Пётр Акимов сын Чепухин. В апреле 1702 г. воевода Дубасов отчитался в Разряде, что все беглецы найдены, наказаны и высланы обратно в Троицкий. В начале XVIII века происходил массовый исход служилых людей из Волуйки в донецкие казачьи городки из-за недовольства реформами царя Петра, ущемления в правах служилых людей, произвола и разорения алчным воеводой Дубасовым. Можно предположить, что за совершенную провинность Петра Чепухина лишили службы и поместной земли. Следовательно, он и всё семейство остались без средств существования, что вынудило их покинуть волуйскую землю.

В последующие годы поместная земля А. Чепухина несколько раз переходила из рук в руки. Уже в 1702 г. волуйчане Иван Маринов, Кондратей Лукьянов, Филат Булавин, Степан Потапов просили 100 четей поместной земли в урочищах, ранее данных Игнатию Безготкову, Акиму «Чапухину» с товарищами. Воевода Г. Дубасов получил грамоту из Поместного приказа с разрешением отмежевать её челобитчикам³⁸².

В 1713 г. во время нападения татар и некрасовцев на уезд существенно пострадало село Полатовка Валуйского стана. Из него взято в полон 341 (167 взрослых и 174 малолетних), убито 6 человек. Тихона Некрасова мать вдова Марина 58 лет «срублена», Емельяна Шацкого жена Федора 48 лет «срублена», Ивана Грязного мать, вдова Евдокия 83 лет «срублена». Фамилии полоняников: Дементьев, Хромцов, Лабынцов, Анисимов, Фаустов, Сафонов, Салков, Дракин, Титов, Трускавин, Потапов; из городских — Дмитриев, Базаров, Пьяного, Шумский, Чюконов, Елизаров, Белозеров, Распопов, Иванов, Авчинников, Карпов, Косов, Зиборов, Звегинцев, Семенов, Русанов, Романов, Чюркин; крестьяне помещика Ивана Старова — 6 человек; из казаков —

Ананьин, Колесников, Лихвенцов, Назин; церковный причет — Распопов, дьячок Попов; новоприходцы — Метальников, Звягинцев, Рощупкин...³⁸³

В городе «Валуйка», «селе Чепухина», других деревнях и сёлах уезда по 1-й ревизии никто с фамилией Чепухин не обнаружен. В «селе Чепухина» в 1719 г. проживали 43 человека городской, рейтарской и казацкой служб. В переписи указаны сведения о возрасте и годности мужчин к военной службе. Самому пожилому жителю, Фёдору Чекрыгину, было 100 лет, его сыну — 30. Если в семье росли малолетние дети, то ставилась приписка: «За бесчеловечеством в службу негоден». В селе жил поп, следовательно, была церковь или приход. Во дворе попа Васильева нашёл приют мальчик-сирота Аврам. Фамилии жителей села первой четверти XVIII века: Анисимов, Бозаров, Дяблов, Левин, Маленков, Назин, Жаворонков, Праселков, Пруцкой, Чуркин³⁸⁴. Судя по надписям на памятниках сельского кладбища, их потомки проживали в селе вплоть до конца XX века.

В разные годы село называлось «Полатовка», «Полатово Чепухина тож». Двойное название села говорило о равноценности обоих именовании: первая половина — современное, основное, а вторая — старинное. Смена старого названия объяснялась тем, что настоящая жизнь села уже никак не была связана с именем его основателя и прежнего владельца. Сложная и неудобная форма подобных названий не соответствовала общепринятым российским стандартам. Примерно с середины XIX века селу возвращается его прежнее название, «Чепухино». В 1953 г. село вновь переименовали. Никому неизвестное, затерявшееся на Белгородчине небольшое село прославилось тем, что в нём родился и провёл детство герой Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. генерал армии Н.Ф. Ватутин. В настоящее время село носит его имя — «Ватутино». В нём есть музей, на сельском кладбище похоронены мать и близкие родственники генерала. Некогда в селе было 200 с лишним дворов, в настоящее время насчитывается не более 20.

Но никогда нельзя заранее сказать, к чему могут привести архивные поиски. Совершенно случайно в списках казацкой службе г. Чугуева 1719–1720

гг. обнаружились Иван и Давыд Чепухины³⁸⁵. Иван — второй сын Акима, Давыд — наверное, внук. Таким образом, один из сыновей Акима перебрался в Чугуев и продолжил военную карьеру.

Прошло три столетия, сменилось десять–двенадцать поколений. Потомки Акима разъезжались по стране, теряя между собой связи. Кто знает, возможно, многие Чепухины приходятся друг другу родственниками и ведут свой род от Акима Чепычина-Чепухина — станичника города Волуйки.

---

¹ Гессель Герритс. Карта России, составленная по оригиналу царевича Федора Борисовича, 1613–1614 гг. (Атлас Блау. Амстердам, 1640-е – 1670-е гг. Гравюра на меди). [Электронный ресурс] <<http://history-maps.ru/pictures/max/0/78.jpg>> (дата обращения: 01. 2013 г.)

² Карта Юга России (Атлас Блау. Амстердам, 1657. Ч. 1. С. 46). [Электронный ресурс] <<http://history-maps.ru/pictures/max/0/356.jpg>> (дата обращения: 01. 2013 г.)

³ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. Ст. 39. Л. 21 об.

⁴ Пискаревский летописец (Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 34). — М., 1978. — С. 195.

⁵ Новый летописец (ПСРЛ. Т. 14). — М., 1965. — С. 44–45.

⁶ Кольцов-Мосальский Владимир Васильевич (?–1610) — князь, воевода в царствования Ивана Грозного, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Лжедмитрия I и Василия Шуйского, сын кн. В.В. Мосальского-Кольца. Воевода в Орле, Пронске. В 1586 г. прислан в Ливны ставить «на поле город». В 1588 г. — первый воевода в Волхове, в 1590 г. в Тобольске. Организовал поход против хана Кучума. В 1591 г. — воевода в Данкове. Под Москвой отражал нашествие хана Казы-Гирея в составе Большого полка. В 1592 г. стоял под Ямом, ожидая нападения шведов, после чего отправлен воеводой в Ивангород. В 1595 г. послан в числе прочих воевод «на Яик города ставить», затем служил в

Астрахани. В 1598 г. подписался под соборной грамотой об избрании царём Бориса Годунова и был отправлен воеводой в Валуйки. В 1604 г. — второй воевода Сторожевого полка в Новгороде-Северском и в Стародубе. В 1603 г. — воевода в Тёрках. В том же году присягнул Лжедмитрию и получил от него чин боярина. В 1607 г. участвовал в сражениях с отрядами И. Болотникова под Серпуховом. (Русь. Рюриковичи: Иллюстрированный исторический словарь. — М., 2000).

⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. — М., 1994. — Т. IV. — Ч. I. — С. 71–72.

⁸ Разрядные книги 1598–1638 гг. — М., 1974. — С. 85.

⁹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. Стб. 35 (1625–1627 гг. Столпик 1. Документы, касающиеся построения Царева-Борисова и Валуйки. Д. 2). Л. 59–71.

¹⁰ Разрядная книга 1550–1636 гг. — М., 1976. — Т. II. — Вып. 1. — С. 263.

¹¹ Разрядная книга 1598–1604 гг. — М., 1974. — С. 170.

¹² Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. «Смута». — М., 1988. — С. 168.

¹³ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. (7113–7121 гг.). — М., 1907. — С. 30, 75, 183, 204.

¹⁴ Свет малой Родины: сборник статей П.А. Сопина / Сост. М.В. Котова. — Валуйки, 2013. — С. 7–11.

¹⁵ Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук. — СПб., 1890. — Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. — С. 643.

¹⁶ Известия Калужской Ученой архивной комиссии, 1902 год. — Калуга, 1903. — С. 7–9.

¹⁷ Сокращенная форма написания года 7109 — летоисчисление от сотворения мира. Для перевода на современное летоисчисление нужно вычесть 5508, с сентября по декабрь — вычесть 5509.

---

¹⁸ Лодыженские — древний род московских дворян, ведущих начало от Облагини, выехавшего, будто бы, из Швеции к Дмитрию Донскому в 1375 г. Состояли в родстве с Ромодановскими. Лодыженские в Волуйке: Иван Давыдович, голова в 1604 г.; Амвросий (Абросим) Иванович, был на крымском размене в 1626 г.; Михаил Иванович, воевода в 1620–1622 гг.; Муралей Федорович, в 1628 г. раздавал жалование; Конон Иванович, воевода в 1676–1679 гг.

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1798. Л. 1–127.

²⁰ Там же. Л. 1–14. Нумерация листов при переводе дана нами по смысловому содержанию текста. Документ из фондов РГАДА, публикуется впервые, в соответствии с правилами издания рукописных текстов XVI—XVII вв. Текст скорописи дан современным русским алфавитом, все устаревшие буквы заменены на современные. Буквенные цифры переведены в арабские, года пересчитаны на современное летоисчисление (в скобках). Титла и сокращения раскрыты: государь, князь, человек, сын, нынешний, двор и т.п. Повторяющийся царский титул «Государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии» (1613–1645) заменен сокращением «(ПТ)». Надстрочные буквы внесены в строку без выделения, отсутствующие в оригинале «ь» и «ъ» помечены курсивом. Твердый знак «еръ» опущен. Текст условно разделен на предложения с пунктуацией. Заглавные буквы имён собственных проставлены. Концы строк не указаны. Орфографические ошибки писца не исправлены. Пропущенные слова и буквы, восстановленные по смыслу, взяты в квадратные скобки. Непереведенные участки рукописи отмечены многоточием. Другие особенности текста указаны в сносках. Перевод подготовили А.Г. Чепухин и А.В. Фоминов.

²¹ РГАДА Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 12. Л. 279–280.

²² В старину на Руси существовало несколько разновидностей сажени, отличающихся между собой по длине. До середины XVII в. широко

использовали «косую (косовую) великую» сажень: 1 саж. = 2 полусажени = 4 локтя = 8 пядей = 24 ладони = 32 вершка = 248 см. С появлением новой меры длины «аршин» (72 см) доминирующую роль начинают играть «маховая» сажень (1 саж. = 2,5 арш. = 180 см) и «казенная» сажень (1 саж. = 3 арш. = 12 четвертей = 48 вершков = 7 греч. фунт = 216 см). Соборным Уложением 1649 г. «3-х аршинная», она же «казенная», «русская», «большая», сажень была полностью легализована. Сажень «без чети» равнялась 197 см. Вместо дробной части сажени часто употребляли «полтора» — это значило половину отнять от второй единицы, оставляя первую целой. Например, «полтрети» сажени — от третьей единицы отнять половину и прибавить к двум целым, получалось 2,5 сажени; «полсемнадцать» — 16,5; «полшестидесят» — 55 и т. д. Для измерения расстояния между удаленными объектами в европейской части России применяли 500 саженую версту, равную 1,08 км. Для расчётов принято 1 сажень = 216 см.

²³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 40. Л. 154.

²⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 51. Л. 14–17.

²⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1. Л. 76–77.

²⁶ Там же. Л. 78–84.

²⁷ Там же. Стб. 1. Л. 85–106.

²⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1798. Л. 47–70, 86–107.

²⁹ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Ч. 1. Д. 50. Л. 1–116.

³⁰ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежския Писцовыя книги. — Воронеж, 1891. — Том второй. — С. 143–185.

³¹ Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. — М., 1894. Ч. 1. — С. 86–94.

³² Трехполье («в поле, а в дву потому ж») заменено на «х3».

³³ «по пятинатцети чети с осминою и с четвериком человеку в поле, а в дву потому ж, да всем вопче чети с полуосминою и с четвериком в поле, а в дву потому ж».

---

³⁴ «Сено косить им с казаки сороку человеком, да десяти человеком с конными стрельцами, а верстатца меж себя самим по окладу».

³⁵ «по осми чети с четвериком человеку в поле, а в дву потому ж, да всем вопче две чети бес полуосмины в поле, а в дву потому ж».

³⁶ Праворотье, Изрог — топонимы XVII в.: «на полянке на Праворотье», «за Праворотьем за надолбами к Сотникову оврагу», «вправо на горе, не доходя Праворотья в перелесках»; «башня на Изроге, Изрожная», «надолбы от Изрога». «Большую группу составляют названия низин, ям, оврагов, а также оврагов, поросших лесом, и склонов оврагов: водомоина, вывершек, верх, вертеб, болонье, буерак, дол, ендовка, ендовище, **изрог** (выделено нами — А.Ч.), котлубань, лог, провор, **проворотье** (выделено нами — А.Ч.), пристенок ...» (История русского языка: Памятники XI–XVIII вв. — М., 1982 — С. 358).

³⁷ Слово «созон», «сазон» представляет собой редкий местный географический термин, этимология которого может быть связана с крымско-татарскими «саз» (болото) или «суза» (степная балка наполняемая водой). См.: Восточно-славянская ономастика. Материалы и исследования. — М., 1979.

³⁸ Полные списки волуйчан из писцовой книги 1626 г. размещены на сайте Всероссийского Генеалогического Древа: <http://baza.vgdru.com/11/81472/>

³⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Стб. по Воронежу. Ед. хр. 34699. Л. 161–163. Бумага, 110 x 98 см, один лист, раскр., акк., филигр. герб. Чертеж выполнен к спорному делу волуйских стрельцов и пушкарей Андрея Калашникова с товарищи с ямщиками о поместной земле за рекой Осколом в 1687 г. Опубликовано: Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. — Воронеж, 1886. — Вып. X. Акты XVII и XVIII стол. — С. 917–925.

⁴⁰ Надписи приведены в соответствии с оригиналом.

⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 26. Л. 18–19, 22–28, 253–254.

⁴² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 54. Л. 172–179.

⁴³ РГАДА. Ф. 210. Десятни. Десятня 143. Л. 2а.

-
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 109. Л. 125.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 28. Л. 116–126.
- ⁴⁶ Там же. Л. 168.
- ⁴⁷ Там же. Л. 169–170.
- ⁴⁸ Там же. Л. 171.
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 62. Л. 6–8.
- ⁵⁰ Там же. Л. 9–11.
- ⁵¹ Там же. Стб. 62. Л. 166–167.
- ⁵² Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начало XVIII в. — М., 1964. — С. 82.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 61. Л. 7–9.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 16. Л. 445.
- ⁵⁵ Там же. Л. 446.
- ⁵⁶ Там же. Л. 447–449.
- ⁵⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 75. Л. 411–415.
- ⁵⁸ Там же. Л. 455–457.
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 14. Л. 103–109.
- ⁶⁰ Багалея Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. — Харьков, 1890. — С. 2.
- ⁶¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 18. Л. 31–46.
- ⁶² Тихая пристань на Раздолье. Краткая история Валуйского Свято-Успенского Пристанского мужского монастыря. / Сост. текста Агафангел (Белых). — Белгород, 2013.
- ⁶³ Открытка из музея Свято-Николаевского собора г. Валуйек, для публикации любезно предоставлена игуменом Агафангелом (Белых).
- ⁶⁴ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Ч. 2. Д. 15827. Л. 93–109.
- ⁶⁵ Гордон П. Дневник, 1690—1695. — М., 2014. — С. 421; Как валуйские граждане собор продавали // Газета «Звезда», г. Валуйки. 13 декабря, 18 декабря 1991 г.
-

---

⁶⁶ В русском делопроизводстве XVI–XVII вв. жителей Днепровского левобережья называли «черкасами», по названию города Черкассы, являвшемся в то время центром украинского казачества. Черкас делили на «служилых» (поступивших на службу к русскому царю) и «воровских». Под термином «Литва», «Литовская сторона» подразумевали земли Речи Посполитой, входившие ранее в состав Великого княжества Литовского. Соответственно, жителей этих территорий именовали «литовские люди». Иногда термины «литовские люди» и «черкасы» употреблялись как синонимы. См.: Папков А.И. «Черкасы» и «люди литовские» на юго-западных рубежах России во второй половине XVI века // Русский сборник (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского). — Брянск, 2006. — Вып. 2–3. — С. 195–200.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 60. Л. 46–48.

⁶⁸ Акты Московского государства. — Т. I. — С. 512.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 60. Л. 305–307.

⁷⁰ Папков А.И. Гетман Яков Острянин в Речи Посполитой и в России// Белоруссия и Украина: история и культура: ежегодник. — М., 2005. — С. 93–121.

⁷¹ Мицик Ю.А. Пухальська Н.Я. Італійська брошура 1633 р. про участь запорожців у Смоленській війні (1632–1634 рр.) // Український історический журнал. — 2010. — № 3. — С. 217. Наш уточнённый перевод с итальянского: «... Казаки захватили множество трофеев. Нашли 66 пушек, однако взяли из них лишь 10 потому, что все остальные расплавились от сильного пожара».

⁷² Отдел микрофильмов Национальной библиотеки, Варшава. № 62086.

⁷³ Берх В. Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междоусобицу. — СПб., 1832. — Ч. I. — С. 183.

⁷⁴ Акты Московского государства. — Т. I. — С. 643–645.

⁷⁵ Там же. С. 626–627.

-
- ⁷⁶ Книги Разрядныя, по официальным оных спискам. — СПб., 1855. — Том второй. — С. 280, 395.
- ⁷⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 103. Л. 179–180.
- ⁷⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 106. Л. 197.
- ⁷⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 130. Л. 120.
- ⁸⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 106. Л. 307.
- ⁸¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 103. Л. 270–271.
- ⁸² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 101. Л. 150–151.
- ⁸³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 103. Л. 197.
- ⁸⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 91. Л. 151–159.
- ⁸⁵ Там же. Л. 373–374.
- ⁸⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 60. Л. 449–451.
- ⁸⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 103. Л. 181.
- ⁸⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 109. Л. 14, 23–31, 124–132, 249–253.
- ⁸⁹ Там же. Стб. 106. Л. 352–353.
- ⁹⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 54. Л. 440–441.
- ⁹¹ Там же. Стб. 61. Л. 294а, 294, 295.
- ⁹² Там же. Стб. 53. Л. 288.
- ⁹³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 91. Л. 46–47.
- ⁹⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 54. Л. 134.
- ⁹⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 91. Л. 103–104.
- ⁹⁶ Там же. Л. 120–121.
- ⁹⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 54. Л. 274.
- ⁹⁸ Там же. Стб. 103. Л. 191.
- ⁹⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 91. Л. 124.
-

-
- ¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 53. Л. 125.
- ¹⁰¹ Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. — М., 1884. — Кн. 4. — С. 873.
- ¹⁰² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 106. Л. 362.
- ¹⁰³ Там же. Стб. 109. Л. 32.
- ¹⁰⁴ Там же. Стб. 101. Л. 548–549.
- ¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 54. Л. 54–57.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 503–505.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 637–640.
- ¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 109. Л. 121–123.
- ¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 60. Л. 530–532.
- ¹¹⁰ Там же. Стб. 103. Л. 196–197.
- ¹¹¹ Там же. Стб. 54. Л. 569, 570.
- ¹¹² Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. — М.: Л., 1948. — Л. 232–233.
- ¹¹³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 54. Л. 546.
- ¹¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 135. Л. 389–395
- ¹¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 54. Л. 98–100, 107–111.
- ¹¹⁶ Там же. Стб. 103. Л. 58–59.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 60–61.
- ¹¹⁸ Там же. Стб. 103. Л. 177–201.
- ¹¹⁹ Булгаков М.Б. Организация мелких откупов в России первой половины XVII столетия. — Тюмень, 1997. — С. 52.
- ¹²⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 130. Л. 98.
- ¹²¹ «сто шесть» дописано чернилами другого цвета
- ¹²² «сто дватцать четыря» дописано чернилами другого цвета
-

-
- ¹²³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 130. Л. 118.
- ¹²⁴ Там же. Л. 120–121.
- ¹²⁵ Там же. Л. 122–130.
- ¹²⁶ Там же. Л. 167–170.
- ¹²⁷ Там же. Ст. 54. Л. 409–414.
- ¹²⁸ Папков А.И. Гетман Яков Острянин в Речи Посполитой и в России. — С. 93–121.
- ¹²⁹ РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Д. 22. Л. 205–213.
- ¹³⁰ РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Д. 52. Л. 19–21.
- ¹³¹ Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. — М., 1894. — Ч. 1. — С. 308–310.
- ¹³² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 43. Л. 187–193.
- ¹³³ Вес пушкарского золотника не установлен.
- ¹³⁴ Шапошников Н.В. «Heraldica» Исторический сборник. — СПб., 1900. — Т. 1. — С. 71–77.
- ¹³⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 43. Л. 252.
- ¹³⁶ Там же. Л. 293–296.
- ¹³⁷ Акты Московского государства. — СПб., 1894. — Т. II. — С. 144.
- ¹³⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 43. Л. 161–163.
- ¹³⁹ Там же. Л. 297.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 174–177.
- ¹⁴¹ Там же. Л. 208–212.
- ¹⁴² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 163. Л. 250–253.
- ¹⁴³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 198. Л. 26–30.
- ¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 203. Л. 33–35.
- ¹⁴⁵ Акты Московского государства. — Т. II. — С. 138.
- ¹⁴⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 265. Л. 1–9.
-

-
- ¹⁴⁷ Там же. Л. 10–11.
- ¹⁴⁸ Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. — СПб., 1858. — Ч. I. — С. 106–108.
- ¹⁴⁹ Загоровский В.П. Белгородская черта. — Воронеж, 1969. — С. 82–83.
- ¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 265. Л. 12–53.
- ¹⁵¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 162. Л. 52–55.
- ¹⁵² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 162. Л. 184–187.
- ¹⁵³ РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Д. 52. Л. 51–75.
- ¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 217. Л. 72–78.
- ¹⁵⁵ Там же. Стб. 203. Л. 109–111.
- ¹⁵⁶ Там же. Л. 113.
- ¹⁵⁷ Там же. Л. 1–8.
- ¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 163. Л. 283–287.
- ¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 209. Л. 347–349.
- ¹⁶⁰ Там же. Л. 427.
- ¹⁶¹ Там же. Л. 430.
- ¹⁶² Там же. Л. 438.
- ¹⁶³ Там же. Стб. 559. Л. 278.
- ¹⁶⁴ Там же. Стб. 265. Л. 54–66.
- ¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 203. Л. 106–110.
- ¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 217. Л. 501–507.
- ¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 265. Л. 151.
- ¹⁶⁸ Байков Фёдор Исакович (ок. 1612–1663 гг.), сын боярский, затем дворянин московский. В 1654 г. его отправили из Тобольска с посольством в Китай для «присматривания в торгах и товарах и в прочих тамошних поведениях». Поездка посольства оказалась неудачной. Вернувшись в Москву, Фёдор подал статейный список, то есть описание своего путешествия, которое стало важнейшим источником в русской географической литературе и отличалось
-

богатством и точностью сведений. При крайней недоступности Китая в XVII в. описание Ф.И. Байкова было для своего времени весьма важным вкладом в географическую науку и скоро стало известным в Западной Европе. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Россия. СПб., 1890–1907. [Электронный ресурс] <<http://ru.wikipedia.org/wiki/Байков>> (дата обращения 06. 2012г.)

¹⁶⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 265. Л. 152.

¹⁷⁰ Алферьев (Олферьев) Иван Васильевич - (? – ?. 12. 1654), рыльский воевода в 1636–1639 гг., в 1644–1646 гг. на воеводстве в Вологде, в 1647 г. — в Цареве-Алексееве (Новом Осколе). В 1648 г. назначен судьей во Владимирский судный приказ. В 1650 г. воевода в Козлове, в 1651–1652 гг. — в Яблонице, откуда был послан во Псков умиротворять взбунтовавшихся горожан и производить суд над мятежниками. В октябре 1653 г. пожалован в окольниковичьи и получил титул муромского наместника, после чего вместе с боярином В.В. Бутурлиным послан принимать в русское подданство Б. Хмельницкого и приводить к присяге Малороссию. За успешное выполнение возложенной миссии был щедро награжден царем. Весной 1654 г. сопровождал государя в походе под Смоленск. В сентябре того же года переведен в Могилев, жители которого просили защиты от притеснений стоявших в городе малороссийских казаков. Приехав в Могилев, приступил к наведению в нем порядка и усмирению казаков, но, не успев завершить начатого дела, скончался. См.: Раздорский А.И. Князья, наместники и воеводы Курского края XI–XVIII вв. — Курск, 2004. [Электронный ресурс] <<http://www.old.kurskcity.ru/book/razdorsky/ra008.html>> (дата обращения 06. 2012 г.)

¹⁷¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Ст., 265. Л. 151 об.

¹⁷² Там же. Л. 165–166.

¹⁷³ Там же. Л. 186, 187.

¹⁷⁴ Там же. Л. 171–178.

¹⁷⁵ Там же. Л. 189–192.

-
- ¹⁷⁶ Там же. Л. 204 об.
- ¹⁷⁷ Там же. Л. 203-206.
- ¹⁷⁸ Там же. Стб. 43. Л. 187–193.
- ¹⁷⁹ Там же. Стб. 265. Л. 209–210.
- ¹⁸⁰ Там же. Л. 215–217.
- ¹⁸¹ Там же. Л. 223–226, 227–229.
- ¹⁸² Там же. Л. 154–156.
- ¹⁸³ Там же. Л. 230, 234.
- ¹⁸⁴ Там же. Л. 188.
- ¹⁸⁵ Там же. Л. 160–162.
- ¹⁸⁶ Там же. Л. 157, 157 об.
- ¹⁸⁷ Там же. Л. 230, 230 об.
- ¹⁸⁸ Там же. Л. 271–272.
- ¹⁸⁹ Там же. Л. 260–270. ЛЛ. 265–270 с росписью города сильно повреждены — обожжены и размыты.
- ¹⁹⁰ Гоздаво-Голомбиевский А.А. Опись чертежей, хранившихся в Разряде во второй половине XVII в. (Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 6). — М., 1889. — С. 26.
- ¹⁹¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 230. Л. 208–213.
- ¹⁹² Там же. Л. 214–221.
- ¹⁹³ Там же. Д. 52. Л. 76–178.
- ¹⁹⁴ Там же. Стб. 265. Л. 200.
- ¹⁹⁵ Акты Московского государства. — Т. II. — С. 178.
- ¹⁹⁶ Там же. — С. 181.
- ¹⁹⁷ Там же. — С. 182–184.
- ¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 567. Л. 536–538.
- ¹⁹⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 288. Л. 128.
- ²⁰⁰ Там же. Л. 129–130.
- ²⁰¹ Там же. Стб. 281. Л. 469–472.
-

-
- ²⁰² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 2172. Л. 331–332.
- ²⁰³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 606. Л. 443.
- ²⁰⁴ Там же. Л. 544–545.
- ²⁰⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 292. Л. 61.
- ²⁰⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 440. Л. 449–450.
- ²⁰⁷ Там же. Стб. 414. Л. 386.
- ²⁰⁸ РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Д. 94. Л. 45.
- ²⁰⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Ст. 397. Л. 295–300.
- ²¹⁰ Свет малой Родины: сборник статей П.А. Сопина. — С. 50.
- ²¹¹ Сборник Императорскаго Русского исторического общества. — СПб., 1898. — Т. 101. — С. 165–166.
- ²¹² Свет малой Родины: сборник статей П.А. Сопина. — С. 51.
- ²¹³ Там же. — С. 56.
- ²¹⁴ [Электронный ресурс] <http://rgada.info/kueh/index2.php?str=1209_77_34699&name> (дата обращения 03. 2014 г.)
- ²¹⁵ Рисунок-копия сделан по документу: Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 349. Оп. 5. Д. 228.
- ²¹⁶ Рисунок сделан по документу: РГВИА. Ф. 349. Оп. 5. Д. 230 (120x80 см).
- ²¹⁷ Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 13.
- ²¹⁸ Спутниковая карта [Электронный ресурс] <<http://maps.yandex.ru/>> (дата обращения 2012 г.)
- ²¹⁹ Карагодин М.И. Осторожно: крепость! // Газета «Звезда», г. Валуйки. 28 янв. 1975, № 16 (8022); Еще о Валуйской крепости // Газета «Звезда», г. Валуйки. 1976 г.
- ²²⁰ Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук. — СПб., 1901. — Т. III. Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664. — С. 183. № 201.
- ²²¹ РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Д. 87. Л. 187–279.
-

-
- ²²² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1833. Л. 23.
- ²²³ Там же. Стб. 1599. Л. 1–777.
- ²²⁴ Там же. Стб. 18. Л. 104–163.
- ²²⁵ РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. Вязка 53 (382). Л. 998–1114 об.
- ²²⁶ РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Д. 52. Л. 245, 245 об.
- ²²⁷ Там же. Д. 94. Л. 53 об.
- ²²⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 903. Л. 36–40; стб. 1061. Л. 240–249.
- ²²⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1429. Л. 177–179.
- ²³⁰ РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Д. 22. Л. 375 об., 594, 594 об.
- ²³¹ Там же. Д. 22. Л. 423.
- ²³² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 58. Л. 682–683.
- ²³³ РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. Вязка 28. Л. 1–6
- ²³⁴ Там же. Вязка 19 (13). Л. 1–4.
- ²³⁵ РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Д. 17. Л. 194–216.
- ²³⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1856. Л. 598–602.
- ²³⁷ РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. Вязка 19 (22). Л. 1–2.
- ²³⁸ РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Д. 22. Л. 642–655.
- ²³⁹ Там же. Л. 613–641.
- ²⁴⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 500. Л. 337.
- ²⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 12. Л. 26–27.
- ²⁴² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 25. Л. 148–149.
- ²⁴³ РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Д. 52. Л. 39–41 об.
- ²⁴⁴ Там же. Д. 94. Л. 50 об.
- ²⁴⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 2172. Л. 323–374.
- ²⁴⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 606. Л. 156.
- ²⁴⁷ Там же. Стб. 362. Л. 32–38.
- ²⁴⁸ Там же. Стб. 52. Л. 247об.–250.
- ²⁴⁹ Реконструкция выполнена условно, на фрагменте ПГМЗ 1780 г.
-

-
- ²⁵⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1136. Л. 265–267.
- ²⁵¹ РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Д. 22. Л. 276–277.
- ²⁵² РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Д. 87. Л. 187–220.
- ²⁵³ Там же. Л. 191.
- ²⁵⁴ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. — Воронеж, 1887. — Том первый. — С. 279–280.
- ²⁵⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1599. Л. 4.
- ²⁵⁶ РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Д. 22. Л. 624 об.
- ²⁵⁷ Акты Московского государства. — Т. I. — С. 2–5.
- ²⁵⁸ Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства, до царя Алексея Михайловича. — М., 1846. — С. 4–60.
- ²⁵⁹ Акты времен Лжедмитрия I-го (1603–1606 гг.). — М., 1918. — С. 268–269.
- ²⁶⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 25. Л. 45.
- ²⁶¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 12. Л. 380–381.
- ²⁶² Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе. — С. 44.
- ²⁶³ Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частию Азова. — Воронеж, 1851. — Кн. 1. — С. 118–120.
- ²⁶⁴ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Ч. 1. Д. 50. Л. 1–116.
- ²⁶⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 247. Л. 232.
- ²⁶⁶ РГАДА. Ф. 210. Десятни. Д. 143. Л. 2–2об.
- ²⁶⁷ РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Д. 52. Л. 289–297 об.
- ²⁶⁸ Книга Большому Чертежу. — Л., 1950. — С. 67–68.
- ²⁶⁹ Там же. С. 84.
- ²⁷⁰ Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе. — С. 13 (30), 23 (33).
- ²⁷¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 399. Л. 213–214.
- ²⁷² Акты Московского государства. — Т. III. — С. 158–159.
-

-
- ²⁷³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 446. Л. 112–114.
- ²⁷⁴ Там же. С. 300–301.
- ²⁷⁵ Сборник Харьковского историко-филологического общества. — Харьков, 1893. — Т. 5. — С. 173–180.
- ²⁷⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 827. Л. 206–208, 460–474. Чертеж на ЛЛ. 465–466.
- ²⁷⁷ Загоровский В.П. Изюмская черта. — Воронеж, 1980. — С. 182–187.
- ²⁷⁸ Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе. — С. 34.
- ²⁷⁹ Акты Московского государства. — Т. I. — С. 630–631.
- ²⁸⁰ Древняя грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частию Азова. — Воронеж, 1852. — Кн. 2. — С. 187–197.
- ²⁸¹ Акты Московского государства. — Т. II. — С. 133.
- ²⁸² Выполнено по карте Якова Брюса и Георга Фон Менгдена (Амстердам, типография И. Тессинга, 1699 г.) [Электронный ресурс] <<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53011752g/f1.zoom.r=Ukraine.langEN>> (Дата обращения 01. 2013 г.)
- ²⁸³ РГАДА. Ф. 210. Десятни. Д. 143. Л. 1.
- ²⁸⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 24. Л. 93.
- ²⁸⁵ Там же. Стб. 25. Л. 45.
- ²⁸⁶ Там же. Л. 46–49.
- ²⁸⁷ Там же. Л. 29, 50–54.
- ²⁸⁸ Там же. Л. 56–58.
- ²⁸⁹ Там же. Л. 54–55.
- ²⁹⁰ Там же. Л. 83 об.
- ²⁹¹ Там же. Л. 77–78.
- ²⁹² Там же. Л. 79–88.
- ²⁹³ Там же. Л. 144–145.
- ²⁹⁴ РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Д. 22. Л. 183–204.
-

-
- ²⁹⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 163. Л. 410–411.
- ²⁹⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 247. Л. 37–38.
- ²⁹⁷ РГАДА. Ф. 210. Десятни. Д. 243. Л. 195–218.
- ²⁹⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 247. Л. 97–99.
- ²⁹⁹ Там же. Л. 407–412.
- ³⁰⁰ Там же. Л. 287–290, 298–300.
- ³⁰¹ Там же. Стб. 247. Л. 229–232.
- ³⁰² Акты Московского государства. — Т. III. — С. 158–159.
- ³⁰³ РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Д. 87. Л. 187–279.
- ³⁰⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 26. Л. 339–340.
- ³⁰⁵ Там же. Стб. 33. Л. 561–563.
- ³⁰⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 247. Л. 100–102.
- ³⁰⁷ Там же. Стб. 247. Л. 138–140.
- ³⁰⁸ Там же. Стб. 39. Л. 22–28.
- ³⁰⁹ Там же. Стб. 25. Л. 10–14.
- ³¹⁰ Там же. Стб. 25. Л. 9.
- ³¹¹ Там же. Стб. 1833. Л. 13–15, 30.
- ³¹² Там же. Стб. 25. Л. 33–35.
- ³¹³ Там же. Л. 28.
- ³¹⁴ Там же. Л. 30–32.
- ³¹⁵ Там же. Л. 38–42.
- ³¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 40. Л. 150–156.
- ³¹⁷ Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи. — М., 1993. — С. 60–62.
- ³¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 61. Л. 97.
- ³¹⁹ Там же. Стб. 25. Л. 24–26.
- ³²⁰ Русская историческая библиотека. — СПб., 1896. — Т. 18. Донские дела. — Кн. 1. — С. 604–630.
- ³²¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 98. Л. 88–94.
-

-
- ³²² Русская историческая библиотека. — СПб., 1906. — Т. 24. Донские дела. — Кн. 2. — С. 158–170.
- ³²³ Там же. — С. 225–248.
- ³²⁴ Русская историческая библиотека. — СПб., 1906. — Т. 24. Донские дела. — Кн. 2. — С. 214–225.
- ³²⁵ РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Д. 22. Л. 611 об.
- ³²⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 135. Л. 389–395.
- ³²⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 446. Л. 112.
- ³²⁸ Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. — М., 1994. — С. 106.
- ³²⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 772. Л. 136–141.
- ³³⁰ Там же. Стб. 217. Л. 209–213.
- ³³¹ Там же. Стб. 247. Л. 506–507, 506 об.
- ³³² Там же. Л. 453–457.
- ³³³ Там же. Л. 446–450.
- ³³⁴ Там же. Л. 457.
- ³³⁵ Там же. Стб. 440. Л. 491–494.
- ³³⁶ Там же. Стб. 1898. Л. 58–64, 309–310.
- ³³⁷ РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. Вязка № 30. Д. 52. Л. 1–5.
- ³³⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 275. Л. 324, 329–331, 353–361.
- ³³⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 2172. Л. 374.
- ³⁴⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 606. Л. 21–22.
- ³⁴¹ Там же. Л. 20.
- ³⁴² Там же. Л. 151–160.
- ³⁴³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 109. Л. 32.
- ³⁴⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 362. Л. 42–43.
- ³⁴⁵ Там же. Л. 46–47.
- ³⁴⁶ Там же. Л. 210–213.
-

-
- ³⁴⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 163. Л. 286.
- ³⁴⁸ Там же. Л. 406.
- ³⁴⁹ Там же. Л. 284.
- ³⁵⁰ Там же. Л. 283.
- ³⁵¹ Там же. Л. 287.
- ³⁵² РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Д. 22. Л. 416 об.
- ³⁵³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1463. Л. 111–112.
- ³⁵⁴ Вейнберг Л.Б. Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. — Воронеж, 1886. — Вып. IX. — С. 775–776, 779–780, 796–797, 799–801, 820–821, 823, 838, 839–840.
- ³⁵⁵ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Д. 34658 (преж. № 127 столб.). Дело № 13.
- ³⁵⁶ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 163. Д. 12292. № 86. Л. 346–352.
- ³⁵⁷ Там же. Л. 358–366.
- ³⁵⁸ Бессуднов А.Н. Отчет об археологической разведке по р. Палатовка и по р. Оскол в пределах Валуйского района Белгородской области и о раскопках стоянки эпохи мезолита (Колосково 4) у с. Колосково Валуйского района Белгородской области в 1986 году (Архив Института археологии РАН).
- ³⁵⁹ В документе наименования служб отсутствуют и реконструированы нами по различным источникам.
- ³⁶⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 245. Л. 211–500.
- ³⁶¹ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола. Стб. 2311. Л. 10–12.
- ³⁶² РГАДА. Ф. 401. Оп.1. Д. 255. Л. 1–28.
- ³⁶³ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1528. Л. 1–53.
- ³⁶⁴ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1829.
- ³⁶⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 170. Л. 545–547.
-

-
- ³⁶⁶ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Д. 1599. Л. 76, 76 об.
- ³⁶⁷ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Дела разных городов. Д. 22. Л. 544 об.
- ³⁶⁸ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола. Д. 87. Л. 221.
- ³⁶⁹ Там же. Д. 94. Л. 315.
- ³⁷⁰ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Дела разных городов. Д. 22. Л. 222.
- ³⁷¹ Там же. Л. 295.
- ³⁷² Там же. Л. 323.
- ³⁷³ Там же. Л. 383 об.
- ³⁷⁴ Там же. Л. 460.
- ³⁷⁵ Багaley Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. — С. 104–140.
- ³⁷⁶ Подробнее об этимологии фамилии рассказано в статье: Чепухин А.Г. «Аким Чепухин из рода Чепы» [Электронный ресурс] <<http://baza.vgdru.com/11/78366/?pg=all>.>
- ³⁷⁷ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Дела разных городов. Д. 22. Л. 613–641.
- ³⁷⁸ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1831. Л. 1–10.
- ³⁷⁹ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола. Д. 175. Л. 396 об.
- ³⁸⁰ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Дела разных городов. Д. 17. Л. 194–216.
- ³⁸¹ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1856. Л. 598–602.
-

---

³⁸² Вейнберг Л.Б. Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. — Воронеж, 1886. — Вып. X. — Л. 875–878.

³⁸³ РГАДА. Ф. 401. Оп.1. Д. 255. Л. 7об. – 14об.

³⁸⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 487. Л. 692–694.

³⁸⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 284. Л. 353 об.